



# ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Москва, ИМЭМО, 2013

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ФОНД ПЕРСПЕКТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИНИЦИАТИВ**

**ФОНД ПОДДЕРЖКИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ ИМ. А.М. ГОРЧАКОВА**

**ФОНД ИМЕНИ ФРИДРИХА ЭБЕРТА**

# **ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**МОСКВА  
ИМЭМО РАН  
2013**

УДК 332.14(5-191.2)  
323(5-191.2)  
ББК 65.5(54)  
66.3(0)7(54)  
Выз 925

Руководители проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский  
Ответственный редактор: И.Я. Кобринская

Выз 925

Вызовы безопасности в Центральной Азии. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 150 с.

ISBN 978-5-9535-0364-8

Сборник “Вызовы безопасности в Центральной Азии” подготовлен по итогам международной конференции, которая прошла в ИМЭМО РАН в конце ноября 2012 года при поддержке Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова и Московского представительства Фонда им. Ф. Эберта. В конференции участвовали ведущие эксперты России, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, Китая, Индии, Германии, Франции, Испании, Польши, США. Рассматривались глобальные, региональные и национальные политические, экономические и военные факторы и аспекты ситуации безопасности в Центральной Азии, особое внимание было уделено роли ключевых игроков в регионе. Дискуссия выявила различие оценок развития ситуации в регионе, однако, по общему мнению, устойчивая стабилизация в регионе требует координации усилий, как ведущих глобальных игроков, так и собственно стран Центральной Азии. Работа состоит из трех частей: аналитического доклада “Вызовы безопасности в Центральной Азии”, стенограммы конференции и тезисов, представленных участниками конференции.

**Challenges to Security in Central Asia.** The book is based on the results of the international conference “Challenges to Security in Central Asia”, organized by the Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of sciences (IMEMO RAS) and Foundation for Prospective Studies and Initiatives (PSIF) with the support of the Fund For the Support of Public Diplomacy by A. Gorchakov and Friedrich Ebert Stiftung (FES in the RF) in the end of November, 2012. Leading experts from Russia, Central Asia states, China, India, Germany, France, Spain, Poland and USA took part in it. During the conference global, regional and national political, economic and military factors and aspects of the security situation in Central Asia were analyzed with a special focus on the role of key actors in the region. The discussion revealed difference in the estimations of the development of the situation in the region. Still, the common opinion is, that the sustainable stabilization in the region demands coordination of the efforts of the leading global actors, as well as of the Central Asia states themselves. The book consists of three parts: analytical report “Challenges to Security in Central Asia”, proceedings of the conference and the theses, prepared by experts-participants of the conference.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN978-5-9535-0364-8

© ИМЭМО РАН, 2013

© ФПИИ, 2013

## Оглавление

<i>Малышева Д.Б. Вызовы безопасности в Центральной Азии</i> .....	5
---	---

### Стенограмма конференции

Вступительное слово .....	19
<i>Первое рабочее заседание «ЦА в контексте меняющегося миропорядка и новых вызовов безопасности в регионе»</i> .....	21
<i>Дискуссия по первому заседанию</i> .....	30
<i>Второе рабочее заседание «Ситуация в Центральной Азии: внутренние проблемы и тенденции на фоне вывода войск из Афганистана»</i> .....	31
<i>Дискуссия по второму заседанию</i> .....	42
<i>Третье рабочее заседание «Интересы, мотивы и роль ключевых глобальных и региональных игроков в Центральной Азии»</i> .....	43
<i>Четвертое рабочее заседание «Пути и механизмы решения проблем региона ЦА. Роль России»</i> .....	52
<i>Пятое рабочее заседание «Сценарии для Центральной Азии»</i> .....	65

### Тезисы, представленные для публикации участниками конференции

<i>Олимова С.К., Олимов М.А. Проблема 2014 года: взгляд из Центральной Азии</i> .....	77
<i>Рафик Сайфулин Центральноазиатские перспективы: Афганистан, 2014 – повод или причина для беспокойств?</i> .....	82
<i>Пань Давэй Безопасность и сотрудничество в регионе Центральной Азии после вывода войск США</i> .....	84
<i>Чжан Цзяньжун Вызовы безопасности в Центральной Азии после афганской войны</i> .....	86
<i>Сафранчук И.А. Сценарии развития ситуации в Афганистане</i> .....	89
<i>Нильс Вёрмер Афганистан в период «передачи ответственности за безопасность</i> .....	91
<i>Дубнов А.Ю. Тезисы для сборника «Вызовы безопасности в Центральной Азии»</i> .....	94

<i>Эргашев Б.И.</i> Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии .....	96
<i>Лузянин С.Г.</i> КНР – Центральная Азия .....	99
<i>Мамедова Н.М.</i> Иран: интересы в ЦА и возможности влияния .....	102
<i>Лаумулин М.Т.</i> Политика США и ЕС в Центральной Азии (сравнительный анализ) .....	106
<i>Сыроежкин К.Л.</i> Пути и механизмы решения проблем региона ЦА. Роль и потенциал ОДКБ .....	132
<i>Никифоров А.Л.</i> ОДКБ: её роль, потенциал и возможные меры при негативном развитии обстановки в Афганистане после 2014 года .....	136
<i>Жуков С.В.</i> Экономическое взаимодействие России и Центральной Азии в условиях глобализации и «открытого регионализма» .....	139
<i>Яценко Е.Б.</i> О невоенных инструментах защиты интересов России в регионе Центральной Азии и Афганистана .....	140
<i>Рогожин А.А.</i> Трудовая миграция – главный объект совместных усилий по обеспечению безопасности стран Центральной Азии и России .....	146

**Д.Б. МАЛЫШЕВА**

*Д.п.н., главный науч. сотрудник, и.о. зав.сектором ИМЭМО РАН*

## **ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

1. Все страны мира, независимо от того, в какой части земного шара они располагаются, все больше сталкиваются со схожими вызовами безопасности. Это не только терроризм, экстремизм, распространение оружия массового уничтожения, наркобизнес. Значительное место стали занимать угрозы деградации природной среды, глобальное потепление, уменьшение лесных массивов и т.п. Серьезное значение приобретает угроза войн из-за воды. Все эти глобальные вызовы и угрозы весьма актуальны и для Центральной Азии. Но ее странам, к сожалению, не удастся пока найти адекватные ответы на многие застарелые, а также и новые вызовы, имеющие по преимуществу *внутренний*, эндогенный характер.

К их числу относятся:

- внутривнутриполитическая и социально-экономическая нестабильность, имеющая такие составляющие, как:
  - межэтническая, межклановая напряженность;
  - противостояние внутри государств региональных элит и кланов;
  - обнищание населения;
  - углубляющийся разрыв в доходах населения и растущие социальные диспропорции;
  - высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи;
  - коррупция;
  - низкая эффективность государственных структур;
- радикальный исламизм, готовый поднять голову в случае любой политической дестабилизации и активно использующий социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов;
- рост влияния наркомафии и частично питающегося из этого источника религиозного экстремизма;
- проблема преемственности верховной политической власти, поскольку в центральноазиатских государствах нет четко установленных и устоявшихся правил такой преемственности.

Сохраняются и *конфликтотензионные межгосударственные противоречия*.

Это, во-первых, “энергоразмежевание”, вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов. В частности, напряженность создалась в связи с планами возведения Рогунской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Кыргызстане на трансграничных водных артериях Амударьи и Сырдарьи. Эти планы вызывают особую озабоченность Узбекистана, где опасаются уменьшения потока воды в реках в результате строительства ГЭС.

Во-вторых – это неурегулированные пограничные споры, которые становятся в Центральной Азии серьезным вызовом безопасности. Споры эти затрагивают большинство республик

региона, но особенно Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляется дефицитом земельных и, что еще более важно в условиях засушливого климата – водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску. Обострившиеся в последние годы отношения между этими тремя центральноазиатскими республиками не исключают возникновения новых этнотерриториальных конфликтов, социальную почву для которых создает продолжающийся прирост населения и сложное социально-экономическое положение.

В-третьих, межгосударственные конфликты провоцируют не завершенные в центральноазиатских государствах сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориальные претензии к соседям или же притязания того или иного государства (что более всего свойственно Узбекистану) на региональное лидерство.

Наряду с быстро накапливающейся критической массой внутренних проблем серьезный вызов безопасности в Центральной Азии создают *внешние* вызовы и угрозы. В их числе – трансграничная преступность, терроризм, рост наркотрафика.

Но наиболее серьезным внешним вызовом для Центральной Азии на ближайшую перспективу остается *афганский фактор* с такими возможными перспективами, как возврат талибов к власти в Афганистане и превращение его в центр радикального исламизма.

2. 2014 год может стать последним в длящейся в Афганистане с 2001 г. американо-натовской военной операции, которая изначально ставила своей целью разгром движения “Талибан”, уничтожение “Аль-Каиды” и других террористических группировок. Приказ о выводе из Афганистана к 2014 г. основного контингента американских войск был отдан президентом США 24 июня 2011 г., а решение о прекращении операции Международных сил содействия безопасности (МССБ) под командованием НАТО было принято на 25-м саммите этой организации в Чикаго (20-21 мая 2012 г.).

Для центральноазиатских государств, являющихся стратегическими партнерами России по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), формирующемуся Евразийскому союзу, небезразлично, превратится ли Центральная Азия после вывода из Афганистана сил международной коалиции в регион бурь и потрясений или же здесь удастся и дальше поддерживать приемлемый уровень стабильности. Они глубоко озабочены такими вопросами, как: сохраняют ли США/НАТО нынешние параметры своего военно-политического присутствия в постсоветской Центральной Азии, свернут его или же, напротив – расширят; будет ли налажено в этом регионе взаимодействие со структурами безопасности, действующими под эгидой России и/или Китая, и каковы могут стать формы и механизмы участия их, а также других региональных игроков (Индии, Ирана, Пакистана), в энергетических, транспортных, военно-политических проектах.

Россия стремится к тому, чтобы к 2014 г. ситуация в Афганистане была максимально смягчена, дабы исключить повторения ситуации 1990-х годов, когда из афгано-пакистанского источника питались сепаратисты и террористы в религиозном обличье на Северном Кавказе. Для интересов нашей страны важно также, чтобы кабульский режим, который будет действовать после вывода большей части иностранных войск, не был ни радикально исламистским, ни марионеточно-проамериканским. Все это заставляет внимательно следить за процессами в Афганистане, которые отмечены сложным переплетением множества интересов, как внутренних, так и внешних, а потому являются во

многом непредсказуемыми, как противоречивы на сегодняшний день **итоги афганской кампании США/НАТО.**

**3.** С одной стороны, достигнуты определенные успехи: в Афганистане созданы новые политические институты, армия, спецслужбы, призванные самостоятельно обеспечивать безопасность. С другой стороны, своей главной цели – ликвидации материально-технической базы талибов, уничтожения их лидеров и изоляции оставшихся в живых командиров движения “Талибан” от подконтрольных им вооруженных повстанческих отрядов – союзникам добиться удалось лишь частично. По некоторым данным, талибы контролируют хоть и не весь Афганистан, но значительную его часть, выдвигая собственные условия на переговорах с правительством Карзая. Не предотвращена и радикализация Пакистана, где обосновались связанные с влиятельной пакистанской Объединенной военной разведкой (Inter-Services Intelligence, ISI) главные силы афганского вооруженного сопротивления – “Талибан” с его руководящим органом “Кветта шура”, “сеть Хаккани” и “Исламская партия Афганистана” Г.Хекматияра. Есть, правда, и признаки усиливающегося неприятия самими пуштунами политической практики Талибана, усталости от этого движения, что проявляется в попытках предложить новый политический проект национальной консолидации пуштунов в преддверии скорого ухода сил США и НАТО из Афганистана.

Проводимые США на этом непростом фоне переговоры с представителями движения “Талибан” относительно будущего устройства Афганистана неизбежно будут сопровождаться активными военно-силовыми действиями. Им, ввиду непрекращающегося нападения боевиков на военнослужащих международной коалиции, будет отдаваться предпочтение перед политико-дипломатическими методами, по крайней мере, на протяжении всего транзитного периода.

Что касается разгрома международных террористов – другой основной задачи военной операции в Афганистане – то и его нельзя считать полностью осуществленным. Террористические группировки типа “Аль-Каиды” покинули в основном Афганистан и Пакистан. Но они не исчезли, а сделали средой своего обитания ряд стран Ближнего Востока и Северной Африки. Более того, ливийская авантюра НАТО 2011 года открыла “Аль-Каиде” возможность развить в этой североафриканской стране свою инфраструктуру и распространить ее затем на светскую Сирию, где боевики “Аль-Каиды” действуют против режима Б. Асада по сути заодно со странами Запада во главе с США, умеренно-исламистским турецким режимом и арабскими консервативными монархиями. При этом “сменившая место жительства” “Аль-Каида” сохраняет сильнейший заряд антиамериканизма и антизападничества. Она привносит в жизнь стран региона религиозную и этническую нетерпимость, хаос, кровопролитие, индивидуальный террор, ставший для организации практически единственным способом решения политических задач. Это угрожает стабильности не только стран Ближнего и Среднего Востока, но и светским режимам Центральной Азии, а также – объективно – интересам как США, так и всего цивилизованного мира.

**4.** Заключив в мае 2012 г. соглашение о стратегическом партнерстве с Афганистаном и наделив эту страну статусом “главного не входящего в НАТО союзника”, администрация США обещает на протяжении 10 лет после вывода войск международной коалиции (то есть до 2024 года) оказывать Афганистану помощь с тем, чтобы в перспективе ответственность за поддержание безопасности взяли на себя формируемые при поддержке НАТО и США афганские структуры безопасности. Так что и после 2014 г. военное присутствие США и НАТО в Афганистане сохранится, но оно, по официальной версии, “не будет носить боевого



характера”. Пока неясно, каковы будут численность и состав такого международного контингента, будет ли он сосредоточен (временно или постоянно) только в самом Афганистане или также в соседних центральноазиатских странах.

О том, что функции американо-натовских военнослужащих вряд ли сведутся лишь к официально обозначенным целям, говорит намерение Пентагона сохранить за собой и после 2014 г. крупные военные базы в Афганистане – в Баграме (к северу от Кабула), Шиндане (близ границы с Ираном), Кандагаре (недалеко от пакистанской границы). Можно, таким образом, предположить, что имеются не афишируемые планы США и в дальнейшем использовать достигнутые ими с 2001 г. логистические и военные преимущества в этом стратегически важном азиатском “хартленде” для мониторинга ситуации и наблюдения здесь за своими стратегическими конкурентами – Россией и Китаем – и сдерживания их по мере необходимости.

Отношения с другими региональными игроками – Индией, Пакистаном, Ираном, будут рассматриваться американской администрацией не только с точки зрения обеспечения региональной безопасности или поддержания стабильности в Афганистане, но и в контексте объявленной президентом Обамой в ноябре 2011 г. “повестки дня будущего США”, согласно которой Азиатско-Тихоокеанский регион провозглашен высшим приоритетом американской политики. Очевидно также, что этот стратегический посыл адресован в первую очередь Китаю, растущее влияние которого в Азии угрожает, как считают в США, американским интересам.

В этой связи США прилагают усилия к тому, чтобы придать значимости своему главному стратегическому партнеру – Индии (в том числе через увеличение продаж ей оружия и совместные военные учения), которая, как полагают в Вашингтоне, может уравновесить растущую военную мощь КНР. Заинтересованная в американских военных технологиях и разделяющая опасения США относительно Китая, Индия постарается также ограничить возможное расширение влияния Пакистана в Афганистане после вывода оттуда войск международной коалиции. Сам Пакистан, без участия которого окажутся безрезультатными любые переговоры по афганской проблеме, будет пристально следить за сохранением за собой роли ключевой стороны в разрешении афганского конфликта.

Иран, несмотря на его непростые отношения с Афганистаном и Пакистаном, также мог бы стать позитивным участником афганского урегулирования, учитывая долгосрочный интерес Ирана к формированию в Афганистане “после 2014 года” умеренного и не враждебного по отношению к афганцам-непуштунам (и шиитам) правительства. Неконструктивная позиция США в отношении Ирана, которая вряд ли претерпит изменения ввиду неприятия Вашингтоном тегеранского режима, оказавшегося относительно устойчивым, снижает шансы на достижение регионального консенсуса в вопросе обеспечения безопасности Афганистана. Это не затеняет того факта, что все региональные державы, несмотря на достаточно сложные взаимоотношения и друг с другом, и с США, объективно заинтересованы в стабильном, предсказуемом Афганистане.

**5.** В краткосрочной перспективе, то есть до 2014 г., США/НАТО постараются максимально использовать транзитные и транспортные возможности центральноазиатских стран. Во-первых, это связано с недостаточной надежностью южного маршрута снабжения войск международной коалиции – через Пакистан, отношения с которым у США в последние годы резко ухудшились. Во-вторых – с огромным объемом вывозимых из Афганистана грузов. Так, только к концу 2014 г. НАТО необходимо будет транспортировать из этой страны около 100 тыс. контейнеров со снаряжением и 50 тыс. транспортных средств, треть которых предполагается пропустить через территорию Центральной Азии.

США заинтересованы также и в более активном привлечении к своей стратегии в Афганистане инфраструктурных возможностей центральноазиатских государств. Им предложено стать экономическими и энергетическими донорами Афганистана в рамках усиленно продвигаемых в последние годы администрацией и госдепартаментом США политико-экономических (Большая Центральная Азия, Новый Шёлковый путь) и энергетических проектов (ТАПИ, названный так по начальным буквам стран-участниц – Туркменистана, Афганистана, Пакистана, Индии). Цель таких проектов – геополитическое переформатирование Центральной и Южной Азии в рамках нового макрорегиона, где не будет места России, Китаю или Ирану и где международно-политические процессы, сфера безопасности, энерго-транспортная система окажутся под контролем США/НАТО.

В связи с близящимся завершением афганской кампании США и НАТО открывают новые возможности для расширения военного сотрудничества с центральноазиатскими государствами. Всего к началу 2012 г. им было выделено из бюджета США 1.69 млрд. долл. При общем сокращении военного бюджета США на 2012 г. финансирование программ в сфере военного сотрудничества и безопасности в Центральной Азии было увеличено почти вдвое – на 74%, а на программу Пентагона по борьбе с наркотиками было отпущено 109.5 млн. долл. Кроме этого, США предлагают оставить центральноазиатским странам часть вывозимых из Афганистана вооружений, спецтехники и оборудования. Взамен США надеются получить преференции при согласовании условий транзита грузов по северному маршруту и дальнейшему пребыванию своих сил на военных объектах в странах Центральной Азии. Можно предположить, что вслед за техникой в страны региона, согласившиеся принять эти “подарки”, придут обслуживающие их натовские и американские военные специалисты. Заметное увеличение на центральноазиатском рынке западных вооружений повлечет за собой потребность в обучении специалистов, поставке запчастей, модернизации, а в итоге может привести к привыканию партнеров Москвы по ОДКБ к военной технике из-за океана. Велика также опасность попадания оставленного оружия в распоряжение радикальных группировок или попросту криминальных элементов и наркомафии.

6. Согласно многоцелевому центральноазиатскому сценарию, главная роль в “Северной распределительной сети”, задействованной для транзита американско-натовских грузов из Афганистана, отдана в 2012 г. Узбекистану. Предваряя это решение, 22 сентября 2011 года конгресс США снял введенные в 2004 г. против Узбекистана ограничения на предоставление ему военной помощи. Территория республики рассматривается в США и как наиболее привлекательная для создания крупных транспортных хабов, имеющих региональное значение, военных объектов (баз), которые могут функционировать и не на постоянной основе. Неслучайным в этой связи видится решение Узбекистана в конце июня 2012 г. приостановить свое членство в ОДКБ, что обусловлено несколькими причинами: принятием ранее ОДКБ новых правил, запрещающих ее участникам размещать у себя иностранные военные базы без согласия других членов; надеждой получить от США в обмен на такой шаг гарантии безопасности после вывода войск коалиции из Афганистана, а также тем, что именно Узбекистану обещана большая часть техники и вооружения, вывозимых войсками коалиции из Афганистана.

Этот демарш Узбекистана вряд ли серьезно ослабит военную составляющую ОДКБ, поскольку республика практически не участвовала в военном сотрудничестве в формате Организации, а в 2009 г. президент Ислам Каримов даже отказался подписывать соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования (КСОР) ОДКБ. Однако борьбу с наркотрафиком данное решение Узбекистана, который граничит не только с Афганистаном, но и с четырьмя центральноазиатскими республиками, может осложнить.

7. Внимание, уделяемое в последнее время американо-натовскими политиками и военными *Таджикистану*, обусловлено не только его географической близостью с Афганистаном, но и открывающейся, как видится в США, возможностью для создания в Таджикистане разветвленной военной инфраструктуры. Этому, как очевидно, мешает российское военное присутствие (201-я база и “Нурек” на Памире). Тем не менее, таджикская сторона подписала с российским президентом во время его официального визита в Таджикистан (5-6 октября 2012 г.) “Соглашение о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан”. Согласно ему эта база останется в республике до 2024 года с возможностью продления ее пребывания на последующие пятилетние периоды. За это Россия обязуется переоснастить вооруженные силы республики и обеспечить подготовку кадров для таджикской армии. Кроме того, военнослужащие базы и члены их семей приравниваются по своему статусу к административному персоналу посольства — подобным статусом пользуется персонал натовского транзитного центра “Манас” в Кыргызстане.

8. Третье “прифронтовое” государство – *Туркменистан*. Ссылаясь на свой нейтральный статус, он единственный из стран региона не подписал с НАТО и США договоров о транзите из Афганистана. Туркменистан интересен для ведущих глобальных игроков в основном богатейшим газовым потенциалом, а также в связи с инициированными им важными проектами в энергетической и транспортной сферах. В их числе – проект ТАПИ (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия), который в случае его реализации приведет к крупным геополитическим сдвигам в регионе Центральной и Южной Азии. Очевидно также, что вопросы демократии и ситуация с правами человека в Туркменистане не станут на ближайшую перспективу (до 2014 г.) предметом особой озабоченности США.

9. В зоне внимания США/НАТО останется и *Кыргызстан* – официально в силу того, что он, согласно западной версии, сохраняет свою роль “островка демократии в Центральной Азии”. Но фактически – благодаря функционирующей с 2001 г. в киргизском аэропорту “Манас” военной базе “Ганси”, переименованной в 2009 г. в Центр транзитных перевозок (ЦТП). На территории этого военного объекта, формально используемого для снабжения операции в Афганистане военными грузами, находится крупнейший технический радиолокационный узел, который ведет разведку по всей Центральной Азии, а также – что особенно важно – и в КНР. Численность американского воинского контингента достигает здесь 1.5. тыс. человек, а прямые выплаты республике в 2011 г. за использование ЦТП составили 151 млн. долл. США. Не удивительно, что Кыргызстан поддерживает идею использования этого объекта и после 2014 г., но уже под новой вывеской – как Гражданского центра транзитных перевозок.

Кыргызстан поддержал идею использования этого объекта и после 2014 г. Об этом президент республики А. Атамбаев заявил в начале 2012 г., фактически перечеркнув тем самым данное им самим на президентских выборах декабря 2011 г. обещание вывести американскую базу с территории Кыргызстана. О серьезности намерений в отношении будущего ЦТП говорило и соглашение о наземном транзите грузов международной коалиции, подписанное во время чикагского саммита НАТО 20-21 мая 2012 г. Данным соглашением Кыргызстан помог НАТО завершить формирование второго наземного маршрута “Северной сети”, пролегающего теперь в Афганистан через Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан и Россию.

Впоследствии, однако, киргизский лидер уточнил, что стремится к превращению авиабазы в гражданский аэропорт, а не в военно-воздушную базу какой-либо страны. По итогам

прошедших в Бишкеке 20 сентября 2012 г. российско-киргизских переговоров на высшем уровне были подписаны документы, закрепляющие российское военное присутствие в республике. Речь, в частности, идет о “Соглашении между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики”, которое начнет действовать с 2017 года. Объединенная российская военная база включит в себя четыре военных объекта: базу подводных испытаний оружия в Караколе, центр военной связи в Кара-Балте, радиосейсмическую лабораторию в Майлуу-Суу и авиабазу в Канте.

**10.** Что касается *Казахстана*, который до 2012 г. занимал приоритетное место в центральноазиатской стратегии США, то с вступлением в силу Таможенного союза и Евразийского экономического пространства, участниками которых наряду с Казахстаном являются Россия и Белоруссия, это центральноазиатское государство будет интересовать США/НАТО в переходный период (до 2014 г.) в основном только как экспортер энергосырья. Это не исключает в дальнейшем попыток оказать давление на руководство Казахстана, в том числе через прозападно настроенную элиту, с целью переориентации республики с постсоветских интеграционных проектов в направлении программ, финансируемых и лоббируемых Западом.

**11.** Если в Центральной Азии произойдет расширение американско-натовского присутствия, как военного (базы), так и экономического, на основе преобразования ныне функционирующей “Северной сети” в трансконтинентальную сеть, которая полностью покроет территорию бывшего СССР, это будет способствовать реализации широких стратегических целей США и их союзников. Целью подобного военно-стратегического контроля станет сдерживание Китая, контроль над Афганистаном, подрыв “экспортной монополии России” и переориентация структур безопасности государств Центральной Азии с постсоветских на натовские. Но как показывает опыт других стран и регионов, натовские структуры заинтересованы не столько в поддержании стабильности – внутригосударственной или межгосударственной, сколько в “принуждении к партнерству” (термин А. Богатурова) стран пребывания, включении их в качестве сателлитов в орбиту западного влияния.

Американские военные объекты, там, где они уже имеются (Кыргызстан) и там, где они могут появиться (Таджикистан), возможно, придадут некоторую уверенность правительствам этих стран. Но американцы едва ли будут готовы принять на себя риски в случае обострения внутривнутриполитической ситуации в этих странах, взять на себя обязательства предоставить длительные гарантии безопасности своим старым-новым стратегическим партнерам. Иллюзией может оказаться и бытующее ныне в Центральной Азии представление о том, что западные военные структуры окажутся эффективнее в плане защиты от внешних и внутренних угроз, нежели СНГ-овские (ОДКБ и пр.). Есть также и пределы использования России как фактора, позволяющего мягко шантажировать американских партнеров: такая “многовекторная” тактика грозит со временем обернуться против тех, кто взял ее на вооружении.

**12.** Для самих США возможность реализовать свои планы в Центральной Азии в долгосрочной перспективе зависит от многих факторов: мировой экономической и политической конъюнктуры, способности быстро справиться с негативными последствиями экономического кризиса и с имиджевыми потерями после войн в Ираке и Афганистане. Географическая отдаленность США от региона и неустойчивая внутренняя ситуация в его

странах могут стать препятствиями для более активного американского вовлечения в центральноазиатские дела “после Афганистана”. При этом нельзя исключить активизации в Центральной Азии более заинтересованных в энергоресурсах региона европейцев. Впрочем, ограничить активность всех их в Центральной Азии способны непредсказуемые и далеко еще не завершенные процессы на Ближнем Востоке, начало которым положила “арабская весна”. Для США, кроме того, может стать невыгодным осложнение отношений с двумя главными державами в Центральноазиатском регионе – Россией и КНР, от которых естественно будет ожидать противодействия любым планам расширения военно-политического присутствия здесь США/НАТО и которые постараются поддерживать стабильность в регионе, опираясь на региональные структуры “коллективной безопасности”.

**13.** В связи с начавшимся выводом войск из Афганистана можно спрогнозировать следующие возможные сценарии развития ситуации в этой стране:

А) Пессимистический сценарий рисует дальнейшее обострение внутригражданского и внутриэтнического противостояния в Афганистане вплоть до вспышки вооруженной борьбы. Ее нежелательным итогом может стать приход к власти непримиримых талибов и воссоздание ими ситуации, схожей с периодом 1996-2001 гг., когда Афганистан стал прибежищем для “Аль-Каиды” и действовавших под ее эгидой сил международного терроризма, угрожавших и Центральной Азии, и России, и миру. Такое развитие ситуации, несомненно, явится серьезным вызовом для окружающих Афганистан стран, в первую очередь центральноазиатских. Наиболее вероятным из рисков станет распространение боевых действий гражданской войны на территорию приграничных центральноазиатских государств – Таджикистана в первую очередь. Сопутствующим этому явлению риском можно считать и массовый поток беженцев с территории Афганистана, что Таджикистан уже испытал в 1996-1997 годах.

Б) Согласно оптимистическому сценарию, после некоторого обострения вооруженной борьбы в Афганистане и ожидающегося в 2014 г. вместе с выводом войск западной коалиции уходом со своего поста президента Х. Карзая, будет реализована программа национального примирения и реинтеграции. По иракской модели – пусть не совершенной, но работающей – будет создано коалиционное правительство на основе достигнутого между основными политическими силами страны консенсуса. Оно будет представлять интересы всех главных политических сил и народов страны, как пуштунов, так и непуштунов. Оснований для такого сдержанного оптимизма несколько:

- народ Афганистана устал от войны;
- “Талибан” во многом утратил поддержку населения из-за того, что дал прибежище террористам со всего мира, навлекши, тем самым, на страну нашествие “иноземцев”, бедствия и массовую гибель людей;
- региональная и мировая среда сильно отличается от того, с чем столкнулся Советский Союз, когда он находился в Афганистане, и от периода, предшествовавшего приходу талибов к власти;
- международное сообщество не намерено, судя по всему, оставлять афганцев один на один со своими внутренними проблемами и будет изыскивать пути финансирования развития Афганистана.

**14.** Развитие событий в Афганистане по негативному сценарию способно привести к череде восстаний, переворотов и гражданских войн в Центральной Азии, может потребовать

вмешательства союзников по ОДКБ и ШОС, что приведет к росту социальной и экономической напряженности во всех государствах-членах.

В случае развития ситуации в Афганистане по оптимистическому сценарию (“Мирный Афганистан”), талибы, являющиеся в массе своей пуштунскими националистами, не станут распространять зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики, население которых этнически чуждо талибам, и где талибы не могут рассчитывать на понимание и поддержку. Даже если талибы, как предполагают многие, снова возвратятся в Афганистане к власти, в их ближайшие планы вряд ли входит осуществление прорыва в Центральную Азию с целью захвата ее территорий или установления в этом регионе халифата.

Основные вызовы безопасности в Центральной Азии будут исходить от внутренних социально-экономических проблем. Да и в целом не прослеживается на ближайшую перспективу прямая и непосредственная связь центральноазиатских государств, или, по крайней мере, большинства из них (за исключением Таджикистана), с происходящими в Афганистане внутренними процессами – борьбой за власть, межэтническими, межрелигиозными конфликтами и пр. Ведь все этнические группы в Афганистане заинтересованы в укреплении собственных позиций, прежде всего, внутри страны, а не вне ее, и поддержку своим действиям местные узбеки и таджики, например, едва ли станут искать среди родственных им народов в Центральной Азии. Другое дело, что угрозу безопасности стран этого региона могут создать базирующиеся в Афганистане и Пакистане “непримиримые” из состава Исламского движения Узбекистана и подобных ему структур.

**15.** Тем не менее, центральноазиатским государствам важно обезопасить себя от угроз со стороны афганского направления – роста наркотрафика, распространения радикальных религиозных течений. Это и обусловило готовность государств региона поддерживать операцию “Несокрушимая свобода” в Афганистане, как на начальной, так и на завершающей стадии. Однако особенно опасным видится в Центральной Азии сочетание потенциальных внешних вызовов (из Афганистана) с реально нарастающими внутривнутриполитическими рисками, которые способны основательно дестабилизировать ситуацию. Опасность представляет и возможное соединение социального и религиозного факторов. При этом, исламская революция вряд ли реально угрожает какой-либо республике региона, даже несмотря на то, что в Узбекистане и Таджикистане, например, роль политического ислама традиционно высока. Более вероятен вариант “афганизации” или же “киргизации”, когда в условиях длительной нестабильности и войны кланов исламисты, питающиеся от наркотрафика и внешней помощи своих “братьев” по вере, становятся элементом всеобщего беспорядка. Для противодействия такому варианту развития государствам региона, помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования, нужна стратегия ответа на внешние вызовы и риски, которую трудно выработать без внешней помощи.

**16.** Наиболее уязвимым с точки зрения безопасности является *Таджикистан*, который имеет с Афганистаном протяженную общую границу, частично проходящую по сложному горному рельефу, что и является причиной трудностей в ее охране. В эту республику после 2014 г. возможным станет проникновение отрядов боевиков, приток беженцев из числа этнических узбеков и таджиков, которых может погнать за пределы страны гражданская война в Афганистане. Чтобы подготовиться к такому развитию событий, власти Таджикистана должны, прежде всего, укрепить свою внешнюю границу с Афганистаном. Реальную помощь в этом мог бы оказать Евросоюз в рамках его “Программы содействия управлению границами в Центральной Азии” – БОМКА (Border Management Programme in Central Asia). Однако в силу того, что основное внимание европейских стран

сосредоточено ныне на борьбе с экономическим и финансовым кризисом, исход которого далеко еще не ясен для самого ЕС и будущего еврозоны, на широкомасштабную поддержку ЕС Таджикистану, как и другим центральноазиатским государствам, рассчитывать не приходится. Как не имеет смысла возлагать им слишком большие надежды на финансирование со стороны международных финансовых институтов (Всемирного банка, МВФ). Они, во-первых, также концентрируют основное внимание в связи с кризисом на европейском направлении. Во-вторых, их деятельность в известной мере зависит от внешнеполитической конъюнктуры. Известно, что как только США стали рассматривать Узбекистан в качестве своего главного стратегического партнера в Центральной Азии, Всемирный банк предписал Таджикистану приостановить – по неофициальным данным, до февраля 2013 г. – возведение Рогунской ГЭС, против которой активно выступает именно Узбекистан. Ущерб от этого решения стал для республики достаточно драматичным, поскольку 5.5 тысяч таджикских строителей потеряли работу, в то время как вопрос занятости стоит в республике чрезвычайно остро.

Таджикистан более других республик Центральной Азии подвержен также нападениям со стороны транснациональных радикальных религиозных организаций типа ИДУ и “Аль-Каиды”. Обращает на себя вместе с тем внимание то, что экстремистская вооруженная активность в Таджикистане в 2010-2012 гг. (Раштский инцидент и др.) была связана больше не с внешним фактором, а преимущественно с внутренними проблемами. В республике многие из тех, кто боролся во время гражданской войны 1990-х годов на стороне оппозиции, разочаровавшись мирным процессом, вновь обратился к насилию.

Растет в республике и популярность Партии исламского возрождения (ПИВТ), готовой бросить вызов правящей Народно-демократической партии Таджикистана и тому политическому строю, который успешно выстраивался в республике в истекшее десятилетие. По словам председателя ПИВТ и депутата нижней палаты парламента Таджикистана Мухиддина Кабири, в настоящее время ПИВТ насчитывает 42 тыс. человек, из которых более 50% – женщины. По подсчетам российского эксперта А. Грозина, из примерно миллиона таджикских мигрантов, работающих в России, 200-300 тыс. являются сторонниками ПИВТ. Эта партия уже привлекла к себе внимание США, не исключая для себя диалога с “умеренными исламистами” в Афганистане и на Ближнем Востоке. Обращают на себя внимание в этой связи переговоры, которые провел 17 сентября 2012 г. в Вашингтоне курирующий регион Южной и Центральной Азии помощник госсекретаря США Р. Блейк с М. Кабири, приехавшим в американскую столицу по приглашению Университета Джорджа Вашингтона “для чтения лекции”. Учитывая, что Кабири имеет имидж прозападного политика, ориентированного на модернизацию ислама (в отличие от другого лидера ПИВТ Мухаммада Нури, считающегося сторонником ориентации на Иран), нельзя полностью исключить в будущем поддержку американцами Кабири как одного из реальных оппонентов власти и влиятельного оппозиционного элемента.

**17. Для *Кыргыстана*** с его перманентной внутривнутриполитической нестабильностью и нерешенными проблемами на юге страны любые потрясения извне, откуда бы они не исходили, способны стать детонатором нового политического или межэтнического конфликта. Ситуацию в сфере безопасности может усугубить и приток в страну использовавшейся в Афганистане военной техники и снаряжения, которые пообещали оставить в республике США.

**18. Изменение формата присутствия американо-натовских войск в Афганистане** после 2014 г. скорее всего не скажется на внутривнутриполитической обстановке в *Узбекистане*, где 30 августа 2012 г. парламент принял закон, запрещающий размещение на территории

Узбекистана иностранных военных баз и объектов. Так был снят с повестки дня вопрос об иностранном военном присутствии. Можно предположить также, что элиты республики достигнут консенсуса в вопросе преемственности власти, и Узбекистан избежит в будущем серьезных политических пертурбаций. До 2014 г. республика будет активно развивать военно-политическое сотрудничество с США, хотя бы для того, чтобы купировать силовым путем внутренние угрозы и блокировать возможные усилия по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации извне.

**19. Нейтральный и закрытый *Туркменистан***, как и в течение двух последних десятилетий, когда он принимал незначительное по сравнению со своими соседями участие во внутриафганских распрях, сумеет сохранить прежний уровень отношений с правящим режимом Афганистана, вне зависимости от того, кто будет там у власти. Стабильным отношениям Туркменистана с Афганистаном будут способствовать усилия по строительству газопровода для транспортировки туркменского газа и среднеазиатских энергетических ресурсов в Пакистан через территорию Афганистана. Туркменистан останется одним из важнейших маршрутов транзита афганских торговых грузов, и Афганистан будет еще долго зависеть от туркменского топлива, которое в настоящее время поставляется в виде бензина и сжиженного газа в несколько провинций Афганистана, которые снабжаются также и электричеством из Туркменистана.

**20. Для *Казахстана*** в силу его географической отдаленности от Афганистана уровень угроз и рисков из-за возможного возникновения в Афганистане гражданской войны, заметно ниже, чем для любой другой страны Центральной Азии. Тем не менее, обострение ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего после вывода основной части военнослужащих США и Международных сил содействия безопасности с передачей ответственности за поддержание безопасности в стране афганским национальным силам, может негативно сказаться и на Казахстане, юг которого тесно взаимосвязан с остальной Центральной Азией. При неблагоприятном сценарии дестабилизация в приграничных с Афганистаном центральноазиатских государствах может выйти за их пределы и прямо или косвенно затронуть интересы Казахстана. В случае прямой военной угрозы со стороны Афганистана, вероятность которой, впрочем, незначительна, можно предположить ту или иную форму российского участия по защите Казахстана для отражения этой угрозы.

Казахстан, который считался островком стабильности в Центральной Азии, испытывает в последние годы проблемы. 17 мая 2011 г. впервые за новейшую историю этой республики произошел теракт в городе Актобе. Затем теракты были зафиксированы в таких крупных городах и областных центрах, как Актобе, Атырау, Астана, Алматы, Тараз. С начала 2012 года по 21 сентября в Казахстане было проведено 5 антитеррористических операций по обезвреживанию предполагаемых террористов, большинство из которых были убиты. Ответственность за террористические акты взяла на себя не известная ранее исламистская группировка “Солдаты Халифата” (Jund al Khalifah), имевшая связи с “Аль-Каидой” и занимавшаяся подготовкой боевиков для этой международной террористической организации. Источники в Афганистане и Пакистане сообщали, что в последние годы оттуда активно направляют боевиков – как правило, этнических казахов – в Казахстан с целью вербовки новых членов и давления на власти. Обращает на себя внимание, что теракты в стране совпали с активизацией политической борьбы за кресло президента Н. Назарбаева. Участились и ужесточились нападения с участием исламистов также и после того, как Казахстан пошел на радикальное сближение с Россией, вступил в Таможенный союз, стал строить с Москвой единое евразийское пространство.



Власти Казахстана не исключают возможности использования территории республики для незаконного транзита оружия и наркотиков, в том числе и с помощью организаций, считающихся исламистскими. При этом в южных районах Казахстана, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивающаяся за счет нелегальных трудовых иммигрантов из Узбекистана, наблюдается быстрая радикализация ислама. Замечена здесь спецслужбами и деятельность “Хизб-ут Тахрир”. Так что многое (появление листовок с антиправительственными призывами и происламистским содержанием) говорит о том, что Казахстану не удастся оставаться в стороне от процессов исламизации, проявляющихся в том числе и в форме религиозного экстремизма, и опасность состоит в возможности использования исламистами социального недовольства.

**21.** С учетом выхода Узбекистана из ОДКБ граница Казахстана может стать южным рубежом ОДКБ, а экономическая интеграция в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства может быть усилена за счет военно-политической составляющей. Теоретически экономическая и политическая интеграция на основе создания Россией и Казахстаном общего экономического пространства может получить качественно новый импульс в случае возникновения серьезных угроз безопасности, требующих мобилизации и высокой координации усилий в борьбе с этой угрозой. В этом случае верх возьмет сценарий углубления экономической интеграции при сохранении и России и Казахстана в качестве суверенных государств, со своей внутренней и внешней политикой.

В связи с тем, что именно на Россию и Казахстан ложится главная ответственность за поддержание стабильности в центральноазиатском регионе, необходим незамедлительный и углубленный диалог, целью которого должно стать обсуждение путей противодействия деструктивным глобальным и региональным тенденциям, активизация действующих структур безопасности с тем, чтобы они становились не виртуальными, а реально работающими механизмами.

**22.** На этом пути неминуемо встанут серьезные трудности. Частично они связаны с тем, что страны Центральной Азии, судя по всему, не спешат связывать проблему обеспечения региональной безопасности с ОДКБ и ее структурами (КСОР и пр.), а также с ШОС. Это обусловлено, во-первых, принятием на вооружение центральноазиатскими участниками этих организаций концепции “многовекторности”, которая на практике во многих случаях сводится к простому внешнеполитическому лавированию между различными мировыми и региональными центрами. Во-вторых, это может быть объяснено неизжитыми фобиями части политических элит региона, муссирующих – ненамеренно или осознанно, либо под воздействием западной пропаганды – тезис о якобы существующих имперских устремлениях России. В-третьих – пассивным отношением Китая (в рамках ШОС) к потенциальным военным угрозам региону, стремлением официального Пекина ограничить свою деятельность в Центральной Азии исключительно сферами энергетики, экономики и торговли. К этому следует прибавить омрачающие межгосударственные отношения в Центральной Азии разногласия (по водной проблеме, спорным территориям и пр.), препятствующие выработке консолидированной повестки дня, в том числе и по вопросам, затрагивающим жизненные интересы государств региона.

**23.** В целом эффективность существующих структур безопасности, действующих в Центральной Азии в рамках СНГ и ШОС, оставляет желать лучшего. Но нельзя не признать того факта, что система все же работает. При всех издержках, связанных главным образом с конкуренцией или параллелизмом в деятельности ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС, она позволяет не

только находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, но и практически решать актуальные вопросы обеспечения региональной безопасности. Императивом является и то, что эти проблемы должны решаться самими государствами Центральной Азии и только в кооперации. Если страны региона хотят сохранить в условиях глобализации реальный суверенитет, им, а также и России, необходимо ускорить интеграционные процессы.

Согласованности действий центральноазиатских государств по противостоянию внешним вызовам и угрозам препятствует не до конца сформировавшаяся в регионе архитектура безопасности, которую отличает сложный многоуровневый характер. Региональный срез безопасности обеспечивается такими военно-политическими и военными организациями, как ШОС и ОДКБ; элементы глобального уровня безопасности связаны с членством государств региона в ООН и ОБСЕ, а также с взаимодействием с НАТО и участием в некоторых программах этой организации, при том, что НАТО часто конкурирует и соперничает в Центральной Азии с ОДКБ и ШОС.

Серьезной помехой для формирования в Центральной Азии действенной системы безопасности служат эгоистические интересы отдельных стран или элитных групп, амбиции некоторых политиков и их нежелание признать, что только коллективными действиями можно минимизировать действующие и потенциальные угрозы, предотвратить не нужное народам региона противостояние. Пока на этом направлении ощущается сильный дефицит политической воли, которую могли бы проявить лидеры государств Центральной Азии.

России и ее центральноазиатским партнерам удастся, как правило, находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, согласовывать многие действия по минимизации внутренних и внешних угроз безопасности. “Раздвоение” же сферы безопасности из-за присутствия нерегиональных сил и структур, плохо помогает решению проблем, порождаемых усложненными геополитическими условиями, тем, что вызовы безопасности Центральной Азии обретают не только внутреннее, но и внешнее измерение.

**24.** Россия в целом определилась с собственными международными приоритетами, и ее действия направлены в числе прочего на создание на постсоветском пространстве новой реальности, которая, как полагают в России, позволит минимизировать многие риски и угрозы, в том числе и те, что исходят из Афганистана. Это новая стратегия России распространяется и на Центральную Азию. С точки зрения экономики предлагаемая Россией соседям идея интеграции строится на очевидном понимании того, что на путях сохранения постсоветскими странами исторических связей, можно выиграть больше, чем от призрачных надежд попасть “на содержание” к кому бы то ни было. В военно-политическом плане Москва не предлагает своим центральноазиатским партнерам выстраивать “союзы против”, а призывает по-соседски работать вместе и противостоять реальным угрозам.

Если центральноазиатские власти не смогут изыскать ресурсы для преодоления внешних вызовов и внутренних проблем, в странах могут усилиться радикальные оппозиционные настроения, которыми воспользуются экстремисты всех мастей. Для противодействия такому варианту развития государствам региона нужны, помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования, стратегия ответа на внутренние и внешние вызовы и риски. Но эту стратегию трудно будет выработать без внешней помощи. Такую помощь, в том числе в сфере разведки и безопасности, центральноазиатские государства могут получить от России, которая жизненно заинтересована в поддержании стабильности в регионе и нейтрализации исламистской угрозы. Разумной альтернативой может стать иницилируемая Россией углубленная экономическая интеграция, которая стимулирует модернизацию и будет способствовать сохранению светского характера политических систем государств региона.

Предстоящий уход боевых частей из Афганистана и передача ответственности за обеспечение безопасности в стране правительству в Кабуле ставит Россию и патронируемые ею структуры безопасности – ОДКБ и ШОС – перед серьезными вызовами. В будущем им предстоит играть более значимую роль в деле афганской стабилизации. Она неминуемо станет предметом не только обсуждения, но и деятельности, скорее всего именно ШОС и ее специализированных структур. Поэтому перед Россией уже сегодня стоит задача развить ШОС до уровня эффективно действующей международной организации, выстраивая ее в многостороннем формате в качестве механизма успешного регионального взаимодействия.

## Стенограмма конференции «Вызовы безопасности в Центральной Азии»

### *Вступительное слово*

**Александр Александрович Дынкин<sup>1</sup>:** Такой интерес к теме вызван многоаспектностью и остротой проблем безопасности в Центральной Азии. Споры вызывает, как мы знаем, и сама дефиниция региона: кто-то говорит «Средняя Азия», кто-то – «Центральная Азия»; иногда это трактуется в узком географическом смысле, иногда – в экономико-географическом (как это было в советской традиции). Есть расширительный взгляд и концепция Большой Центральной Азии. Есть учёные, которые рассматривают ключ к региональной идентичности в исторических, этнокультурных, конфессиональных особенностях. Другие полагают, что большее значение имеют экономические, энергетические, географические, военно-политические и военно-стратегические факторы.

Это старый спор – он начался в XIX веке и продолжается поныне. Думаю, важнее то, что сегодня и, в особенности, завтра мы можем столкнуться с жёсткой реальностью: с тем, что называется *game changer*, – им может стать вывод войск международной коалиции из Афганистана. Его последствия, как для самой страны, так и для центральноазиатского региона, очевидно, будут в фокусе нашего внимания. Число международных игроков, которые участвуют или пристально наблюдают за динамикой ситуации в Афганистане и Центральной Азии, значительно превышает число стран этого региона. Множественность акторов, отсутствие выраженных ценностных предпочтений, переплетение различных и очень сильных влиятельных интересов – всё это качественно усложняет сегодняшнюю ситуацию по сравнению с временами так называемой «Большой игры», когда за доминирование в Центральной Азии боролись две империи – Российская и Британская.

Хотелось бы избежать упрощений в духе реал-политик позапрошлого или прошлого века, представлений о том, что развитие в Центральной Азии является результатом борьбы трёх держав – США, Китая, России. Я считаю, что на ситуацию в регионе оказывают влияние как минимум четыре фактора глобального масштаба:

- стремительный и пока не предопределённый переход мирового сообщества к новому порядку, новому полицентричному миру;
- продолжающийся глобальный финансовый кризис;
- события на Ближнем Востоке и в Северной Африке – импульсы «арабской весны», вызовы со стороны радикального ислама, перехватывающего инициативу у антитоталитарных сил, которые стояли у истоков этих событий;
- колоссальные запасы углеводорода в этом регионе, растущим потребителем которых становится Китай. Это приводит (пока ещё на экспертном уровне) к формулированию более внятной геостратегии, чем простая концепция «гармоничного мира».

Прогноз развития политической ситуации в этом регионе – весьма не тривиальная задача. Однако сегодня ключом к пониманию вызовов и угроз безопасности в Центральной Азии, с моей точки зрения, является ситуация в Афганистане.

---

<sup>1</sup> Академик РАН, директор ИМЭМО РАН

**Игорь Сергеевич Иванов<sup>2</sup>:** С точки зрения безопасности, регион Центральной Азии на протяжении всей обозримой истории человечества был одним из самых сложных регионов мира. Сегодня уместно задаться вопросом: существуют ли достаточные политические, экономические и иные гарантии того, что центральноазиатский регион будет регионом стабильности, безопасности и устойчивого развития на обозримую перспективу. А если таких гарантий пока не создано, могут ли страны региона, их соседи и, в целом, мировое сообщество хотя бы минимизировать риски безопасности, с которыми неизбежно будет сталкиваться Центральная Азия.

К сожалению, два десятилетия постсоветской истории Центральной Азии были омрачены несколькими кровопролитными конфликтами и гражданскими войнами. И сегодня сохраняются многочисленные очаги социально-экономической и этнической напряжённости, наблюдается дефицит доверия в межгосударственных отношениях, отсутствуют устоявшиеся механизмы упреждения и разрешения конфликтных ситуаций. Кроме того, регион находится в близком соседстве с Афганистаном, где уже десятилетие ведутся масштабные боевые операции, и где трудно надеяться на стабильность в обозримом будущем. Помимо всего прочего, Центральная Азия стала регионом активного транзита афганских наркотиков в Россию и Европу.

Мне кажется, данная тема очень актуальна. И дело не только в том, что в скором времени мы станем свидетелями вывода вооружённых сил международной коалиции из Афганистана, что не может не повлиять на ситуацию во всём центральноазиатском регионе. Есть и другие, не менее важные вопросы, требующие детального и беспристрастного профессионального обсуждения. Как может повлиять на обстановку в регионе феномен «арабской весны»? Какова динамика и география миграционных процессов в Центральной Азии? Насколько успешными могут оказаться интеграционные планы и проекты, включающие страны региона?

Все эти вопросы так или иначе затрагивают интересы России. Россия связана с регионом не только историей и культурой, но и экономикой, вопросами безопасности, гуманитарного сотрудничества. Было бы стратегически ошибочным недооценивать значение региона для нашей страны – равно как и преуменьшать роль России для государств региона.

В то же время Центральная Азия связана множеством нитей с Южной Азией, Ближним Востоком, Китаем. Свои интересы в регионе имеют США, Европейский Союз. Можно констатировать, что сегодня регион Центральной Азии выступает и как объект, и как субъект глобальной политики во всех её основных проявлениях. От того, как будет складываться ситуация в Центральной Азии, зависит очень многое и в соседнем регионе, и за его пределами.

С точки зрения безопасности, наверное, самое нежелательное развитие событий в Центральной Азии – это возрождение в регионе так называемой «Большой игры», то есть ожесточённой конкуренции великих держав за региональное влияние в духе соперничества Российской и Британской империй во второй половине XIX века. На этом пути регион ждут новые конфликты, обострение проблем развития, хроническая нестабильность. И вроде бы все понимают бесперспективность такого подхода к Центральной Азии в мире XXI века – тем более, что, в целом, между ответственными игроками мировой политики нет принципиальных разногласий относительно желательной динамики развития региона: все мы хотим видеть Центральную Азию политически стабильной и экономически успешной, противостоящей религиозному фундаментализму и политическому экстремизму, свободной от территориальных споров и этноконфессиональных конфликтов. Тем не менее, следует самокритично признать, что альтернативные варианты выстраивания региональной системы

---

<sup>2</sup> Президент РСМД

безопасности пока проработаны недостаточно, не говоря уже о конкретных шагах по претворению этих вариантов в жизнь.

Деятельность международных организаций в Центральной Азии – включая такие авторитетные как ООН, ОБСЕ, ОДКБ – далеко не всегда оправдывает возлагаемые на них ожидания. Международные программы технической помощи зачастую не отличаются эффективностью, дублируют друг друга, а то и конкурируют друг с другом. Сохраняются многочисленные подозрения относительно намерений и планов держав, пытающихся так или иначе закрепиться в регионе. Многочисленные привычки, стереотипы, предрассудки – всё это мешает нам реализовать принципы «умной политики» в отношении этого стратегически важного региона. Именно поэтому так важен обстоятельный и заинтересованный диалог экспертов из стран региона и из России, из стран Европы и Америки, из Индии, Китая, стран Ближнего Востока.

В заключение хочу отметить, что Российский совет по международным делам также рассматривает регион Центральной Азии как один из важнейших приоритетов в своей работе. Мы работаем вместе с ИМЭМО и другими академическими институтами и надеемся, что эта работа будет полезной и эффективной.

### ***Первое рабочее заседание.***

#### ***«ЦА в контексте меняющегося миропорядка и новых вызовов безопасности в регионе»***

**Игорь Сергеевич Иванов:** Нам очень важно сконцентрироваться на том, какое место Центральная Азия занимает в тех процессах, которые сейчас развиваются в международных отношениях по формированию нового мирового порядка. После событий на Ближнем Востоке многие задавались вопросом: может ли повториться «арабская весна» в регионе Центральной Азии? Каковы здесь аналогии? Возможно ли здесь повторение или продолжение этих процессов, и какое значение эти процессы будут иметь для ситуации в регионе? Как это скажется на интересах ведущих игроков? Мне кажется, это не теоретические, а практические вопросы, и их необходимо учитывать любому государству, которое понимает значение Центральной Азии во внешней политике. Здесь, в программе, перечислены и экономические, и энергетические, и различные другие угрозы. Мне кажется, каждый из тех, кому сейчас будет предоставлено слово, выделит те вопросы, которые считает важными. Но принципиально – ответить на вопрос: какое место Центральная Азия занимает сегодня и будет занимать в ближайшие годы в расстановке сил на международной арене, и как это будет сказываться на развитии ситуации безопасности в этом регионе?

**Виталий Вячеславович Наумкин<sup>3</sup>:** Я выскажу несколько общих соображений. Центральная Азия сегодня уже не изолирована, как это было в первые годы после распада Советского Союза. Сегодня она вплетена в очень широкий контекст отношений в исламском мире, в СНГ, в пространстве, на котором Россия играет определённую роль. Она находится под мощным – и возрастающим – воздействием китайского фактора и на средоточии определённых интересов целого ряда глобальных игроков Запада и Востока.

Сегодня есть некий дефицит внимания к этому региону – в том числе и на Западе, интересы которого часто преувеличиваются. Такой дефицит обусловлен краткосрочными интересами, связанными, в частности, с Афганистаном. Нам пока трудно судить, имеются ли

---

<sup>3</sup> Директор ИВ РАН

долгосрочные интересы у крупных западных игроков (за исключением энергоресурсов региона – особенно, в Казахстане).

Конфликтогенные факторы также нельзя преувеличивать. Но среди них главную роль сегодня играют водно-энергетические проблемы, разделяющие эти государства. В силу чего иногда нам становится трудно говорить об этом регионе как о компактном объединении. Эти проблемы снижают существующие интеграционные позывы. Водное соперничество очень остро. Особенно между Узбекистаном, с одной стороны, и Таджикистаном и Киргизией – с другой.

Есть проблемы более высокого теоретического уровня: например, вопрос превращения воды в товар – нужно ли её продавать, и как это делать? Пока решение не будет найдено, о каком-то урегулировании вообще нельзя говорить. Но оптимальные варианты есть. Хотя международное сообщество, к которому апеллировали некоторые государства региона, пока не предлагает каких-либо адекватных путей выхода из кризиса.

***«Не будем забывать, что на южных границах Центральной Азии находятся два «кентавра»: АфПак и Турция с Сирией. Пора бы уже и для них придумать какой-нибудь термин вроде «СирТур».***

Если говорить о подъёме радикализма как о конфликтогенном факторе, безусловно, он задевает и Центральную Азию. Хотя унаследованный от прежней эпохи ресурс секуляризма пока ещё силен. Но такие государства, как Таджикистан, Узбекистан, Киргизия и даже Казахстан, дают основания серьёзно говорить о том, что же произойдёт. Сегодня среди убитых в Сирии салафитов есть граждане Казахстана – и это уже серьёзно.

Фактором конфликтности является и всё, что связано с суннитско-шиитским противостоянием, которое затрагивает всех, и каждый лагерь пытается вовлечь в свою орбиту Центральную Азию. Это и резкое обострение ситуации вокруг Ирана (на Иран «вешают» всё, и последнее – это события в Газе), который соседствует с Центральной Азией.

Проблема геополитики региона – это очень важный вопрос, и тут каждому государству региона очень важно определиться, как оно будет развиваться в плане своих геостратегических предпочтений и в смысле внутреннего развития. Что касается последнего, грядёт смена поколений – вопрос деликатный, но он касается любого государства.

**Игорь Сергеевич Иванов:** Если я Вас правильно понял, Вы считаете, что Центральная Азия ещё не стала объектом острой борьбы ведущих международных игроков, а находится в процессе «раскачки». Но, я боюсь, если там что-то взорвётся в силу разных причин – внутренних ли, внешних, – то международное сообщество может опоздать. Поэтому нам нужно предвидеть те процессы, которые там могут идти, чтобы вовремя вырабатывать соответствующие рецепты – если это вообще возможно.

**Фёдор Александрович Лукьянов<sup>4</sup>:** Странам Центральной Азии, с учётом опыта «арабской весны», прежде всего, необходимо обращать внимание на качество госуправления. Потому что «арабская весна» показала, как непредсказуемо и быстро могут происходить перемены; и никакие попытки отделить внутреннее от внешнего в современном мире в принципе невозможны. Это касается любых стран. Но для стран, по типу управления подобных арабским и центральноазиатским странам, это ключевой риск.

Когда начинается что-то внутри (а, как правило, это всё-таки вызвано внутренними, объективными причинами), внешние факторы, помимо желания каких бы то ни было

---

<sup>4</sup> Главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

игроков, становятся катализатором всего того, что происходит внутри, и наоборот. Взаимоподдерживающие процессы начинают стремительно раскачивать ситуацию, что было явно заметно в арабских странах, и я уверен, что Сирия – это не последний пример такого рода.

***«Перехода к новому мировому порядку, о котором мы упоминаем, по-моему, не происходит. То есть переход происходит, но не к мировому порядку, а куда-то непонятно куда. Пока можно говорить только о том, что происходит эрозия остатков старого порядка. Видимо, это будет продолжаться ещё какое-то время».***

Старый порядок оказался очень прочным. Прошло уже порядка 25-ти лет, ситуация изменилась совсем, но никаких новых дееспособных институтов не появилось. Зато старые, хотя они не отвечают новым реалиям, упорно сопротивляются.

В такой ситуации, когда всё становится совсем непонятно, *реал политик* прошлого и позапрошлого века становится единственным возможным ответом – потому что никаких новых норм и правил не образовалось, а любое государство (особенно, если оно претендует на роль великой державы) имеет эти *реал-политические* навыки. Поэтому эта инстинктивная политика становится доминирующей. Хотя, если посмотреть внимательно, непонятно, какая «Большая игра» там может идти? Кто с кем играет? Если бы ситуация была такой, как 150 лет назад, когда есть явные претенденты на господство и доминирование, в каком-то смысле, это было бы лучше. Они бы пытались выстроить баланс. Сейчас есть соперничество, но нет стран, которые были бы готовы стать полноценными империями и взять всё под свой контроль. Есть некая имитация «Большой игры». Или сочетание множества «малых игр» – в результате чего структурно никакой конструкции не получается.

Смещение мировой динамической оси в сторону АТР пока не достаточное. Оно происходит, но его воздействие на политические процессы меньше, чем должно было бы быть. Если бы Китай занял ту нишу, которую ему все приписывают (если не мировое господство, то вторая по могуществу держава – новая версия Советского Союза), тогда всё выстроилось бы более чётко. Китай, во-первых, явно пока не обладает ресурсами для этого, а во-вторых, сам всеми силами открещивается от такой роли. И чем больше он открещивается, тем больше возникает подозрений у остальных. В результате получается какая-то сумятица в несоответствии реалистических и конструктивистских подходов.

***«Восприятие Китая не соответствует тому, что, с точки зрения реальных потенциалов и китайской политики, есть на самом деле. В этой ситуации не происходит возрождения старых геополитических подходов – они просто-напросто не работают».***

В этом смысле, для стран региона есть очень серьёзный риск, и это заметно в политике некоторых стран: они исходят из того, что «Большая игра» есть, и существует очень серьёзная геополитическая конкуренция. Их задача – сделать правильный выбор или попытаться извлечь дивиденды из соперничества, или присоединиться к той стороне, которая сильнее и перспективнее.

Мне кажется, что это неправильный подход. Этих сторон нет. Такого очевидного соперничества, когда крупные страны готовы были бы чем-то рисковать или вкладывать большие ресурсы, не заметно. Возможно, оно появится. А может быть, хаос будет только усугубляться, и желание иметь с этим дело у больших игроков будет ослабевать. Тогда они постараются ограничиться минимизацией рисков с тем, чтобы этот хаос не распространялся.

И последнее. Российская политика тоже меняется. Она меняется вместе с российским обществом, которое изживает эти имперские или постимперские рефлексy. И всё большее число людей по-другому смотрит на окружающие нас страны. Несколько лет назад



присутствие России в соседних странах (в том числе и в Центральной Азии) было аксиомой. А сейчас в обществе возникает непонимание: «зачем нам это надо?» Это не доминирующее настроение, но, мне кажется, в силу внутренних процессов, оно будет расти. И это будет вносить перемены в восприятие государственной внешней политики. Тезис о том, что Россия всегда и неизбежно будет уделять огромное внимание этому региону, не бесспорен. Как минимум надо предполагать и другие сценарии. Это, конечно, очень сильно повлияет на развитие событий в регионе – хорошо или плохо – но те изменения, которые происходят, требуют к себе внимания.

**Игорь Сергеевич Иванов:** Когда мы упоминали «Большую игру», мы, конечно, не имели в виду зеркально перенести то, что было раньше, на сегодняшний день. Сегодня изменился состав игроков, изменилась расстановка сил. Речь идёт о том, что этот регион будет или регионом сотрудничества, или противостояния.

По поводу недостатка внимания со стороны ведущих игроков. Я тоже так думал, когда лет десять тому назад в документах НАТО вдруг появилась Центральная Азия. Казалось бы, какое отношение Центральная Азия имеет к зоне ответственности НАТО? Потом она появляется в документах ЕС. В доктринальных (прежде всего, энергетических) документах США – тоже она. То, что интерес к региону со стороны самых разных игроков есть, – вещь очевидная. То, что регион взрывоопасный, – тоже. Если там произойдёт какое-то нежелательное развитие событий, туда будут вовлечены многие страны, и прежде всего – Россия, хотим мы этого или нет. Конечно, есть такие суждения, что не нужно проявлять излишнюю активность в Центральной Азии. Но я считаю, что это ошибочная политика. Рано или поздно – придётся. Но когда будет поздно, это будет с *большими* издержками и с *большими* последствиями. Это моя точка зрения.

**Пан Давей<sup>5</sup>:** Я хотел бы высказать свою позицию по поводу ситуации в регионе после вывода войск из Афганистана. Несмотря на то, что война в Афганистане продолжается одиннадцатый год, эта страна по-прежнему пребывает в хаосе, и до сих пор существуют очень серьёзные угрозы безопасности. В начале этой войны, после продолжавшейся два с половиной месяца военной операции войск НАТО, основу которых составляют военнослужащие США, движение Талибан было отстранено от власти и фактически утратило боеспособность. Однако в настоящий момент американское правительство вынуждено признать, что обеспечение хотя бы видимости стабильности на первое время невозможно без достижения компромисса между правительством Карзая и талибами. При всех этих неоптимистических условиях, вывод войск Международных сил содействия безопасности приведёт к тому, что могут возникнуть новые непредвиденные обстоятельства в Афганистане и других странах данного региона.

Ситуацию в Афганистане на данный момент нельзя назвать оптимистической. Выход может быть найден, только если соответствующие страны со всей искренностью примут ответственные меры для налаживания политических отношений внутри Афганистана, предоставят гарантии стабильности и минимально нормальные условия жизни местному населению, не преследуя какие-то дополнительные замыслы.

Дело ведь не в том, хватает ли ума и возможностей, а в том, для каких целей они прилагают свои умы и возможности. В начале проведения операции американцы официально декларировали, что её цель – освобождение территории Афганистана от влияния талибов и суд над участниками Аль-Каиды. На самом деле, антитеррористическая война в Афганистане

---

<sup>5</sup> Директор Центра исследований России, Шанхайская академия общественных наук

привела к военному присутствию США в регионе Центральной Азии. Ныне, при выводе войск, Америка реализует свои глобальные стратегические замыслы: избавившись от обузы своей антитеррористической миссии, она совершит перемещение центра тяжести на восток.

С одной стороны, при максимальном сокращении своей вовлечённости в Афганистане, Америка старается сохранять полученное влияние в Центральной Азии. Перед президентскими выборами с Карзаем было подписано соглашение о стратегическом партнёрстве, которое даёт Америке право сохранять своё присутствие в Афганистане ещё десять лет после вывода войск Международных сил. Используя транзит и военное снабжение как повод, Америка старается продолжать пользоваться транзитным коридором через Россию и Центральную Азию и сохранять военные базы в некоторых странах Центральной Азии. С другой стороны, пользуясь возможностью контроля над Афганистаном, Америка активнее реализует план Большой Центральной Азии, чтобы добиться своего стратегического преимущества в регионе. Руководство США вынуждено на ходу перекраивать свои планы, чтобы ослабить влияние региональных держав, предотвратить появление могущественных конкурентов, любой ценой удержать свой пошатнувшийся в последние годы статус мирового гегемона.

Результат войны в Афганистане ещё раз доказал, что любая попытка применения военного способа разрешения противоречий между государствами, народами и социальными группами не приносит пользы. В китайском и в русском языках есть поговорка: «горе от ума». Вот, например, вопрос об урегулировании государственных границ между Россией и Китаем окончательно закрыт. Данный опыт свидетельствует о том, что мирный, равноправный диалог – это правильный и эффективный способ решения сложных чувствительных вопросов. Этот опыт тоже в своём роде является «мягкой силой» и обладает преимуществом.

Необходимо избежать любых отрицательных последствий вывода войск из Афганистана. В последнее время появилась идея о передаче государствам региона вывозимой из Афганистана американской военной техники и снаряжения. Это очень опасный признак социальной нестабильности и скрытого раскола данного региона. США считают себя ответственным государством – так пусть принесут государствам Центральной Азии настоящее спокойствие и благо. Как могучая страна, в своё время имевшая возможность привезти эту военную технику в Афганистан, сейчас Америка должна найти возможность вывезти её оттуда.

Вывод войск усложнит ситуацию безопасности в регионе Центральной Азии. И сейчас наблюдается тенденция перетекания в этот регион террористической и экстремистской активности из северных районов Афганистана. В связи с этим резко возрастает роль ШОС. Необходимо усиление со стороны ШОС для обеспечения пояса безопасности на границах Афганистана и укрепления границ государств-членов ШОС. На саммите ШОС в Пекине, состоявшемся в июне 2012-го года, обсуждалась программа сотрудничества государств-членов ШОС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013-2015-ые годы. В ней содержится множество уместных мероприятий, связанных с региональным положением после вывода войск из Афганистана. Здесь важно претворить в практику все эти идеи и мероприятия.

***«В рамках ШОС основной площадкой для укрепления сотрудничества в борьбе с новыми вызовами и угрозами остаётся региональная антитеррористическая структура. Надо выявить нераскрытый потенциал данной структуры, максимально привлечь стран-наблюдателей и стран-партнёров по диалогу к её работе. Координировать и проводить сотрудничество с другими организациями, такими как ОДКБ».***

Ещё один немаловажный аспект – экономическое сотрудничество ШОС с Афганистаном. Необходимо подчеркнуть, что перспективные проекты в этом направлении, а особенно проекты инфраструктурного строительства в регионе, имеют не только экономическое, но и стратегическое значение (например, проект строительства автотрасс и железнодорожных путей, которые объединили бы Центральную Азию с Ираном, Пакистаном, Индией и другими странами Южной Азии). Реализация подобных проектов способствует развитию экономики, а также заинтересованности всех стран в установлении и сохранении безопасности на территории АфПака. Это хорошая возможность поднять уровень экономического сотрудничества между странами ШОС, сформулировать механизм многостороннего сотрудничества между ними.

**Владимир Георгиевич Барановский<sup>6</sup>:** У нас нет чёткого, однозначного видения того, что происходит в международной среде, того, какие изменения важны, чтобы их учитывать при анализе развития событий в Центральной Азии. Фёдор Лукьянов очень правильно сказал, что, на его взгляд, формирования нового мирового порядка не происходит – старый исчезает, а что-то новое формируется очень нечётко. Для нас это большая интеллектуальная и политическая проблема.

Первый вопрос: что мы понимаем под словом «безопасность»? Разумный подход, на мой взгляд, – отождествлять безопасность со стабильностью. Стабильность международного, регионального, внутристранового развития – это квинтэссенция понятия «безопасность».

Когда мы говорим о вызовах безопасности в Центральной Азии, аналитически мы можем выделить три уровня:

- вызовы стабильности, которые носят внутренний характер, проистекают из внутреннего положения в странах региона;
- общерегиональные проблемы;
- внешние проблемы.

Сказать, что важнее, очень трудно. Взаимосвязь внутренних и внешних факторов обнаруживается буквально в каждом из случаев, которые мы пытаемся анализировать. Например, терроризм – это проблема для международного сообщества, для региональной ситуации, для внутристранового развития. И все страны Центральной Азии провозгласили своё намерение бороться с терроризмом. Казалось бы, они могут рассчитывать на поддержку мирового сообщества. Но, с другой стороны, мы прекрасно знаем, что понятие «борьба с терроризмом» часто интерпретируется в очень широких пределах. Часто это предлог для того, чтобы подавлять оппозицию или политических оппонентов в целом. Таким образом, связь между борьбой с терроризмом и внутриполитической динамикой обнаруживается буквально каждый раз, а проблемы стабильности оказываются тесно переплетены и с внешними, и с внутренними факторами.

Уровень региональных вызовов очень важен – это межстрановые, внутрирегиональные противоречия, которые связаны с полным перечнем всех традиционных для таких случаев проблем. Это неурегулированные границы, вовлечённость в борьбу с соседями (и подозрения, что кто-то может оказывать воздействие на внутриполитическое развитие), экономические споры по ресурсам, борьба за лидерство. Эти четыре темы – по-моему, самые главные, когда мы говорим о внутрирегиональном контексте.

Во внешнем контексте много неясностей. Не в связи с Центральной Азией, а в связи с самим внешним контекстом. Здесь нам приходится думать о содержании текущих глобальных изменений. Начать с того, что ось мировой политики перемещается в направлении АТР – это

---

<sup>6</sup> Академик РАН, директор ЦСА РАН

очень верная констатация, тому есть много подтверждений. Но в чём суть этого перемещения? В чём здесь главные вызовы и проблемы? На это можно смотреть по-разному. На мой взгляд, главное – это абсолютно новая ситуация, которая обусловлена ростом, усилением и появлением новых могущественных игроков, выходящих на глобальный уровень (Китай, Индия). Как эти игроки впишутся в глобальную систему? Каковы качественные параметры их развития? Каков запас их внутренней устойчивости? Как их усиление будет спроецировано вовне? Какую вызовет реакцию? Отсюда – эта проблема Центральной Азии. Из этого я делаю вывод, что Центральной Азии надо уделять самое пристальное внимание именно в этом контексте, потому что она – рядом. Пока ещё это не приобрело какого-то драматического характера, но это то, что будет на повестке дня завтра и, в большей степени, послезавтра. Не принимать это во внимание – чрезвычайно трудно.

Афганистан – это очень большая и разноплановая тема, напрямую связанная с Центральной Азией. Но если мы говорим о глобальных вещах, здесь, на мой взгляд, есть чрезвычайно важный сюжет:

***какой урок преподал опыт Афганистана в плане применения военной силы с целью оказания воздействия на внутреннее развитие государства? Мне кажется, опыт Афганистана оказался абсолютно катастрофическим.***

Это связано с тем, что поставленные одиннадцать лет назад задачи были крайне амбициозными. Кроме того, присутствует явный перекос в сторону военного инструментария, а иностранные, интервенционные силы пребывают в стране слишком долго, причём компонент боевых действий очень значителен. Это приводит к тому, что, может быть, изначально благородная цель операции дегуманизируется и вызывает растущее сопротивление. Мы должны думать об этом, размышляя о Центральной Азии. В Центральной Азии назревают внутренние изменения, они должны там происходить. Если их не будет, потенциал внутренней взрывоопасности будет нарастать. Как реагировать извне? Это колоссальный вопрос, на который пока ответа нет.

И последнее. Я согласен с тем, что «Большой игры» пока нет. Она будет назревать. Пользуясь старыми терминами, мы, конечно, упрощаем, но есть такие вещи, которые не исчезают из международной практики, несмотря на то, что мир меняется. Это вопросы влияния, вопросы отношений с партнёрами, вопросы конкуренции. Центральная Азия – привлекательный пример для размышлений на эту тему, потому что мы пока находимся на той стадии, когда можно направить это развитие в русло сотрудничества, а не соперничества. Когда эта «Большая игра» будет иметь своим стержнем взаимодействие крупных внешних игроков, а не их жёсткое противодействие друг другу. Нам в этом отношении нужно преодолевать некоторые комплексы – ведь сейчас принято рассматривать то, что делают другие участники, с большим подозрением. Этот синдром недоверия и подозрительности надо преодолевать. Вопрос в том, что кооперативное взаимодействие требует присутствия других стран, в частности, США, ЕС (интерес ЕС, по-моему, явно недостаточен). Нам было бы интересно взаимодействовать с Европейским Союзом в Центральной Азии для обеспечения стабильности в регионе.

**Игорь Сергеевич Иванов:** С моей точки зрения, эти внутрирегиональные вызовы государства региона решить не могут.

Какие могут быть механизмы? Вот была названа ШОС: насколько ШОС может быть эффективной с точки зрения безопасности? ОБСЕ, ОДКБ, другие организации... или государства должны действовать самостоятельно, искать какие-то новые механизмы доверия в региональном масштабе? Я полностью согласен:

*в Центральной Азии есть возможность выстраивать серьёзное партнёрство между крупными ведущими игроками. Конечно, противоречия есть, но они носят глобальный, а не региональный характер. И он переносится на регион.*

**Нандан Унникришнан<sup>7</sup>:** Индия – новый игрок в Центральной Азии. Теперь Индия пришла к выводу, что Центральная Азия – очень важный регион для её внешней политики. Конечно, несмотря на то, что у нас есть давние исторические связи с регионом, мы понимаем, что нам нужно научиться играть в геополитические игры в роли большого игрока. Россия – одна из тех стран, где бы мы хотели научиться.

Я согласен, что стабильность – самый важный вопрос. У нас испокон веков существуют проблемы, связанные с её достижением. Мы готовы сотрудничать со всеми странами в этом отношении. Тут мы подходим к вопросу об Афганистане. Индийское стратегическое сообщество не считает, что американцы собираются полностью исчезнуть из Афганистана. Поэтому мы считаем, что ситуация нестабильности будет продолжаться. Но, в то же время, это не означает, что сразу после 2014-го года к власти придут талибы – это самый пессимистический вариант. Однако

*без сотрудничества других стран (здесь важный компонент - Иран) ситуация в Афганистане не стабилизируется. Нужно создать какую-то региональную инициативу.*

Центральная Азия – это очень важный регион для Индии (большой рынок + энергоресурсы). Но у нас нет к нему доступа. Пакистан не разрешает нам перевозить грузы через границу в сторону Центральной Азии, поэтому у нас есть проблемы с доставкой товаров в регион, транзитом энергоресурсов в Индию. Существует множество проектов создания новых систем коммуникаций, но, к сожалению, пока это всё только разговоры. Конкретных действий ещё нет. Конечно, некоторые грузы доставляются через Иран в Каспий и оттуда – в Центральную Азию. И ещё мы построили дорогу в Афганистане – теперь ей тоже можно пользоваться. Но этого недостаточно. Я упоминаю это потому, что, если у нас не будет тесных связей с регионом, вряд ли Индия сможет играть большую роль в Центральной Азии.

Если посмотреть на уровень торговли Индии с регионом – на данный момент это всего лишь 500 млн долл. Китай – это 29 млрд долл. Россия – 26 млрд долл. Какой же может быть разговор о влиянии Индии в Центральной Азии? В то же время Индия становится большой экономикой, и у неё появляется желание играть не только в соседних странах, но во всём мире. Такие амбиции будут толкать Индию к тому, чтобы развивать отношения с Центральной Азией. Может быть, создастся ситуация, что Индия окажется в соперничестве с Китаем или Пакистаном, тогда это станет новым фактором нестабильности в регионе. Об этом стоит подумать.

**Борис Вильке<sup>8</sup>:** Я собираюсь говорить с академической точки зрения, а не с точки зрения немецкого правительства. Центральная Азия не является соседом Германии, она удалена от нас, но, в связи с конфликтом в Афганистане, регион оказывает влияние на внешнюю политику и политику обеспечения безопасности Германии. Я хотел бы начать с кратких замечаний по интерпретации того, что происходит последние 20 лет в мире и регионе. Позже я буду говорить о том игроке, с которым я работал на протяжении 20-ти лет, – о Пакистане.

<sup>7</sup> Вице-президент, с.н.с. Центра по международным вопросам Фонда «Обсервер», Индия

<sup>8</sup> Н.с., Университет Билефельда, Германия

Существуют две интерпретации устройства мира после холодной войны. Первая – это парадигма глобализации. В начале 1990-х годов все говорили о мире без границ, о роли экономики в его развитии. В Европе и, в частности, в Германии глобализм тогда воспринимали с оптимизмом, верили в успех господствующей идеологии того времени – либерализма. Сейчас мы понимаем (это связано, в том числе, и с опытом Афганистана), что не всё так просто, что это не открытый и свободный, а весьма хаотический мир, в котором существует не только взаимосвязь, но и взаимозависимость. Что в нём существует определённая иерархия, важную роль играет военный компонент. Сегодня мы вынуждены быть более реалистичными и осмотрительными. Я согласен с тем, что было сказано: поставленные в Афганистане цели оказались слишком амбициозными.

Но есть ещё один опыт – это «арабская весна». Поскольку Ближний Восток намного ближе к Европе, чем Центральная Азия, я остановлюсь на нём подробнее. «Арабская весна» вряд ли сразу окажет непосредственное влияние на Центральную Азию. Но «арабская весна» показала, что изменения внутри страны, внутри общества могут спутать правила международной игры. Это мы сейчас наблюдаем и в израильско-палестинском конфликте, и в революционном Египте.

Вторая парадигма – геополитическая. Но мне кажется, чтобы обсуждать существующие проблемы, нужно предложить какую-то третью парадигму. Она должна соответствовать концепции *реал политик* и при этом учитывать общественное развитие, потому что изменения внутри страны оказывают влияние на ход игры, делают её более непредсказуемой и сложной.

Я считаю, что такой подход крайне актуален в отношении Пакистана: мы должны наблюдать внутреннее развитие этой страны с большим вниманием. Я не полагаю возможным для Пакистана революционный сценарий «арабской весны». Даже эволюция в этом государстве идёт с трудом – это совершенно особый тип государственного устройства, сформированный на основе другого опыта в военном отношении и в построении демократии. Про Пакистан говорят – и это актуально и в отношении Афганистана: «В этой стране три определяющих фактора: армия, религия и США». Я считаю, что роль США (и Запада в целом) сегодня уменьшается. Появляются новые силы – юридические, СМИ. Они будут влиять на внешнюю политику, политику безопасности после 2014-го года.

Рассматривая Центральную Азию, мы должны обращать внимание и на глобальные процессы, и на то, какие факторы формируют линию поведения игроков (в первую очередь, внутренние процессы в обществе).

Что касается усиления экстремистских движений, я считаю, здесь мы практически ничего не можем сделать. Эту проблему сложно решить извне. Есть другие проблемы региона, бороться с которыми проще, и в которых наблюдается позитивная динамика. Особенно в Южной Азии – есть позитивные тенденции в развитии отношений между Индией и Пакистаном. И это отразится на Центральной Азии: если эти страны будут больше интегрированы в региональное сотрудничество, ситуация в Афганистане может улучшиться.

**Алексей Всеволодович Малащенко<sup>9</sup>:** В Центральной Азии безусловно присутствует исламский радикализм. И он никуда не исчезнет, потому что существуют конкретные внутренние причины, обуславливающие его наличие. Первая – это реактивность (реакция на то, что там происходит: неудачи существующих режимов, низкий уровень жизни населения и проч.). Вторая – религиозное размежевание (чем-то напоминает наш Северный Кавказ).

---

<sup>9</sup> Член научного совета Московского центра Карнеги

Есть и внешние причины: Афганистан, Аль-Каида. Но в последнее время их влияние уменьшилось. Даже влияние Афганистана сейчас несколько меньшее, чем нам бы хотелось видеть. Но

***«появилась ещё одна внешняя причина, и в обозримом будущем она может оказаться ключевой – это «арабская весна», а точнее, «исламское лето». Оно окажет влияние на все государства Центральной Азии. Наиболее вероятной «жертвой» станет Узбекистан. В меньшей степени – Таджикистан. Про Казахстан надо говорить отдельно».***

Влияние «исламского лета» на Ближнем Востоке можно рассматривать в двух вариантах. Во-первых, это позиция «почему им можно, а нам нельзя? У нас тоже плохой режим». А с другой стороны, ожидаются некие перемены в Узбекистане и в Казахстане. Если в переходный период будет идти борьба за власть, я не исключаю, что тот, кто будет проигрывать, может обратиться к исламу. Наиболее вероятно, что обратится напрямую, мол, «я самый верный мусульманин», и попросит поддержки ваххабитов (исламистской оппозиции).

Про Казахстан – отдельно. Двадцать лет говорили, что там ислама нет, и не будет (за исключением уйгуров). Только что я получил книгу под названием «Возвращение ислама в Казахстан» (А.К. Султангалиева), в которой объясняется, почему он туда возвращается. А раньше объясняли, почему он туда не вернётся... Казалось бы, Казахстан для радикального ислама – мёртвое поле. Но, мне кажется, Казахстан – это лакмусовая бумажка, которая показывает, что исламский радикализм жил, жив и будет жить. Кстати, я там недавно был: о чём бы там ни говорили – об экономике, о Евразийском Союзе – всё заканчивается исламом.

Предсказывать совсем ничего не хочется. Но почему бы нам в Центральной Азии кое-где кое-когда не увидеть некие правительственные коалиции с участием умеренных исламских радикалов (очень примерно – таджикский опыт)?

***Центральная Азия – это исламский мир. Многие говорят, что коммунизм вытравил религиозный фундамент, но это не так. Так же говорили, что в Египте к власти никогда не придут «Братья-мусульмане», а они пришли. Поэтому надо быть готовыми к той ситуации, когда кое-где в Центральной Азии к власти придут те, кого мы относим к «религиозно-экстремистским движениям». Между прочим, не такие уж они и экстремистские.***

### ***Дискуссия по первому заседанию***

**Алексей Анатольевич Громыко<sup>10</sup>:** Долгое время Центральная Азия была восточнее той западо-центричной оси, которая доминировала на протяжении веков. Сегодня ось мировых интересов смещается восточнее этого региона (но в неё будут входить также страны Латинской Америки и Турция). Не окажется ли Центральная Азия вновь вне главных процессов XXI века, на периферии внимания международных структур и великих держав? Тем не менее, в этой новой ситуации регион не будет «тихой заводью». В ближайшие десятилетия он почти неизбежно будет проходить череду серьёзных перемен. Мне кажется, напряжённость здесь будет возрастать. США, Россия и Китай имеют сильные позиции в регионе. Влияние ЕС пока маргинально, хотя амбиции у Евросоюза есть.

---

<sup>10</sup> Заместитель директора по научной работе ИЕ РАН

Новые евразийские интеграционные проекты (Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз) в ближайшие годы не будут готовы включить в себя большинство государств региона.

*России необходима политика «стратегической глубины». Она может быть как средней дистанции, так и дальней. Безусловно, Центральная Азия – это регион «стратегической глубины» средней дистанции: он не только самоценен для Москвы, но через него происходит наше взаимодействие с другими государствами. Это стратегически важный регион для России, и здесь у нас ещё сохраняются преимущества перед прочими игроками. «Сдавать» его, с точки зрения российской политики, недопустимо.*

Но есть проблема стабильности и консервации: стабильность Центральной Азии не должна выражаться в консервации проблем региона.

**Бариялай Сабир Бария<sup>11</sup>:** Наши общие враги – это терроризм, экстремизм, наркотики. Они тесно связаны между собой. И всем известно, откуда приходят три эти вещи.

Наша беда в том, что каждый думает только о своих интересах. Если мы не консолидируемся для ликвидации источника данных угроз, это будет очень опасно для всех. Мы знаем, насколько это опасно. На наш взгляд,

*«единственный выход – это региональное сотрудничество. Нам нужно это решать. Чтобы спасти человечество от этих угроз, их надо либо лечить, либо ликвидировать. Мы предлагаем создать региональную конференцию для обсуждения этих вопросов».*

### ***Второе рабочее заседание.***

#### ***«Ситуация в Центральной Азии: внутренние проблемы и тенденции на фоне вывода войск из Афганистана»***

**Виталий Вячеславович Наумкин:** Мы уже сделали определённые выводы по первому рабочему заседанию. Такой «Большой игры», какая была в XIX веке, сейчас быть не может. Она нужна была, в первую очередь, чтобы идти дальше, в Индию и в тёплые моря. А сейчас Индия сама идёт на север. Поэтому речь идёт о совершенно новой стратегической ситуации, в которой вывод войск из Афганистана является лишь элементом.

В текущем заседании к рассмотрению предложены следующие вопросы:

- Возможный сценарий развития событий в Афганистане.
- Как скажется новая ситуация на внутреннем положении Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Туркменистана, Казахстана?
- Будет ли новая ситуация способствовать сближению стран Центральной Азии или, напротив, будет усугублять их разногласия?

И дополнительные вопросы:

---

<sup>11</sup> Советник посольства Афганистана в РФ



- Вопрос о передаче части вооружений и снаряжения отдельным центральноазиатским странам, в частности, Узбекистану. Каковы будут последствия? Как на это смотрят в регионе?
- Вопрос о сотрудничестве центральноазиатских (и других) стран с Афганистаном.

*Несмотря на скромность наших китайских коллег, я хочу заметить, что Китай активно сотрудничает с Афганистаном. Пример тому – широко обсуждаемый проект разработки месторождения в Афганистане. Финансирование со стороны Китая – совершенно невероятное. Называются такие цифры, в которые трудно поверить.*

- Вопрос о намерениях США и их союзников. В какой мере они будут оставаться в данном регионе? Насколько реальна демилитаризация американской внешней политики, учитывая, что сейчас появляются данные об американских планах военного присутствия на Синае (для предотвращения поступления оружия из Ирана через Синай – в Газу)?

**Аликбер Калабекович Аликберов<sup>12</sup>:** Учитывая то, что даже самая сильная в мире армия не смогла справиться с ситуацией в Афганистане, ясно, что после вывода коалиционных войск там будет создан инкубатор радикального ислама и, возможно, полигон для подготовки сил, которые будут использоваться и в других регионах мира. Стремление США использовать беспилотники, чтобы наносить точечные удары в условиях, когда на территории Афганистана останутся только военные базы, вряд ли увенчается успехом.

Пакистан закрыл свою территорию для транспортировки грузов. Началось охлаждение, а фактически, начало возможного разрыва отношений между США и Пакистаном. Это усугубляет ситуацию в регионе.

Нет никаких предпосылок для развития экономики Афганистана без помощи извне. Специалисты отмечают крайне низкий уровень образования. Отсутствие кадров, собственной промышленности и внятных программ развития делает Афганистан несостоятельным и с экономической точки зрения.

Пористые границы будут способствовать проникновению наркотиков и экстремизма на территорию Центральной Азии. Это скажется на внутренней ситуации в странах региона. Можно сказать, что напряжённость будет особенно усиливаться в тех регионах, которые непосредственно примыкают к Афганистану – это Таджикистан и Киргизия. В Узбекистане тоже достаточно сложное положение.

Одна из наиболее важных проблем – проблема радикализации ислама. В интересах России – попытаться институционализировать радикальные движения, найти способ взаимодействовать с ними.

**Аркадий Юрьевич Дубнов<sup>13</sup>:** Я сосредоточусь на том, будет ли ситуация способствовать сближению стран Центральной Азии или нет. Уже говорилось, что в результате ближайших событий роль США в Центральной Азии будет уменьшаться. Я согласен с этим тезисом. Замечу, что также естественным образом будет увеличиваться роль

<sup>12</sup> Заведующий Центром по изучению Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН

<sup>13</sup> Специальный корреспондент международного отдела газеты «Московские новости»

России. И это будет способствовать более органичному балансу держав, даже с исторической точки зрения.

Я хотел бы выделить следующие проблемы, которые внешне будут способствовать повышению роли России, но в скрытой форме могут подрывать её позитивное присутствие. Россия фиксирует своё военное присутствие в Центральной Азии (в результате последних визитов президента в Таджикистан и Киргизию). Одновременно становится более выразительной перспектива участия России в строительстве очень важных гидроэнергетических объектов в данном регионе. Это кажется весьма позитивным фактором, который должен успокоить некую торговлю за ресурсы и внимание великих держав.

С другой стороны, надо понимать, что реакция стран региона на эти события весьма не однозначна. В Таджикистане оппозиция может воспринимать возвращение России не как попытку помочь стране, а как способ удержать правящий режим – что не будет способствовать стабильности. Не говоря уже о позиции Ташкента, который исторически воспринимает присутствие России с подозрением. Поэтому, мне кажется, что

***любые усилия России по возвращению своего экономического и военного влияния в Центральной Азии должны выглядеть насколько возможно не агрессивно, чтобы не вызывать подозрений и опасений.***

Я также согласен, что роль исламистов в регионе будет увеличиваться. Нужно научиться находить способ вести диалог с этими группами. Необходимо помнить свой собственный опыт: отсутствие диалога с Талибаном в Афганистане в середине 1990-х годов (до прихода Аль-Каиды и Бен Ладена). Тогда мы упустили серьёзные возможности для влияния на это радикальное течение. На это можно реагировать отрицательно – это моя личная точка зрения.

Ещё один фактор, меняющий ситуацию в регионе, – это динамичное выстраивание Россией Евразийского экономического сообщества. Тот высокий темп, который взяла Москва, не может быть не связан с перспективой 2014-го года. Тем не менее, изучая ситуацию и реакцию на неё в странах Центральной Азии, невольно приходишь к выводу, что

***настойчивость, скорость, риторика, к которой прибегают в Москве, вызывает серьёзное противодействие достаточно влиятельных элитарных групп в этих странах. Это навязчивая политика, что делает её похожей на стремление воссоздать влияние «старшего брата». При несомненном позитивном тренде на необходимость выстраивания такого союза, нам важно заинтересовывать страны региона.***

**Виталий Вячеславович Наумкин:** Недавно у нас в гостях был один видный тунисский политик. Выступая, он сказал, что никаких переговоров с салафитами, с экстремистами быть не может – это бессмысленно. Эти люди могут идти на диалог только из своих тактических целей, чтобы нас обмануть. Поэтому никакого взаимопонимания с ними быть не может. Их надо ограничивать и не давать им возобладать.

Такая точка зрения есть в разных регионах. Не нужно думать, что вопрос диалога очень прост.

**Александр Алексеевич Князев<sup>14</sup>:** Я уже года два говорю об одном сценарии, который, на мой взгляд, является весьма вероятным для Афганистана. А все текущие

---

<sup>14</sup> Ст.н.с., координатор региональных программ Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН

события своими штрихами только дополняют эту картину. Речь идёт о разделе Афганистана де-факто по этническому признаку. США подыгрывают такому развитию событий, исходя из своих интересов. Я думаю, что к 2014-му году они просто сместят значительную часть своего контингента на север страны. На севере это порядка не добавит – это будет точечное базовое присутствие.

Как это скажется на Центральной Азии? В последние двадцать лет только ленивый не говорил о том, что очень вероятна дестабилизация в Узбекистане. Но, за исключением некоторых эпизодов, Узбекистан на данный момент является самым стабильным государством Центральной Азии. Та динамика, с которой происходят процессы в Казахстане, показывает, что лидером по уровню стабильности и безопасности является отнюдь не Казахстан. Именно Узбекистан сегодня демонстрирует свою состоятельность. Не вижу никаких оснований предполагать, что изменение формата присутствия американских войск в Афганистане повлияет на ситуацию в Узбекистане. Его выход из ОДКБ, отстранение от всех инициатив, связанных с Россией, – это своего рода откупная для западных партнёров. И, я думаю, это гарантирует Узбекистану отсутствие инициатив извне по дестабилизации ситуации внутри республики. А степень эффективности государственных институтов самого Узбекистана такова, что, случись нечто подобное, все внутренние угрозы будут сняты силовым способом. И те люди, которые могут сегодня претендовать на участие в будущих структурах власти в Узбекистане, не заинтересованы в дестабилизации страны. Я склонен полагать, что это будет «мягкий» вариант – достижение компромисса между теми кланами, которые сегодня находятся у власти. Смена содержания при сохранении формы.

Намного большие опасения в связи с выводом войск (кстати, натовцы отказались от термина «вывод» в пользу термина «передислокация») вызывают Таджикистан и Киргизия. Последние двадцать лет эти государства демонстрируют гораздо меньший уровень стабильности, гораздо меньшую степень предсказуемости развития политических процессов. После подписания межтаджикских соглашений 1997-го года Таджикистан внушал определённый оптимизм, но последние события показывают, что межэлитного баланса в стране нет, а возможность протестных выступлений и региональных столкновений сохраняется.

То же самое касается и Киргизии. Деятельность парламентской системы неэффективна. Справа – китайская граница, которая по-прежнему на замке (за исключением караванов с китайскими товарами), а слева – заминированная узбекская граница. И Таможенный союз получает в лице Киргизии и Таджикистана коридор для трафика всех угроз, которые воспроизводятся на территории Афганистана.

**Сергей Геннадьевич Лузянин<sup>15</sup>:** Если брать ключевые внешние факторы – это Россия, ЕС, США, Иран, Турция, Индия – Китай в этом списке занимает особое место. Регионализация внешней политики Китая сейчас вышла на первый план, несмотря на то, что все говорят о его статусе сверхдержавы. Прежде всего, речь идёт о сопредельных регионах.

Регион Центральной Азии не является самым важным для Китая в плане экономической мотивации и инвестиций (примерно третья позиция после Юго-Восточной и Северо-Восточной Азии). В совокупности факторов Центральная Азия, конечно, представляет экономический интерес для Китая. Но в китайских приоритетах усилился аспект безопасности. Перспектива Афганистан-2014 заставляет Китай качественно по-иному подходить к проблемам безопасности в регионе.

---

<sup>15</sup> Заместитель директора ИВ РАН

В последние пять-семь лет специфика внедрения Китая в регион связана с эволюцией некоего точечного, странового интереса в системный фактор (особенно в экономической и инвестиционной сфере). Это в большей степени касается сопредельных зон – киргизской, таджикской и проч. Плюс Туркмения – учитывая трансазиатский газопровод, который де-факто разрушил бывшую монополию на газовый экспорт через Россию.

На экспертном уровне Китай признаёт российский политический интерес в Центральной Азии, считает, что Россия здесь занимает ведущие позиции. Здесь есть некие дипломатические хитрости, но, тем не менее, баланс Китая и России в регионе сохраняется. Инструментом этого баланса является коллективный проект ШОС. И включение Афганистана в качестве наблюдателя свидетельствует об изменениях в восприятии афганской проблемы.

Китайский фактор влияния требует более тщательного изучения.

**Дина Борисовна Малышева<sup>16</sup>:** Вне зависимости от того, какой сценарий возьмёт верх в Афганистане – пессимистический или оптимистический – это будет косвенным образом влиять на ситуацию в Центральной Азии. Однако главным вызовом безопасности региона являются внутренние обстоятельства: низкий уровень жизни, коррупция, безработица, низкая эффективность госструктур, рост влияния наркомафии, проблема религиозного экстремизма.

Проблема религиозного экстремизма, на мой взгляд, не является аналогом «арабской весны». Неясно, насколько массово это движение, насколько оно связано с базирующимися в Афганистане группировками джихадистского типа, Исламским движением Узбекистана и аффилированными движениями. Смогут ли эти движения стать фактором политической жизни центральноазиатских государств? Есть точка зрения, согласно которой в странах Центральной Азии есть достаточный ресурс для отражения гипотетической исламистской угрозы.

Серьёзной является проблема преемственности верховной политической власти в Центральной Азии. Во многих государствах региона нет установленных правил такой преемственности. К тому же сохраняется целый ряд межгосударственных противоречий (территориальных, водно-энергетических и проч.). Накапливающаяся в странах региона критическая масса внутренних проблем в сочетании с возможной дестабилизацией в зоне афгано-пакистанского конфликта – управляемого или неуправляемого – способна создать вызов безопасности Центральной Азии. Задача состоит в том, что местные власти должны изыскать ресурсы для преодоления этих проблем. Если они не сумеют этого сделать – собственными силами или с внешней помощью, – эти проблемы станут источником радикальных оппозиционных настроений, которыми могут воспользоваться, в том числе, религиозные экстремисты.

Для противодействия такому негативному варианту развития событий государствам региона помимо сильной армии, специально обученных сил быстрого реагирования необходимо создавать согласованную стратегию ответа на внешние вызовы и риски. Помощь в выработке такой стратегии, в том числе в сфере разведки, государства региона могли бы получить от России. Ведь Россия сама заинтересована в ликвидации исламистской угрозы и угрозы дестабилизации Центральной Азии, потому что возникшие проблемы неизбежно получат отклик в России. Мне кажется,

*разумной альтернативой могла бы стать иницилируемая Россией углублённая экономическая интеграция, стимулирующая модернизацию и*

---

<sup>16</sup> Гл.н.с., и.о. заведующего Сектором политического и культурологического анализа ИМЭМО РАН

*способствующая сохранению светского характера политических систем государств региона.*

**Виталий Вячеславович Наумкин:** Нужно понимать, что, даже если Россия может тут проявить некую инициативу, не всегда эта инициатива находит отклик и понимание в странах региона.

**Роберт Пшель<sup>17</sup>:** Конечно, мы знаем, что использование военной силы – это только одна сторона решения проблемы. Но, когда мы получили резолюцию Совбеза на проведение операции в Афганистане, у них дела обстояли так, что в некоторых регионах пара полицейских с велосипедом и старым «Калашниковым» вынуждена была воевать против вертолётов. Что бы ни говорилось о качестве военных сил Афганистана, это главный вопрос. Обсуждая здесь сценарии для региона, вы очень мало внимания уделяете тем, на чьих плечах будет лежать ответственность за безопасность в Афганистане, – афганским военным. После 2014-го года сил ISAF не будет. Уже сегодня 75% территории Афганистана контролируется местными силами. Мы стараемся идти в этом направлении, поэтому речь идёт о тренировке и обучении, в котором нуждается (и будет нуждаться в будущем) Афганистан.

Что касается стран-соседей, пусть они ответят на конкретные вопросы, связанные с будущим региона: будут ли они помогать афганским силам безопасности с финансовой точки зрения?

Отношения между странами региона и НАТО обусловлены не только операцией в Афганистане, они имеют долгосрочный характер. Существует ряд подписанных договорённостей в тех областях, за которые отвечает данная организация. Мы будем оказывать поддержку на основе двусторонних договоров по выбору конкретных стран Центральной Азии. Не мы будем решать, в какой области заинтересованы эти страны – мы видим это уже сегодня, основываясь на многолетнем опыте сотрудничества. Например, Казахстан готов работать с нами в сфере подготовки своих миротворческих сил. Другие страны хотят содействия по другим вопросам. И здесь существует потенциал для сотрудничества со всеми, кто заинтересован в реальной стабильности региона.

Реальное положение в регионе, его логика и риски, по-моему, объясняют, что региональное сотрудничество и помощь нуждающимся странам – это единственно правильный путь.

**Иван Алексеевич Сафранчук<sup>18</sup>:** Прежде всего хочу подчеркнуть, что, с моей точки зрения, ситуация в Афганистане не является детерминированной на ближайшие годы. Это связано с тем, что внутриафганские политические игроки не определились с тем, что они собираются делать до 2014-го года и после него. Есть различные соображения у различных игроков, и в следующие два года мы будем наблюдать выработку определённой линии поведения как у политиков, так и у полевых командиров. Они будут выбирать между несколькими вариантами.

Первый – это сохранение определённого компромисса между крупными полевыми командирами, сохранение компромисса в Кабуле и совместное управление государством. Грубо говоря, именно это и делалось в последние 7-10 лет, но под «шапкой» американцев. Смогут ли они делать это дальше самостоятельно, впусив в ряды правящих кланов некоторых крупных пуштунских деятелей, которые связаны с талибами?

---

<sup>17</sup> Директор информационного бюро НАТО в Москве

<sup>18</sup> Заместитель руководителя, Институт актуальных международных проблем, Дипломатическая академия МИД РФ

Второй вариант заключается в том, что договориться в Кабуле не получится, и тогда будет происходить некоторая фрагментация афганской политики. Не думаю, что дойдёт до фактического развала Афганистана. Я даже не думаю, что дойдёт до федерализации. Но это будет ослабление Кабула и усиление полевых командиров в регионах. В последние недели мы наблюдали, как один из крупных полевых командиров Исмаил-хан уже начал к этому готовиться, но его достаточно резко осаждали.

***У местных игроков пока есть склонность проработать возможность договориться в Кабуле. Эти два сценария, на мой взгляд, могут и объединиться: будет некий компромисс в Кабуле, но Кабул станет слабее, и произойдёт контролируемое усиление полевых командиров в регионах.***

Следующие несколько лет мы будем наблюдать, по какому из этих двух вариантов пойдёт развитие событий.

Какие факторы будут на это влиять? Во-первых, это выборная ситуация весны-2014. Предвыборная кампания уже фактически открылась, хотя никто ещё не изъявил желания участвовать в выборах. Есть большая неопределённость по поводу того, кто будет представлять лагерь Карзая. Непонятно, дадут ли американцы Карзаю возможность провести операцию «Преемник». Пока что есть сигналы, говорящие о том, что будет смена команды у власти. Но на предыдущих выборах американцы тоже до последнего делали вид, что они Карзая ни в коем случае не допустят на второй срок. Есть некоторая неопределённость по поводу доктора Абдуллы – пойдёт ли он сам, или вторым-третьим номером.

Таким образом, политическая конфигурация будет влиять на то, какие линии базовых сценариев будут выбраны. Сейчас её предсказать невозможно. Но

***наиболее вероятно, что на выборах основная схватка развернётся между наследником Карзая (который будет опираться не только на пуштунгов, но и привлечёт себе в союзники кого-то из крупных таджикских фигур) и группой северных полевых командиров, которую возглавит доктор Абдулла или кто-то из северных губернаторов.***

Второй существенный фактор – это экономическое положение. Мы очень мало об этом говорим, но

***экономическое положение в Афганистане к 2017-му году грозит полной катастрофой.***

Несмотря на донорскую помощь и американские контракты, которые выполняются на территории Афганистана, нет никакой устойчивости в развитии афганской экономики. Формально всё выглядит замечательно. Афганский ВВП перевалил за 100 млрд долл. Ежегодно высокими темпами идёт рост. Но на самом деле всё это цифры, которые ни о чём не говорят. Контракты на строительство афганских баз, которые остаются за передовыми американскими позициями, сейчас заключены до 2017-го года. После 2017-го года таких контрактов, скорее всего, не будет. Значительные деньги уйдут. И сейчас больше половины тех денег, которые поступают в Афганистан от международного сообщества, уходят. Поэтому афганская экономика крайне не устойчива. Например, Хайратон два года назад процветал – это было место очень динамичной экономической жизни. За последний год товарооборот там упал на 60%. Сейчас там настоящая депрессия. И это может происходить в масштабах всего Афганистана.

**Акбаршо Искандарович Искандаров<sup>19</sup>:** Я недавно вернулся из Афганистана и хотел бы рассказать о своих впечатлениях от увиденного. Я побывал в нескольких провинциях, и, думаю, мои соображения могут оказаться полезными.

Несмотря на усилия афганских властей и мирового сообщества по созданию необходимых предпосылок для урегулирования конфликта и построения государственности в Афганистане, всё ещё сохраняются многочисленные вызовы и угрозы стабильности, которые вызывают особенную обеспокоенность в контексте предстоящего вывода сил международной коалиции.

В последнее время нас в Таджикистане беспокоит проникновение и заметная активизация талибов на севере Афганистана, то есть на сопредельной с нами границе. Ещё несколько лет назад обстановка там была относительно спокойной. Указанная тенденция может подорвать стабильность не только в Афганистане, она несёт потенциальную угрозу перенесения экстремистской активности в соседние страны. Серьёзные проблемы сохраняются в работе по формированию дееспособных афганских целевых структур, призванных обеспечивать правопорядок на всей территории страны и надёжно прикрывать государственные границы. Обеспокоенность вызывает низкая эффективность оказываемой мировым сообществом донорской помощи. Нет существенного прогресса в решении социальных проблем и развитии афганской экономики, которая всё ещё во многом зависит от иностранной помощи. Особую тревогу вызывает недостаточная эффективность процесса национального примирения с движением Талибан и другими противниками афганских властей. Изучение внутренних, региональных и международных факторов, аспектов развития политической и военно-стратегической ситуации в Афганистане позволяет очертить некоторые контуры динамики развития событий после 2014-го года.

Ввиду целого комплекса внутренних и внешних факторов, политическая и военно-стратегическая ситуация в Афганистане после вывода войск международной коалиции останется весьма сложной. Более того, вывод основной части контингента, выборы президента и провинциальных советов в 2014-ом году объективно будут оказывать влияние на обострение политической борьбы и ухудшение военно-стратегической ситуации в Афганистане.

Существует возможность возвращения талибов во власть. После вывода войск они, безусловно, предпримут попытку вернуть утраченные позиции. Это может произойти мирным путём в результате свободных выборов либо через насильственный захват власти, как это было в 1995-1996 годах. К этому нужно быть готовыми.

Развитие ситуации в сторону политического хаоса и неспособности политических сил Афганистана контролировать свои рубежи по-прежнему вероятно. Не секрет, что основным врагом Талибана является Северный альянс. По всей протяжённости границ между Афганистаном и странами Центральной Азии (прежде всего, Таджикистаном) будет расти напряжённость. То есть вылазки и переброски террористических диверсионных групп после 2014-го года, на мой взгляд, будут активизированы.

Остаётся угроза распространения идей религиозного экстремизма, сепаратизма, наркотрафика, транснациональной преступности, нелегальной миграции. Мне думается, что страны Центральной Азии не смогут обеспечить безопасность на своих границах после 2014-го года, действуя поодиночке. Необходимо вовлечение региональных интеграционных институтов, в частности ШОС и ОДКБ.

---

<sup>19</sup> Ведущий научный сотрудник, Центр стратегических исследований при Президенте Таджикистана

**Нильс Вёрмер<sup>20</sup>:** Я хотел бы обратить внимание на четыре вопроса:

- 1) Подготовка афганских сил безопасности – национальной армии и полиции;
- 2) Эффективность афганского правительства и антикоррупционная программа;
- 3) Постконфликтное миростроительство и национальное примирение в Афганистане;
- 4) Возможное вовлечение в стратегию НАТО стран-соседей, в частности Ирана и Пакистана.

Решение этих проблем определено разработчиками стратегии НАТО как условие эффективности действий коалиции до 2014-го года. Только после выполнения данных задач передача ответственности в руки местной власти может стать успешной. К сожалению, особого прогресса по этим вопросам не наблюдается.

***Силы безопасности Афганистана должны стремиться действовать в рамках заданной стратегии, но им не хватает мотивации, самоопределения, чёткого образа врага. Например, с 2009-го года президент Карзай называет талибов братьями.***

Подвергающиеся нападениям со стороны талибов солдаты национальной армии обескуражены тем, что их верховный главнокомандующий называет врагов братьями.

***В деле национального примирения и миростроительства прогресса до сих пор не наблюдалось, и вряд ли удастся достичь каких-то результатов в оставшийся до выборов-2014 период времени. То же самое касается и вопроса привлечения к сотрудничеству соседних стран – Ирана и Пакистана. НАТО надеется, что в существующих чрезвычайных обстоятельствах эти две страны могли бы поддержать стратегию коалиции и помочь в деле установления стабильности в Афганистане. С моей точки зрения, чтобы пойти на это, Ирану и Пакистану пришлось бы отказаться от той политики, которую они вели в последние десять лет. И это маловероятно.***

Правительству Карзая необходимо подготовиться к выборам-2014. Нужно следить за тем, будет ли это подготовка к честным выборам, или Карзай попытается использовать своё влияние, чтобы привести к власти «своего» человека.

Решение вышеперечисленных проблем тесно связано с выборами-2014. С моей точки зрения, если результаты выборов президента будут искажены насилием, коррупцией, мошенничеством, как случилось в 2009-ом году, это вызовет ещё большее отчуждение между населением и политической системой, которую страны Запада выстраивают в Афганистане с 2002-го года. Это приведёт к дальнейшей дезинтеграции сил безопасности Афганистана. С другой стороны,

***если НАТО и афганскому правительству удастся создать хотя бы видимость честных выборов, это может заставить Талибан сесть за стол переговоров. Сейчас им в этом нет нужды.***

С моей точки зрения, позиции ключевого актора афганской проблемы – Талибана – и внешних сил – Ирана и Пакистана – могут измениться после выборов-2014. На данный момент нет инструментов, которые можно было бы использовать, чтобы повлиять на их политику.

---

<sup>20</sup> Старший научный сотрудник, Германский институт международной политики и безопасности



**Виталий Вячеславович Наумкин:** Почему же Вы удивляетесь, что Карзай называет талибов братьями? Идея о том, чтобы договариваться с талибами, принадлежит западным странам. И теперь Карзай пытается действовать согласно предложенной стратегии.

Есть государства, которые так и живут десятилетиями с наркотиками и коррупцией, и ничего страшного с ними не происходит. Видимо, дело не только в этом. Мне бы хотелось, чтобы мы копали глубже, а не перечисляли, как мантры, слова «наркотики» и «экстремизм». Есть конкретные интересы различных государств. Например, арабские страны начали открывать посольства в Киргизии. Раньше они не хотели замечать существование этой страны. Саудовская Аравия уже открыла посольство, это же собирается сделать Катар. Не случайно же два государства, играющие значительную роль в регионе, сегодня выходят за его рамки.

Дело не только в Афганистане. Влиятельные игроки с Большого Ближнего Востока будут стремиться к реформатированию региона Центральной Азии.

**Музаффар Абдуваккосович Олимов<sup>21</sup>:** Я попытаюсь ответить на вопрос: каковы трудности, ожидающие Центральную Азию в связи с афганским фактором?

Дополнительные меры безопасности – это очень важный аспект. Необходима охрана границ и ужесточение пограничных режимов. Это не только дополнительное финансовое бремя, но и болезненный удар по инфраструктурным проектам, связывающим Центральную Азию и Афганистан.

*Для Центральной Азии сейчас было бы очень выгодно воспользоваться своим геостратегическим положением и извлечь максимальные выгоды от буферного положения между Россией, Китаем, Индией и Ираном.*

*В регионе продолжается дезинтеграция. Выход Узбекистана из ОДКБ сигнализирует о том, что Центральная Азия раскололась на две части на почве конфликта в Афганистане. Формально – по вопросу о реагировании на афганские угрозы, а в действительности – это противоречия, связанные с конкуренцией за рынки сбыта и борьбой за ресурсы.*

Предупреждение президента Каримова о грядущей войне за воду – не шутка. Риски, связанные с водно-энергетическими спорами возрастут при любом сценарии в Афганистане. Наибольшее значение имеют долгосрочные угрозы безопасности Центральной Азии, связанные с конкуренцией за воду и экспорт электроэнергии на быстрорастущие рынки Афганистана и Южной Азии. Уже сейчас безопасность в Центральной Азии находится под угрозой из-за ухудшения таджикско-узбекских отношений, вызванного ожесточённой конкуренцией за электроэнергетические рынки Афганистана. Существует и недооценённая проблема участия Афганистана в разделе воды в Центральной Азии – так как Афганистан становится очень важным актором: и как потребитель, и как участник споров по воде. Министр энергетики Исмаил-хан уже высказался о необходимости определения афганской доли в воде Амударьи. В 2013-ом году начинается реализация ирригационного проекта в Кундузе, и Афганистан начнёт черпать воду из Амударьи.

Из вышеизложенного следует, во-первых, то, что нет реальных оснований думать, что уменьшение военного присутствия Запада в Афганистане как-то ухудшит ситуацию безопасности в странах Центральной Азии, за исключением Таджикистана. Хотя, в целом, в случае дестабилизации Афганистана, ситуация в Центральной Азии будет ухудшаться. Придётся больше тратить на обеспечение безопасности, будут заморожены многие проекты развития, в том числе энергетические и инфраструктурные. Нестабильный Афганистан – это

---

<sup>21</sup> Директор научно-исследовательского центра «Шарк», Таджикистан

барьер на пути экономического развития Центральной Азии. Это особенно обидно, учитывая, что

***уже сейчас Афганистан представляет собой растущий рынок сбыта для товаров из Центральной Азии и поле ожесточённой конкуренции между энергоэкспортёрами Узбекистана, Таджикистана и Туркмении.***

Что будет с афганской государственностью, когда НАТО формально снимет с себя полномочия по обеспечению безопасности в Афганистане и передаст их местному правительству, но из региона при этом не уйдёт? Это приведёт к резкому снижению прозрачности в сфере обеспечения безопасности для стран Центральной Азии, что вызовет уровень недоверия и напряжённости в регионе.

Таджикистан – единственная страна Центральной Азии, которая будет сильно зависеть от ситуации в Афганистане (протяжённая граница, связанность с дариязычными элитными группами в Афганистане, вынужденная переориентация торговли на юг из-за транспортной блокады Узбекистана, необходимость искать союзников по водным спорам).

Последние геополитические изменения ставят перед странами Центральной Азии ряд серьёзных вызовов и задач, связанных с Афганистаном. Это и обеспечение собственной безопасности, и реализация новых экономических возможностей, и жёсткая внутрорегиональная конкуренция, и необходимость участвовать в сложной многоходовой игре между США, Россией, Китаем, ЕС, а также растущими региональными лидерами – Ираном, Пакистаном и Индией.

Сейчас трудно предсказать, как страны Центральной Азии справятся с этими испытаниями. Но экзамен будут сдавать дипломаты и экономисты, а не силовики.

**Кайрат Медербекович Осмоналиев<sup>22</sup>:** Мы думаем, что наиболее вероятны пессимистичные варианты развития событий.

Выход войск НАТО, скорее всего, состоится, так как ось интересов США сдвигается в сторону АТР. В таком случае весьма вероятен эффект домино по деформации систем безопасности. Безусловно, наиболее уязвимые звенья – это непосредственные соседи. Но нас это тоже крайне заботит, поэтому мы усиливаем военно-политическое сотрудничество с Россией, обсуждаем вопросы военной базы на южных рубежах республики. С учётом возможности усиления полицейского начала в охране границ реформируются механизмы обеспечения пограничной безопасности. Сохраняется напряжённость в приграничных вопросах с Узбекистаном и Таджикистаном – есть спорные территории. К сожалению, имеет место ползущая миграция. В результате неэффективной работы по делимитации и демаркации границ мы потеряли достаточно территории, и это тоже накладывает свой отпечаток на осложнение ситуации на юге Киргизии. На юге республики также особенно проявляется исламский фактор.

Таким образом, призрак военного конфликта замаячил достаточно явственно. Но, перед лицом общей угрозы, вариант сближения, выработки механизмов укрепления военно-политического сотрудничества, безусловно, произойдёт. Субъективные антипатии не будут этому способствовать.

У нас есть надежды, что силы ОДКБ смогут стать эффективным механизмом предупреждения региональных конфликтов. Киргизия из всех стран региона наиболее лояльна к России. Двусторонние инициативы поддерживаются не только на высшем уровне, но и населением республики.

---

<sup>22</sup> Проректор, Дипломатическая академия Кыргызской Республики

Концепция внешней политики Киргизии на данный момент пересматривается, и вышеизложенному направлению придаётся особое значение.

**Рафик Шамуруллаевич Сайфулин<sup>23</sup>:** Когда мы говорим о сценариях, возникает вопрос «а судьи кто»? кто сценарист? Все указывают на США. Но насколько это корректно? Согласны ли США с такой ролью? Можно предположить, что не вполне. Президент Обама, молниеносно ставший нобелевским миротворцем, захочет использовать свой второй срок, чтобы сохраниться в истории в таком качестве. Самостоятельно решить эту проблему США не смогут, поэтому им нужны союзники. Количество сценаристов должно возрастать.

*Нужна не просто коллективная ответственность за прошлые ошибки, но и круговая порука – за будущее. Тогда здесь сразу всё ко двору: и Турция со своим Стамбульским процессом, и Япония со своими деньгами и финансовыми услугами, и ЕС со своими философскими размышлениями... здесь и Россия, которая пока держит дистанцию, но её постепенно стягивают. А в Вашингтоне – как не знали, что делать, так до сих пор и не знают.*

Цели и ориентиры есть, но не выработан механизм. Поэтому, скорее всего, США – не сценарист, а кукловод в сложной пьесе, где сюжет и декорации постоянно меняются.

Двадцать с лишним лет страны Центральной Азии развиваются независимо. И все – по своим собственным маршрутам. У всех были внутренние проблемы. Насколько афганская проблематика влияла на процесс принятия решений по этим проблемам? Насколько серьёзным фактором был Афганистан для стран региона? Отношения между странами региона складываются неоднозначно. Существует ли причинно-следственная связь между ситуацией в Афганистане и тем, как развиваются отношения между ними?

Ответ на эти вопросы лежит на поверхности.

*Но какой фактор может быть решающим? Такой фактор, который бы влиял и на ситуацию в странах Центральной Азии, и на отношения между ними. На мой взгляд, на протяжении последних двух столетий таким фактором была, есть и имеет возможность остаться – Россия.*

### ***Дискуссия по второму заседанию***

**Бариялай Сабир Бария:** Неправда, что все талибы – пуштуны. Среди них есть чеченцы, казахи, таджики. Талибы делятся на три вида: идеологические талибы (с ними примирение невозможно), экономические талибы (они просто зарабатывают деньги), обиженные талибы.

У нас есть достаточно горький опыт. Мы будем создавать только национальную армию. Никакой другой армии мы не признаём. И мы будем усиливать ту армию, которую удалось создать в последние десять лет благодаря иностранной помощи. И после вывода войск международной коалиции наша армия сможет защитить свою страну, если будет работать сотрудничество государств региона (особенно соседних).

---

<sup>23</sup> Политолог, б. советник Президента Узбекистана

Я сторонник федерализма. Но федерализм работает тогда, когда поднимается уровень жизни, когда появляется самосознание, когда появляется общенациональный интерес. А в данный момент федерализация только разделит Афганистан на две части. И это неправильно. Афганское общество таково, что его невозможно разделить.

### ***Третье рабочее заседание.***

#### ***«Интересы, мотивы и роль ключевых глобальных и региональных игроков в Центральной Азии»***

**Виктор Александрович Кременюк<sup>24</sup>:** Политика США в Центральной Азии меняется. При следующей администрации она будет другой и, может быть, перестанет играть ту роль, которую она играла до последнего времени. Иными словами, США уходят из Афганистана. Как скоро и до какой степени – мы не знаем. В принципе, это заявлено как цель. И она, скорее всего, будет реализована. Поэтому мы можем говорить о том, что в политике США по отношению к Афганистану наступает определённый этап, когда они хотят увеличить дистанцию. Другая точка зрения определяется воспоминаниями о холодной войне: коварный Вашингтон не намерен уходить, он останется если не в Афганистане, то где-нибудь рядом, например, в Узбекистане. Таким образом, довольно простой вопрос о намерениях США в Центральной Азии становится загадкой. На самом ли деле они исчерпали свой ресурс? Если так, то перспектива развития событий в регионе меняется.

Оценка позиций США в регионе сейчас очень сложна. Я думаю, Обама будет выводить войска. До 2014-го года будут проходить мероприятия по подготовке этого события. Здесь вероятно сотрудничество с Россией.

С другой стороны, эта война породила очень многие последствия. Просто так забыть о ней невозможно. Слишком важные вопросы завязаны на это: будущая ситуация в Центральной Азии в целом, судьба Пакистана, отношения с Индией. Напрашивается вывод, что у США должно возникнуть желание создать некую структуру, которая бы заменила их прямое участие, но играла бы ту же роль, что и войска НАТО. Я не имею в виду военную роль. Я провожу аналогию с послевоенной Европой: сначала американцы решили выводить свои войска, но потом начали создавать структуру безопасности, которая заполняла вакуум. Если американцы просто уйдут из Афганистана, как это случилось во Вьетнаме, создастся вакуум.

Какой курс США могли бы здесь предпочесть? Наверно, им нужно согласовывать действия с теми странами, которые близки им по задачам – НАТО, Пакистаном, с нейтральными странами типа Индии и, безусловно, с Россией. Россия здесь не только наблюдатель: она задействована и с исторической точки зрения, и потому, что помогает НАТО вести боевые действия, предоставив свою территорию для транзита, и ещё тем, что обозначила своё понимание важности успокоения ситуации вокруг Афганистана.

***Существует опасность, что в России возобладают те, кто хочет восстановить империю. Тогда мы опять туда безоглядно полезем и в итоге будем там с кем-нибудь воевать. Этого желательно избежать. Это будет зависеть от того, как будет формироваться политика внутри нашей страны, и как себя будут вести США. Хотим мы того или нет, определение своих целей в зависимости от действий США – это уже традиция формирования нашей внешней политики.***

---

<sup>24</sup> Заместитель директора по научной работе, ИСКРАН

Я думаю, в Вашингтоне это понимают. Но здесь есть и наша позиция, наши интересы. Сможем ли мы в этих условиях предложить США некую форму взаимоотношений или путь решения существующих и перспективных проблем? Как говорят наши друзья на Ближнем Востоке – Иншаллах. Почему бы и нет? Но пока что наиболее вероятно, что США из Афганистана уйдут. Для президента Обамы было бы характерно вывести всё, что можно. Он уже прочно связал своё имя с уменьшением вовлечённости США в регионе. Может быть, там останутся какие-то точечные участки присутствия, где-нибудь в Кыргызстане или в Узбекистане.

**Фёдор Генрихович Войтоловский<sup>25</sup>:** На мой взгляд, политика США в Афганистане является ключевой для того, как будет складываться политика Вашингтона и Брюсселя в отношении Центральной Азии. И для президента Обамы, и для руководства европейских союзников по НАТО вопрос о завершении операции в Афганистане в том виде, в котором она продолжается до сих пор, – это вопрос не столько внешней, сколько внутренней политики. В 2008-ом году, баллотируясь на пост президента, Б.Обама пообещал, что он прекратит вовлечение США в войны и в Ираке, и в Афганистане. В Ираке он сумел прекратить военную стадию операции (политическая - продолжается). С Афганистаном дело обстоит гораздо сложнее, потому что после вывода войск из Афганистана образовавшийся вакуум силы будет заполняться, с одной стороны, благодаря внутривнутриполитическим процессам, а с другой стороны, с вовлечением внешних акторов, которые действуют на региональном и трансрегиональном уровне (Пакистан, Иран, КНР). Это осознаётся и в Вашингтоне, и в Брюсселе. Но в Вашингтоне это чувствуется гораздо острее, потому что американское руководство понимает, что в условиях финансово-экономической рецессии руководство каждого европейского государства-члена НАТО заинтересовано в том, чтобы минимизировать расходы на дальнейшее участие в военной операции и политическое восстановление Афганистана, сократить сроки завершения операции. Здесь есть очень большое поле для противоречий между Вашингтоном и европейскими союзниками. Решение нового президента Франции Ф.Олланда о досрочном выводе французского контингента в нарушение ранее принятых договорённостей, конечно, обеспокоило Вашингтон, воспринялось в качестве основы для аналогичных действий со стороны других союзников.

Также США обеспокоены отсутствием серьёзного экономического фундамента для целостности и дееспособности создаваемого в Афганистане политического режима. В связи с этим со стороны американских экспертов возникают очень серьёзные вопросы: что может стать экономической основой существования Афганистана как целостного государства? Были выдвинуты проекты, которые шумно обсуждались в СМИ и в экспертном сообществе, - например, Новый Шёлковый путь (Ф.Старр). На мой взгляд, проекты в сфере транспортной инфраструктуры, которая может быть использована как коридор, соединяющий Тихоокеанскую Азию с Южной Европой через Центральную Азию, во многом надуманы. Это попытки выдать желаемое за действительное.

Есть ещё одна проблема, которая вызывает серьёзные разногласия между Америкой, Россией, странами региона, – проблема наркотрафика. Чтобы сделать новый афганский режим дееспособным, нужно как-то преодолеть коррупцию. А коррупцию можно преодолеть, только начав бороться с производством наркотиков. Но этого ни США, ни НАТО себе позволить не могут. Это будет означать подрыв той системы отношений, которую Вашингтону и Брюсселю удалось выстроить с племенными вождями, элитами и местными властями. Это будет означать подрыв одного из немногих каналов поступления свободных средств валюты – пусть и теневой – в экономику Афганистана.

---

<sup>25</sup> Заведующий Сектором внешней и внутренней политики США, ИМЭМО РАН

Весь этот клубок проблем выводит Вашингтон на очень серьёзные и, возможно, очень непопулярные решения, которые обусловлены внутривнутриполитической ситуацией. Возникает вопрос: какую новую архитектуру отношений Вашингтон и Брюссель будут пытаться выстроить с ведущими державами региона (Ираном, Пакистаном, Китаем, Россией)? От того, насколько эффективно Вашингтон сможет выстроить такую архитектуру, зависит сохранение Афганистана как целостного государства. Потому что в распаде Афганистана не заинтересована ни одна страна региона, даже Пакистан.

**Чжан Цзяньжун<sup>26</sup>:** Исходя из текущей ситуации в Афганистане, мы не можем не признать, что перед нами стоит нелёгкая задача обеспечения безопасности региона. После 2014-го года перед Центральной Азией встанут три потенциальные угрозы:

- 1) Экстремизм. Ещё в конце 1990-ых годов в Центральной Азии появились региональные исламистские организации (Исламское движение Узбекистана, Хизб ут-Тахрир, Исламское движение Восточного Туркестана и проч.). Они связаны с международным терроризмом и идеями сепаратизма. Сейчас, в связи с победой исламской революции в арабском мире, уже наблюдается небывалая активизация деятельности исламских радикальных организаций во многих регионах мира. Появляются новые контрреволюционные фундаменталисты, например, салафиты. Появление таких сил коренится в социальной почве, оно соотносится с религией и идентичностью нации, поэтому борьба с этими силами – наша главная задача в обеспечении безопасности в Центральной Азии.
- 2) Трансграничная преступность. Из Афганистана через Центральную Азию идёт поток наркотиков в Россию и Европу. По данным ООН, через Центральную Азию каждый год проходит примерно 90 тонн кокаина. От этого страдает и Китай. Расширение наркобизнеса делает наркомафию более агрессивной в транснациональном масштабе. Вместе с этим нарастает нелегальная миграция и контрабанда оружия.
- 3) Проникновение внешних террористических сил в Центральную Азию. Обостряется обстановка в регионе. Наблюдаются признаки дальнейшего ухудшения ситуации в Афганистане и Пакистане. За время войны в Афганистане Талибан и Аль-Каида были значительно сокращены. Многие из них были вынуждены покинуть Афганистан и отправиться в Пакистан и Центральную Азию. Во время вывода войск международной коалиции Центральная Азия станет основным маршрутом перевозки контингента НАТО. Не исключено, что этот маршрут станет объектом налёта Талибана, который рассматривает страны Центральной Азии как пособников агрессоров. Вывод войск не означает, что американцы навсегда покинут Афганистан. Там будут военные базы и контингент военнослужащих. Какие бы меры ни принимались, уничтожить терроризм в короткие сроки невозможно. Наоборот, длительное время Центральная Азия будет находиться под угрозой проникновения терроризма из АфПака.

Борьба великих держав в регионе обостряет обстановку в Центральной Азии. События 11 сентября предоставили США исключительный случай для развязывания афганской войны. Воспользовавшись потребностями стран Центральной Азии и с согласия России, США создали в Узбекистане, Таджикистане и Кыргызстане свои военные базы. Это позволило американцам ввести свои военные силы в Центральную Азию. Место региона в глобальной

---

<sup>26</sup> Заместитель Генерального секретаря, ст.н.с., Шанхайская академия общественных наук, Центр исследований России, Центр исследований ШОС

стратегической игре повысилось. США усилили своё влияние в Центральной Азии, чтобы реализовать свои стратегические интересы в АТР.

Активная деятельность США в регионе вызывает повышенное внимание со стороны России и КНР. Эти две страны усилили своё взаимодействие и начали укреплять сотрудничество со странами Центральной Азии – как на двусторонней, так и на многосторонней основе в рамках ШОС, ОДКБ. Под активным содействием России был осуществлён Таможенный союз. В ближайшей перспективе будет создан Евразийский экономический союз. Всё это укрепило позиции России в регионе.

Будущая обстановка в Центральной Азии будет во многом зависеть от баланса сил великих держав. Страны региона пытаются найти выгодные ниши между великими державами. Одновременно, они берут на себя политический риск.

Борьба за власть на выборах в Центральной Азии также несёт в себе вызов стабильности региона. В будущем 5 лет в ряде стран региона будут проходить президентские выборы. Для Афганистана и Казахстана стоит вопрос о передаче власти преемнику. Обеспечение процесса нормальной передачи власти имеет большое значение для их политической стабильности.

Обострение межнациональных противоречий – ещё одна угроза для региона. Национальный состав населения Центральной Азии очень сложен. В каждой стране существуют национальные меньшинства. Вместе с этим усиливаются религиозные группировки, которые играют на национальных противоречиях, преследуя свои интересы.

**Мурат Турарович Лаумулин<sup>27</sup>:** США и Европа – это то, что сейчас называют политическим Западом. Они начали активно действовать в Центральной Азии после распада СССР, декларировали общие цели, и внешне всё так и выглядело. Но уже к середине 1990-х годов стало понятно, что стороны имеют разные приоритеты, действуют разными методами.

Политика США в отношении региона оформилась доктринально к августу 1992-го года. Доклад «Новая геополитика в Центральной Азии», по-видимому, лёг в основу действий администрации Буша-старшего. Перед американской стратегией ставилось пять задач – они сохранились и до нашего времени, менялась только их приоритетность:

- 1) ядерное оружие, которое располагалось в Казахстане (до 1995-го года);
- 2) судьба углеводородов (вторая половина 1990-х годов);
- 3) угроза исламского фундаментализма (в то время речь шла об Иране, а не об Афганистане или Саудовской Аравии);
- 4) межэтнические, межконфессиональные столкновения, гражданские конфликты, войны;
- 5) недопущение реставрации контроля России в регионе.

Европейский союз не имел концепции, подобной американской. Документы подобного рода стали появляться только в конце 1990-х годов. Лидером в формировании центральноазиатской стратегии Европы была Германия. Европейцы делали упор на оказание технической помощи и на внедрение западных ценностей. Во второй половине 1990-х годов пришло разочарование. Европа ничего не добилась в экономической сфере, хотя, в отличие от американской помощи, которая сводилась к оплате собственных экспертов, организации нелепых программ и конференций, европейский вклад был направлен на поддержку малого и среднего бизнеса. Это было закреплено в Соглашении о партнёрстве и сотрудничестве. Затем

---

<sup>27</sup> Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

европейцы стали сворачивать те преференции и привилегии, которые предоставлялись новым независимым государствам. Появились тарифные барьеры, экономическая помощь начала сужаться.

После 11 сентября 2001-го года усиливается американское присутствие, Европа отходит на второй план. Итоги активности США хорошо известны – это открытие военных баз, подписание хартии о стратегическом сотрудничестве, попытки давить по линии МВФ и так далее. Противоречивость стратегии США особенно ярко проявилась на примере Узбекистана. Там столкнулись две линии: одну представлял Пентагон – это *реал политик* (использование ташкентского режима в качестве союзника для проведения операции в Афганистане), вторую определял Госдеп под контролем Конгресса (соблюдение прав человека, проведение финансово-экономических реформ).

Затем начались цветные революции. Они должны были перекинуться и на наш регион. 2005-й год – это пик активности США в нашем регионе. Тогда состоялся саммит ШОС в Астане, совместный демарш этой организации в отношении американского присутствия. К лету 2005 г. готовилась цветная революция в Казахстане, но путём невероятных дипломатических усилий нам удалось её предотвратить.

Второй срок Буша-младшего – резкий спад американской активности в регионе. Критика режимов ослабла, отношения вошли в стадию стагнации. Европа в 2007-м году (видимо, на это повлиял факт председательства Германии) приняла стратегию ЕС в отношении Центральной Азии. Это был доктринальный документ, но уже через два-три года стало ясно, что он не работает. Европейские эксперты раскритиковали его и предложили новую интерпретацию стратегии, однако экономический кризис отвлёк влияние Брюсселя от нашего региона.

Сейчас очевидно, что Евросоюзу не до Центральной Азии. Мы ничего не ждём от Европы (может быть, только Германия сохранит активность на восточном внешнеполитическом направлении).

В США после выборов, судя по всему, сохранится преемственность курса – он будет носить умеренный, взвешенный характер, будет учитывать интересы России в регионе. Но есть ряд факторов, которые могут возбудить американскую активность в регионе. В первую очередь, это китайский фактор. Возможно, второй срок Обамы омрачится ухудшением отношений с Китаем – тогда значение Центральной Азии существенно возрастет. Другой фактор – иранский. Крупномасштабный и затяжной конфликт с Ираном ещё не снят с повестки дня.

***У России сейчас есть уникальная возможность успешно проводить интеграционную политику. Вмешательство западных стран возможно при условии, что российская инициатива перейдёт установленные ими пределы.***

Если смена власти в Центральной Азии пойдёт по непредсказуемому сценарию, тогда также не исключено вмешательство США.

**Бахтияр Исмаилович Эргашев<sup>28</sup>:** Я хочу рассмотреть роль и влияние глобальных игроков в регионе не с их точки зрения, а с позиций стран Центральной Азии.

Для Центральной Азии характерны два долгосрочных вызова:

- демографический прессинг (всё более увеличивающееся население стран региона – 65,5 млн человек на данный момент, 82 млн человек – прогноз на 2040 г.);

---

<sup>28</sup> Координатор исследований, Центр экономических исследований, Узбекистан.



- определённое ограничение для аграрной модели развития (водные и земельные ресурсы для каждой страны ограничены).

Для всех стран региона характерна незавершённая модернизация советского типа. Регион состоит из аграрно-индустриальных стран (за исключением Казахстана) с преобладанием сельского населения. Таким образом, главная стратегическая задача – переход от аграрно-индустриального к индустриально-аграрному укладу экономики. Если рассмотреть роль и место глобальных игроков в Центральной Азии с этой, а не с военно-политической точки зрения, многие вопросы получают новое звучание.

*Для США и Европы Центральная Азия не представляет никакого интереса – за исключением выкачивания углеводородов. Только Китай в этом отношении является реальным и активным игроком в регионе. Минимизируя военно-политический аспект, Китай является главным инициатором и помощником реализации программ модернизации во всех странах региона. Даже Узбекистан, который до последних лет вёл очень осторожную политику в отношении Китая, сейчас (особенно – после подписания договора о стратегическом партнёрстве) усиливает это взаимодействие.*

Не думаю, что Иран и Турция смогут помочь региону в модернизации – им бы самим модернизироваться.

Если бы наша конференция проходила, например, в Ташкенте, здесь, в списке стран, обязательно бы значилась Южная Корея. Без всяких больших заявлений и договоров эта страна стала одним из главных игроков в экономическом поле региона.

**Нина Михайловна Мамедова<sup>29</sup>:** Внимание Ирана к Центральной Азии то усиливалось, то ослабевало. И это понятно – с экономической точки зрения, регион не вызывает особого интереса у ведущих держав мира.

Но в последнее время, судя по заявлениям и визитам иранских руководителей, можно сказать, что внимание к Центральной Азии усилилось. Я думаю, это связано с тем, что давление на Иран со стороны западных стран увеличилось, а экономические связи сократились. В таких условиях Иран вынужден искать те ниши, которые могли бы представить интерес для него и не представляют интереса для иностранных инвесторов, которые видят в Центральной Азии лишь источник энергоресурсов. Действительно, Иран не принимает сколько-нибудь значительного участия в добыче нефти и газа, но он активен в ТЭК с точки зрения транспортировки и вывода энергоресурсов на региональные и мировые рынки.

Центральноазиатские государства, особенно Казахстан и Туркмения (в них особенно сильны позиции иностранных компаний), не могут не учитывать наличие санкционного режима в отношении Ирана. Использование иранских проектов по выводу энергоресурсов для них – возможность ослабить свою зависимость от российской трубопроводной системы. Это можно понять и считать, что диверсификация – в их интересах. С другой стороны, они также боятся попасть в зависимость от Ирана с его сложными отношениями с Западом и странами Персидского залива. Тем не менее, попытки Ирана можно назвать успешными – например, в Туркмении недавно построили терминал для вывоза сжиженного газа.

Поставки нефти из Казахстана по схеме своп – второй момент, который Иран периодически использует. Но они нерегулярны и не очень велики.

---

<sup>29</sup> Заведующий сектором Ирана, ИВ РАН

Практическое участие Ирана в такой трубопроводной системе очень не велико, несмотря на заинтересованность всех сторон.

*Интерес Ирана заключается даже не столько в том, чтобы экспортировать ресурсы в страны региона, а в том, что это выводит его из состояния международной изоляции, повышает уровень его безопасности.*

С моей точки зрения, вопросы безопасности перевешивают экономический интерес. Для стран, связанных с Ираном системами газопроводов (Туркмения, Армения, Турция), ситуация обратная – им иранские ресурсы выгодны в экономическом смысле. Эти страны начали вести себя на рынке газа более независимо (особенно в отношениях с Россией).

Заинтересованность в ТЭК проявляется через сотрудничество в электроэнергетике. Иран принимает участие в строительстве электростанций и в транспортировке электроэнергии, в создании единой энергосистемы региона. В этом отношении позиции Ирана могут быть более прочными, эта отрасль пока не попала под санкционный режим. А для стран Центральной Азии проблема энергетической безопасности является весьма острой, особенно для стран с большим потенциалом гидроресурсов (Таджикистан).

Иран использует заинтересованность стран Центральной Азии в создании транспортной сети. Но и здесь всё очень сложно. Лоббируемый Ираном проект строительства железной дороги вдоль Каспия, который совсем недавно был одобрен всеми странами Центральной Азии, на данный момент фактически заморожен. Сейчас Туркмения отказалась от иранского проекта строительства железной дороги вдоль Каспия. Узбекистан и Туркмения заявили о своём интересе к проекту железной дороги в обход Ирана.

Я считаю, что такое «выдавливание» Ирана уменьшает его заинтересованность в сохранении стабильности в регионе.

Остановлюсь на культурно-идеологическом аспекте. В последние двадцать лет Иран в общении с соседями использовал такой компонент, как общее историческое и культурное прошлое. Во всех странах региона созданы и активно работают иранские культурные центры. Идеологическая экспансия в виде идеи экспорта исламской революции фактически сошла на нет. Никакой практической деятельности в этой области в отношении Центральной Азии Иран не ведёт.

Опыт урегулирования войны в Таджикистане и отношение к талибам в Афганистане показали, что Иран всячески пытался снизить накал экстремизма и обеспечить спокойствие на своих границах. Конечно, религиозное влияние Ирана на исламские движения сильно ограничено, хотя Иран постоянно подчёркивает необходимость единства в рамках общей мусульманской уммы. Однако нельзя исключать и другого варианта: загнанный в угол Иран может попытаться использовать исламский фактор, поддерживая движения, оппозиционные светским режимам стран региона. Опыт у него есть – достаточно вспомнить его взаимоотношения с суннитским ХАМАСом и Исламской партией Узбекистана.

В целом, Центральная Азия для Ирана – это возможность снизить политическую изоляцию. Он не ведёт борьбу за экономическое лидерство и не является конкурентом России и Китаю. Его влияние в последнее время было стабилизирующим, а поддержка исламских движений не выходила на уровень государственной поддержки и на уровень конфронтации с государственной властью стран Центральной Азии. Низкий уровень экономической, военной и политической взаимосвязи позволяет предположить, что, в случае военного решения проблемы иранской ядерной программы, он не получит поддержки от стран Центральной Азии.

Но нужно учитывать, что исламские настроения в регионе очень сильны. Нельзя не учитывать того, что

*характерная для всех режимов региона клановая экономика, теснейшая связь правящих кланов с компаниями США и Европы подогревают эти исламские оппозиционные настроения.*

Вероятность социального взрыва, на мой взгляд, очень велика. Можно даже прогнозировать поддержку Ирану через различные добровольческие исламские отряды, несмотря на разницу в мазхабах.

**Стегний Петр Владимирович<sup>30</sup>:** «Борьба за территории», «блоковые подходы» – это понятия XIX-XX веков. Положение дел в Центральной Азии и на Ближнем Востоке является частным случаем глобального переформатирования мира. Это новая политическая карта (после распада СССР) с новыми балансами, с тенденциями к новой расстановке сил. Стремление к демократизации вытекает из данной ситуации. Это новая конфигурация государств, которые декларируют себя идеологически однородными (в смысле приверженности идеалам демократии) и в то же время имеют целые группы новых противоречий, рождающих новые по форме конфликтные ситуации.

Направляя объективные процессы демократизации, наши западные партнёры делают ряд просчётов (возможно, стратегического характера). Принципы самоорганизации общества в форме демократии, очевидно, имеют тенденцию к универсализации. Но страны Запада пытаются продвигать «пакет» собственных представлений о гражданских свободах, о правах человека, об этической модели поведения. Это порождает конфликтные ситуации, принимающие острые политические формы. Неолиберальный подход к гражданским свободам представляется мне наиболее опасным раздражителем, который может привести к коллизиям как на Ближнем, так и на Среднем Востоке. Обратите внимание на сентябрьские антиамериканские выступления в арабском мире: они были вовсе не против демократии.

Вторая группа рисков – это попытка играть на приходе к власти исламистов в арабском мире и в Центральной Азии, попытка столкнуть шиитов и суннитов. Это абсолютно искусственная, но чрезвычайно опасная схема (попытка тылового окружения Ирана и другие расчёты тактического характера).

Третий фактор – иранская ядерная программа. Это чувствительная тема, и к ней можно относиться как к маргинальному вопросу. Но я считаю, что это один из факторов, от которого зависит стабильность в Центральной Азии. Это проблема нераспространения, и она должна решаться в этой плоскости – с безусловным уважением к мнению МАГАТЭ и повышенной кооперативности самого Ирана в рамках «шестёрки». Обсуждение деталей нанесения единоличного удара по Ирану в Израиле в июле-августе 2012-го года – это предупреждение для всех нас. Неправильно ждать, пока внешние игроки решат проблемы безопасности региона.

**Сергей Валентинович Уткин<sup>31</sup>:** Уже было сказано, что Центральная Азия слишком далека от Европы, ей не интересна (за исключением вопроса энергоресурсов). Но на мой взгляд, такой подход – несколько упрощённый, он не учитывает долгосрочную перспективу. Вклад Европы на данный момент, безусловно, ограничен условиями экономического кризиса. Но экономический кризис не вечен, и ЕС в обозримой перспективе будет обладать достаточно внушительными ресурсами для проведения активной политики в третьих странах

<sup>30</sup> Чрезвычайный и Полномочный Посол, бывший посол РФ в Израиле и Турции

<sup>31</sup> Заведующий Отделом стратегических оценок ЦСА РАН

и регионах. В определённых аспектах у ЕС есть шансы стать более конкурентоспособным игроком в Центральной Азии, чем, например, Россия. Само понимание сложностей в отношениях с Центральной Азией очень выгодно для ЕС. В России, в свою очередь, часто обманываются единым языковым пространством, мнимым взаимопониманием с Центральной Азией.

Вся работа европейцев в регионе чётко структурирована, много внимания уделяется повышению видимости присутствия ЕС. Основные приоритеты – борьба с бедностью, улучшение образовательных систем, поддержка малого бизнеса – традиционно называются «техническими». Но здесь технические и политические моменты тесно связаны. Начиная с сугубо гуманитарной тематики, ЕС обеспечивает себе очень хорошую базу в регионе. Мы можем говорить о феномене развития по принципу функционализма. Как сам Евросоюз развивался от технических вопросов общего рынка угля и стали к мощному объединению, так и здесь.

Прозвучало такое мнение, что ЕС и США не помогут региону. Но регион всё-таки должен помочь себе сам. Никто извне не сможет изменить ситуацию принципиально. Как только партнёры из региона будут готовы к тому, чтобы выйти на новый этап в отношениях с ЕС, он будет всячески это приветствовать. Сейчас идёт подготовительный этап.

27 ноября 2012-го года высокий представитель ЕС по внешней политике начинает турне по странам региона; состоится совет на министерском уровне (ЕС – Центральная Азия). То есть отношения с Центральной Азией присутствуют на повестке дня Евросоюза. Вряд ли приоритетность этого вопроса снизится. Важно то, насколько страны региона готовы идти на более тесное взаимодействие с ЕС.

**Вячеслав Яковлевич Белокреницкий<sup>32</sup>:** Турция некогда играла очень важную роль в Центральной Азии. В начале 1990-ых годов Турция пыталась стать «локомотивом» в развитии Центральной Азии. Сейчас эта роль оставлена в силу объективных обстоятельств (недостаточность экономического потенциала, отвлечённость на арабские страны). Но у Турции остаются определённые позиции и связи в регионе, для неё это перспективное направление. Не исключено, что вскоре Турция снова будет весьма активно представлена в центральноазиатском регионе.

Есть такая структура – Development aid – организация восьми развивающихся мусульманских стран (Исламская восьмёрка). Восьмой саммит этой организации недавно прошёл в Исламабаде, и там присутствовали лидеры Турции, Ирана, Индонезии, Нигерии... на высшем уровне было представлено пять государств. Эта организация была создана по инициативе Неджметтина Эрбакана. В перспективе она тоже может стать важным игроком.

**Ирина Яковлевна Кобринская<sup>33</sup>:** Вопрос к С.В. Уткину. Вы говорите, что у Евросоюза есть определённая стратегия в отношении Центральной Азии. Насколько эта стратегия обладает кондициональностью? Вы говорите, что страны региона должны проявить готовность. Но им сейчас не до того. Если речь будет идти о том, что им дадут то, что давали странам Восточной Европы в рамках «Восточного партнёрства», я не знаю, будут ли они вообще что-то делать. Те программы, которые Вы называете «техническими» на самом деле очень важны в решении социальных проблем. Но будет ли ЕС действовать, закрывая глаза на то правовое поле, которое есть в этих государствах?

---

<sup>32</sup> Заместитель директора Института востоковедения РАН

<sup>33</sup> Заместитель директора по научной работе ЦСА РАН

**Сергей Валентинович Уткин:** Я думаю, что слово кондициональность не слишком подходит – речь не идёт о перспективе членства в ЕС, ситуация совершенно другая. Здесь имеет место другой термин, который известен из практики НАТО – так называемый performance-based process (процесс, основанный на динамике). Как эта динамика идёт – так и принимаются решения. Если страны региона не готовы пойти на более тесное взаимодействие с ЕС в каких-то областях, ЕС принимает это к сведению и действует в других областях. На мой взгляд, дело не в том, чтобы подтолкнуть страны к развитию насильно, а в том, чтобы дать им в руки инструменты. Именно это готов предоставить ЕС. Я думаю, что ценностные различия преувеличиваются. Существующие проблемы преодолимы.

#### ***Четвертое рабочее заседание.***

##### ***«Пути и механизмы решения проблем региона ЦА. Роль России»***

**Винокуров Евгений Юрьевич<sup>34</sup>:** Я хотел бы представить вам проект крупного социологического исследования, которое было проведено нашим Центром в сотрудничестве с одиннадцатью социологическими организациями СНГ и Грузии. Всего по пространству СНГ было опрошено более 13-ти тысяч человек. Опрос репрезентативен. В том числе были отработаны четыре центральноазиатские страны – Центральная Азия минус Туркменистан. Этот проект, который получил название «Интеграционный барометр», показал, что постсоветское пространство уже давно не является единым пространством в том, что касается интеграционных предпочтений. Интеграционные предпочтения стратифицированы по странам и субрегионам.

Кавказский регион сильно дифференцирован, Азербайджан демонстрирует фантастическую степень ориентации на Турцию, Молдова ориентируется на Румынию и ЕС примерно в той же степени, что и на Украину и Россию. На общем фоне выделяется Центральная Азия, которая демонстрирует удивительную в своём постоянстве ориентацию на Россию. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы относитесь к Таможенному союзу (Россия – Казахстан – Белоруссия)?» Было получено 80% положительных ответов (Казахстан). Наши коллеги из КИСИ провели похожий опрос на несколько месяцев позже, чем мы, и получили цифру в 76%. На мой взгляд, такое совпадение чисел подтверждает корректность этой социологической работы.

Любопытно, что не входящие в состав Таможенного союза страны – Таджикистан и Киргизия – продемонстрировали высокую степень одобрения (76% в Таджикистане и 67% в Киргизии). Мне кажется, из этого можно сделать вывод, что восприятие в этих странах готово к началу практических переговоров по вступлению Таджикистана и Киргизии в Таможенный союз и ЕЭП.

Очень любопытно, что высокие результаты получены и в Узбекистане – 67% одобряют идею Таможенного союза (именно одобряют идею – речь не шла о поддержке вступления Узбекистана в Таможенный союз). Тем не менее, на фоне высокого уровня изоляционизма, который показал «Интеграционный барометр», поддержка узбеками идеи региональной экономической интеграции бросается в глаза.

Помимо данного вопроса, было задано порядка полутора десятков вопросов из самых разных сфер – экономического, социально-культурного, военно-политического взаимодействия.

---

<sup>34</sup> Директор Центра интеграционных исследований, Евразийский банк развития

Практически все они показали, что Россия до сих пор пользуется исключительным кредитом доверия в регионе. В вопросе о привлекательности инвестиций из-за рубежа Россия стоит практически на первом месте (наряду с Японией и Германией). В вопросе о привлечении квалифицированных кадров, о привлекательности научно-технического сотрудничества, культуры и искусства Россия лидирует.

Было также задано несколько вопросов военно-политического характера. Например: «Какие из перечисленных стран являются дружественными для нашей страны, на чью поддержку можно рассчитывать в трудную минуту?» По Таджикистану 96% – ответ «страны бывшего СССР и Россия». В Узбекистане и Киргизии тот же ответ дали 90% респондентов, в Казахстане – 89%.

Получается, что на сегодняшний день Россия по-прежнему является наиболее привлекательным партнёром для жителей Центральной Азии во всех сферах. Но никто не даёт гарантий, что так будет всегда.

**Владимир Георгиевич Барановский:** Очень интересное исследование. Думаю, для многих из нас такие результаты были ожидаемы. Но хочу напомнить о том, что говорил С.В. Уткин в конце прошлого заседания. Мы относимся к таким цифрам, как к чему-то самому собой разумеющемуся. Поэтому, вероятно, можем легко потерять этот кредит доверия. Нам нужно к этому относиться взвешенно: конечно, такие результаты говорят о потенциале наших возможностей, нашего влияния и взаимодействия со странами Центральной Азии, а с другой стороны, не нужно легкомысленно полагать, что это нам дано раз и навсегда. Ведь центральноазиатские страны ищут и другие возможности и опции.

**Рустам Талгатович Ганиев<sup>35</sup>:** В последнее время заголовки статей в аналитических журналах пестрят сообщениями о возвращении России в Центральную Азию, об изменении расстановки сил в регионе между державами в пользу России, о том, что Россия проснулась от летаргического сна и уходит от декларативного характера отношений с Центральной Азией. Даже в СМИ Китая говорят о том, что в Центральной Азии чаша весов склоняется в пользу России. То есть создаётся впечатление об усилении России в регионе. Но попробуем разобраться, что же происходит на самом деле.

Военная сфера. В сентябре-октябре В.В. Путин посетил Таджикистан и Киргизию: были достигнуты определённые договорённости. Важно, что эти визиты обеспечили России стабильное военное присутствие в регионе на перспективу в 20-30 лет.

Роль КСОР и ОДКБ в регионе по всем внешним признакам усиливается, одновременно идёт наращивание их военных сил и перевооружение. Проблема – выход Узбекистана из ОДКБ. Хотя в ряде статей говорится о росте проамериканских настроений в Узбекистане, для меня такая точка зрения не однозначна. Во-первых, для Узбекистана очень важен вопрос сохранения политической безопасности. Для Узбекистана свежи ещё воспоминания об Андижане (2005 год). Поэтому сегодня И.Каримов проводит более осторожную и взвешенную прагматическую политику. К тому же, есть опасения по поводу распространения «арабской весны». Поэтому Узбекистану сегодня отводится вполне определённое, далеко не центральное место. Нам нужно понимать, что Узбекистан не верит никому – ни американскому, ни нашему руководству. Необходимо найти удобный момент для налаживания отношений, и здесь инициатива, безусловно, должна исходить от России. На деле же Россия как будто обиделась на политику И.Каримова и пытается его проучить посредством водно-энергетических проектов на территории Киргизии и Таджикистана.

---

<sup>35</sup> Директор Центральноазиатского научно-исследовательского центра, Екатеринбург

Экономическая сфера. Позитивный момент – Россия списала долги Киргизии и подтвердила оказание экономической помощи при строительстве Камбаратинской ГЭС и Верхне-Нарынского каскада с распределением акций 50 на 50, а не 75/25, как это было раньше. То есть была сделана ставка на взаимопомощь и поддержку. Наметились перспективы вхождения Киргизии и Таджикистана в Таможенный союз. В ближайшей перспективе Россия может взять на себя комплекс проблем этих стран, что вполне ожидаемо, так как самостоятельно они их всё равно решить не смогут. Чем быстрее это произойдёт, тем лучше, наверно, будет для этих стран.

Отрицательные моменты – рост противоречий России с Узбекистаном: сворачивание крупных российских проектов в Узбекистане («МТС», «Вимм-Билль-Данн», сеть магазинов «Книжный мир»). Кроме того Объединённая авиастроительная компания (РФ) была вынуждена прекратить сотрудничество с Ташкентским авиационным производственным объединением, которое раньше являлось головным предприятием по производству грузовых самолётов ИЛ-76. Производство новой модели этого самолёта было перенесено в Ульяновск. В июле 2012-го года «АвтоВАЗ» объявил о прекращении работы четырёх своих дилеров в Узбекистане из-за высоких ввозных пошлин, которые доходят до 60%. Продажи российских автомобилей в Узбекистане в последние годы в Узбекистане резко снизились. Таким образом, российский бизнес постепенно выдавливают из Узбекистана. Причём у меня складывается впечатление, что по всем эпизодам просматриваются какие-то политические решения, поскольку все дела имеют широкий резонанс – что вообще не характерно для Узбекистана. В то же самое время газовые контракты в Узбекистане (например, «Лукойл») неприкасаемы. Наверно, потому, что это стратегически важная отрасль для Узбекистана.

Рост напряжённости по поводу строительства ГЭС – проблема, которую нельзя решить без учёта интересов Узбекистана. Вода – это стратегическое оружие Центральной Азии. Пока что Россия имеет все шансы на роль посредника в урегулировании этих спорных вопросов. Но создаётся впечатление, что в Москве ещё не осознали жизненную важность этой проблемы для ряда государств Центральной Азии. С другой стороны, наоборот: есть опасения, что Россия прекрасно понимает все тонкости водной проблемы, и совместные проекты строительства ГЭС – великолепный инструмент давления на страны региона для отстаивания своих интересов. Мне кажется, что, в условиях создания Евразийского союза, главная задача России на сегодня – объединять и созидать, не создавая дополнительной напряжённости в регионе.

Гуманитарная сфера. В этом направлении у России наиболее сильные упущения (на фоне имеющегося потенциала – язык, культура, религия, общее историческое прошлое). Не нужно забывать и о наших соотечественниках, живущих в странах Центральной Азии. Хотя им тут повезло больше всего – их проблемами занимаются такие организации, как Россотрудничество, Русский мир, задействована Федеральная программа по переселению соотечественников в Россию. В ноябре вышло интервью К.И.Косачева (руководитель Россотрудничества), в котором была провозглашена новая мегацель – консолидация русского мира. Звучит размашисто и по-русски: в своём интервью К.И.Косачев приводит цифры, которые явно не соответствуют поставленным задачам. Он говорил, что особое значение приобретает работа с молодёжью и привлечение молодых соотечественников на учёбу в Россию. Он говорил не о Центральной Азии, а об АТР. В 2012-2013 году для иностранных граждан и соотечественников выделено 114 мест на обучение по программам вузовской и послевузовской подготовки.

Мне кажется, что актуальным и востребованным является и другое направление – программа образования для иностранных студентов (которых в России не так уж и много). Спрос на российское образование в Центральной Азии всё ещё имеется. Для примера я приведу цифры Института международного образования, которые говорят о том, что США (по данным 2010-го года) зачислили 670 тысяч иностранных студентов (преимущественно из Индии, Китая и

Южной Кореи; из России – 5 тысяч студентов). Американцы не ставят себе задачу консолидировать американский мир, они просто делают его американским, как мы видим из этих цифр.

Серьёзная работа должна проводиться с нашими соотечественниками по вопросам толерантности, политкорректности, информированности о процессах, происходящих у наших соседей. Начинать нужно со студенческой скамьи. Сейчас лишь немногие ВУЗы могут похвастать наличием спецкурса по истории и культуре миграционных процессов. Сегодня страны Центральной Азии не представляют интереса для российских граждан. Центральная Азия в глазах обывателя – край, откуда приезжают гастарбайтеры. Если и есть какая-то информация, то негативная – наркотики, коррупция и проч. России необходимо разработать внятную гуманитарную стратегию в отношении Центральной Азии.

Итак, Россия сформировала долгосрочный базис для поддержания коллективной безопасности всех членов ОДКБ на ближайшие 20-30 лет. До сих пор такого в регионе не было (единое военное пространство), а начинать какие-либо проекты в условиях отсутствия внешней безопасности – это большой риск.

Хочется верить, что это лишь первый шаг в развитии российско-центральноазиатских отношений. Логика России вполне определена, но мне хотелось бы видеть какой-то последовательный план российского руководства. Я его представляю таким:

- 1) Застраховать риски – обезопасить себя в военном отношении на долгосрочную перспективу;
- 2) Договориться о единых правилах взаимодействия на пространстве России и Центральной Азии. Подведение единой правовой базы. В рамках двусторонних соглашений сделать это будет сложно. Нужно задействовать какой-то инструмент – Таможенный союз или Евразийский союз – для решения спорных вопросов.

Но пока в этом плане я не наблюдаю гуманитарной составляющей. ЕС, например, в своих программах большое внимание уделяет образовательным проектам. Нам есть чему поучиться у них.

**Бахтияр Исмаилович Эргашев<sup>36</sup>:** Действительно, тема приостановления членства Узбекистана в ОДКБ сейчас является одной из ключевых в дискуссии по Центральной Азии. В декабре это приостановление будет утверждено. Определённый алармизм присутствует, но я бы хотел поговорить о другом. Никто не отменял наш договор о стратегическом партнёрстве между Россией и Узбекистаном. Мне кажется, это основополагающий документ для наших отношений. Россия остаётся крупнейшим внешнеторговым партнёром Узбекистана. Я думаю, в ближайшие годы никто не сможет лишить её этого статуса.

Есть две точки зрения: выход из ОДКБ расширяет поле политического манёвра для Узбекистана или сужает. Я считаю, что расширяет (и не мешает сотрудничеству Узбекистана и России). Даже при реализации наихудшего сценария в Афганистане – существует большой опыт сотрудничества Узбекистана и России в решении афганских вопросов. Вряд ли у России будет более сильный и надёжный партнёр в данном аспекте, чем Узбекистан. Это не просто слова: 1990-е годы и начало 2000-х показали, что уже наработаны определённые механизмы, и они будут функционировать.

Узбекистан подписал договор о зоне свободной торговли в СНГ. В ближайшие годы дальше мы не пойдём. Любой специалист по Центральной Азии понимает: на данный момент это предел интеграционной активности Узбекистана. Я согласен с цифрами, приведёнными

---

<sup>36</sup> Координатор исследований, Центр экономических исследований, Узбекистан



Е.Ю.Винокуровым, - отношение к другим интеграционным инициативам очень хорошее, но для нас приоритет – двусторонние отношения с Россией по вопросам развития региона.

**Андрей Иванович Суздальцев<sup>37</sup>:** Существует точка зрения, что Таджикистан и Киргизия посредством присоединения к Таможенному союзу могли бы решить часть своих социально-экономических проблем (и даже водно-энергетическую проблему). К сожалению, нельзя сказать, что Таможенный союз готов принять эти государства. Хотя наше руководство пытается ускорить процесс их вхождения в Союз. Всё-таки, приходится признать, что объявленный экономический эффект от работы Таможенного союза непонятен, непрозрачен. Вычленить заслугу Союза в выросшем товарообороте очень сложно. И в Казахстане, и в Белоруссии активно развивается мысль о том, что Таможенный союз недодаёт. На него ссылаются, когда речь заходит о росте цен на товары народного потребления. Даже несмотря на то, что 92% рынка Таможенного союза – это российский рынок, можно считать, что таможенные границы мы отдали: мы их не контролируем.

Белорусская таможенная служба находится в очень странном состоянии. Есть случаи, когда используется не Единый таможенный кодекс, а кодекс белорусский, который не должен использоваться. То же бывает и в Казахстане. Работа Единой евразийской комиссии также вызывает удивление – она совершенно не прозрачна. Есть проблемы с контрабандой, с едиными экономическими зонами. Эти проблемы нарастают. В нынешней стадии Таможенный союз – очень «сырая» организация. Она производит впечатление «входного терминала» на китайский рынок – наши соседи являются такими терминалами для входа на китайский рынок. В таком случае вступление в Таможенный союз Киргизии, которая обладает одним из самых мощных в Центральной Азии китайским товарным хабом, вызывает много вопросов. Как мы будем сохранять российский малый и средний бизнес – он ведь будет просто ликвидирован?

Россия вступила в ВТО, и Таможенный союз проходит мощную трансформацию, подгоняется под условия организации. Киргизия вступила в ВТО на очень низких условиях, и мы не должны об этом забывать. Мы не должны забывать, что мы берём на себя огромные обязанности в плане водно-энергетической проблемы – и нам не справиться с таким объёмом. Мы вползаем в тяжёлые этнополитические конфликты, которые существуют в этом «коридоре» Киргизия – Таджикистан.

Таким образом, Таможенный союз ещё не готов, но это ничего не значит, ведь существует очень жёсткое политическое расписание по ускорению интеграционных процессов.

**Станислав Вячеславович Жуков<sup>38</sup>:** Прозвучала очень правильная мысль: безопасность – это, прежде всего, стабильность. Хочу добавить, что экономическое измерение безопасности является приоритетным, потому что пока данные страны не выйдут на траекторию устойчивого экономического развития, говорить об иных аспектах безопасности бессмысленно.

Экономическая теория учит нас, что пространство и расстояние имеют свою экономическую цену. Если говорить просто, пространство и расстояние отражаются в транспортных издержках, в издержках входа/выхода в центральноазиатское пространство, в издержках распространения технологий. С этой точки зрения константой является то, что страны региона типологически принадлежат к государствам, не имеющим выхода к морю или к

---

<sup>37</sup> Заместитель декана ФМЭиМП НИУ ВШЭ, доцент кафедры мировой политики НИУ ВШЭ

<sup>38</sup> Руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН

торговым коммуникациям. Соответственно, процесс экономического роста в этих странах всегда будет оставаться крайне сложной задачей.

По сути дела, в данных сложных условиях единственные предпосылки для создания национальных экономических систем появились в тех странах, которые располагают крупными углеводородными запасами глобального значения (это касается всего постсоветского пространства). Регион делится на две группы: Казахстан (нефть) и Туркменистан (газ) и все остальные. Причём только Казахстан развивается по относительно устойчивой траектории роста. Постепенно на эту траекторию вступит и Туркменистан.

Политико-экономические константы в регионе также уже сложились. Когда мы говорим о нефтяном комплексе Казахстана, мы говорим о комплексе транснациональных американских и западноевропейских корпораций. Все сколько-нибудь крупные нефтяные проекты в Казахстане обеспечиваются не самим Казахстаном.

В последние 10 лет туда добавился и Китай – второй игрок в нефтегазовом секторе. Игрок исключительный, так как Казахстан и Китай впервые соединились трубопроводом, который не проходит через территории транзитных стран, что стратегически очень важно. Мы знаем, что в ходе кризиса, который поразил все постсоветские экономики в 2008-м году, Казахстан в рамках китайских кредитов («кредиты в обмен на природные ресурсы») получил значительные финансовые вливания, чтобы поддержать свою финансовую систему, которая была в кризисе, и без этих вливаний, по-видимому, развалилась бы. Так КНР упрочила свои позиции в нефтяном секторе.

Я считаю, что по мере того, как цена на нефть несколько снижается – на европейском рынке образовался избыток нефти – вполне возможно (при соответствующем желании сторон) формирование связки «американские компании – китайские компании – Центральная Азия».

Вторая крупная энергетическая связка, которая уже сформировалась в центральноазиатском регионе, – это Туркменистан – Китай. Туркменистан является крупнейшим поставщиком газа в Китай (в этом году объём поставок достигнет 25-ти млрд м3). Китай – эксклюзивный партнёр Туркменистана: китайские компании единственные получили право осваивать наземные месторождения Туркменистана (остальные могут осваивать только оффшорные участки). Китай – крупнейший донор Туркменистана (та же схема «кредит в обмен на природные ресурсы», её масштабы достигают 10 млрд долл.). Китай по большей части получает так называемый equity gas – газ, который является собственностью китайских компаний, добывающих его на территории Туркменистана.

Удивительно: несмотря на всю нестабильность в регионе, Китаю удалось совершить по-настоящему прорывной региональный проект – туркменская газовая труба несколько сотен километров проходит по территории Узбекистана, Казахстана и только потом вливается в общеазиатскую сеть. Хотя мы всё время говорим в будущем времени, Китай уже вполне в регионе освоился.

Каких-то других масштабных проектов, сравнимых с проектами Казахстана (нефтяной сектор) и Туркменистана (газовый сектор), на данный момент не наблюдается. Если говорить о России – она сама обладает колоссальными углеводородными ресурсами. Для российских компаний ресурсы за рубежом – в странах с огромными социально-политическими и прочими рисками – зачастую не представляют интереса. Но посмотрите на действия компании «Лукойл» в Узбекистане (с конца сентября 2012 к общей газопроводной системе Туркменистан – Китай подключился и Узбекистан: он начинает направлять в Китай возрастающие объёмы газа) – он ищет себе место в этой «узбекско-китайской трубе». «Лукойл» ищет себе рынок сбыта – им становится Китай.

Я слышал очень опасный тезис, что Россия должна взять на себя ответственность за решение проблем данного региона. Но ведь

*регион сам должен решать свои проблемы. На самом деле, перед Россией стоят совершенно другие экономические задачи. Это модернизация, потому что сырьевая модель роста для нас исчерпана. Политика России в Центральной Азии должна быть вписана в эту общую стратегическую линию. Нужно понимать, что, с учётом объективных возможностей развития данного региона, ожидать там каких-то экономических чудес не приходится. Это длительный, медленный процесс, с маленькими победами и большим количеством поражений.*

Нужно холить и лелеять те линии экономического взаимодействия, которые действительно очень выгодны и для России, и для Центральной Азии. В первую очередь я имею в виду приграничное партнёрство российских и казахских территорий. Хотя тут тоже возникает вопрос – какова база этого партнёрства. Тем не менее, это важное направление. Во-вторых, предельно жёстко нужно оценивать те экономические проекты, которые предлагаются и рассматриваются для реализации. Тут много говорили о проектах ГЭС – но каковы рынки сбыта такого огромного количества энергии? При всём моём уважении к Афганистану, Пакистану – это неплатёжеспособные страны. Почему российский бюджет должен нести в этом вопросе колоссальные издержки?

Третий момент: идеология наших партнёров – это очень активная идеология, направленная на извлечение максимума возможностей для себя. Во всём мире сейчас интеграционные образования являются открытыми (возможно одновременное участие в различных интеграционных проектах). Пример: Казахстан, безусловно, наш приоритетный партнёр. Тем не менее, в октябре начало действовать толлинговое соглашение Казахстана и Китая, по которому казахская нефть направляется в Китай и возвращается в Казахстан в виде нефтепродуктов. Предложив такое решение, Казахстан вытесняет со своего рынка российские нефтепродукты. Очевидно, что мы сталкиваемся с очень активным отстаиванием экономических интересов. И оно будет ещё усиливаться.

**Елена Борисовна Яценко<sup>39</sup>:** Много можно говорить о создании Евразийского союза, но политическое решение принято, а значит, процесс пошёл. Евразийский союз создаёт перспективу изменения всего евразийского пространства. Речь идёт о создании нового формата центральноазиатской части СНГ. Над этим уже нужно думать. Более того, создание такой новой формации позволяет нам думать о выстраивании своего лобби в некоторых вопросах.

Есть такая полужакрытая тематика – «Содействие международному развитию». Россия принимает в ней участие уже с 2006-го года, у нас даже есть собственная концепция. Де-юре и де-факто в Центральной Азии мы являемся значимым игроком на этом рынке. Пока что мы имеем не очень правильно институционально выстроенные структуры.

По поводу вопросов образования – 66% российских инвестиций в Таджикистане идут на образование. Совокупная (от всех инвесторов) часть средств, которая идёт на образование, – 3,3% (по материалам сайта таджикского Госкомитета по инвестициям).

У нас существуют две программы поддержки соотечественников за рубежом. Некоторые эксперты говорят, что это взаимодополняющие программы, другие – что взаимоисключающие. Программа по содействию переселению наших соотечественников из-за рубежа, может быть, не очень эффективна, но, по крайней мере, она существует, и мы даём возможность людям вернуться в Россию. Вторая программа, которая должна поддерживать организации наших соотечественников за рубежом, тоже работает: на неё

---

<sup>39</sup> Президент Фонда «Наследие Евразии»

выделяются большие средства. Но по моему личному мнению, наши соотечественники всё-таки должны жить в России. С 1989-го по 2011-ый год количество россиян, проживающих в Центральной Азии, сократилось на 3,7 млн человек. Сейчас там проживает порядка 5,9 млн человек (по данным статкомитетов стран Центральной Азии). В каждом государстве ситуация своя, но в процентном соотношении русскоязычная среда утратила от 15% - в Узбекистане, до 82% - в Таджикистане. В прошлом году при МИДе был создан Фонд поддержки наших соотечественников – это тоже определённый вклад.

Гуманитарное пространство времён СССР дало возможность повысить уровень грамотности населения в странах Центральной Азии до 99%. Для сравнения, рядом, в Афганистане, грамотность составляет 29%. То есть за пределами постсоветского пространства две трети населения безграмотно. И это угроза, с которой необходимо бороться. У нас существует несколько органов госвласти, которые должны этим заниматься. Пока, к сожалению, мы, в отличие от стран Запада, не присутствуем в качестве отдельных образовательных проектов в министерствах образования государств Центральной Азии. У нас нет элитных школ, которые, например, начинает открывать в Киргизии Китай. Но в этом году будет создана Национальная программа содействия международному развитию, куда войдут такого рода проекты. Россия и её партнёры по ОДКБ, ШОС и другим организациям создают на северной границе Афганистана различные пояса безопасности, типа антинаркотического, антитеррористического и проч. Но без продвижения гуманитарных и, в частности, образовательных проектов мы всегда будем бороться со следствием, не устраняя причин.

**Александр Иванович Никитин<sup>40</sup>:** Я расскажу о некоторых тенденциях в ОДКБ и военно-политической интеграции. Недавно на 30 лет было продлено размещение базы 201-ой дивизии в Таджикистане. При этом было поставлено политически ограничивающее условие, что российские войска не будут использоваться внутри страны. В 1992-ом году, когда федеральные войска России разнимали Северную Осетию и Ингушетию, они попытались сделать это при помощи спецназа Министерства внутренних дел, но его сил не хватило. И, в нарушение собственной Конституции, Россия использовала войска Министерства обороны внутри страны, а потом, через несколько месяцев, кое-что подправила в Конституции.

Одновременно пришла и другая новость – о том, что

*в Британии опубликовали доклад по результатам анонимного опроса лидеров Талибана, которые заявили, что Талибан, в принципе, приходит к политическому решению продлить долгосрочное присутствие американских военных баз на территории Афганистана при таком же политическом условии – американцы не должны вмешиваться во внутренние дела Афганистана, а будут только помогать в противодействии внешним угрозам. Не получилось решения по принципу «кто кого». Продлевается военное присутствие в регионе и России, и Запада.*

Обратите внимание на вступление в силу соглашения «О размещении объектов военной инфраструктуры на территории стран ОДКБ». Там есть чрезвычайно важный пункт о том, что отныне ни одна страна ОДКБ не может размещать у себя базы государств, не входящих в ОДКБ, без консенсуса внутри организации. Тут имеется отголосок дебатов по Узбекистану, Киргизии.

19-20 декабря пройдёт саммит ОДКБ, на который выносятся решения о создании нового структурного органа в ОДКБ – военного комитета начальников штабов – в дополнение к

---

<sup>40</sup> Директор Центра евро-атлантической безопасности МГИМО(У) МИД России

совету секретарей и совету безопасности ОДКБ. Будут предложены и очередные меры по укреплению ВПК ОДКБ. Делаются активные шаги на пути к тому, чтобы воплотить в реальность силы КСОР. Заявляется 17 тысяч человек + 4,5 тысячи человек в коллективных миротворческих силах ОДКБ.

Недавно мы спрашивали в научно-экспертном совете ОДКБ, означает ли это окончательный отказ от старых соглашений по КСБР (Коллективные силы быстрого развёртывания) для Центральной Азии. Генсек ОДКБ Н.Н.Бордюжа сказал, что это не значит отказываться от них. Будет три компонента: в случае военных действий мы можем собрать из этого конструктора одну конфигурацию по линии КСБР, в случае действий по миротворческому сценарию из сил КМС соберём другую конфигурацию, а в случае нападения талибов – третью. То есть

***ОДКБ рассматривает вопрос реального применения военных сил в трёх сценариях. Но надо помнить, что на практике эти силы собираются на учения на 3-5 дней в году, если не считать банкетов. Всё это только на бумаге. В ЕС есть оперативно-тактические соединения размером в 1,5 тысячи человек, которые одновременно тренируются, живут в одних казармах.***

Западную прессу пугает количественное сопоставление. 17 тысяч и 4,5 тысячи человек – ровно столько находится в силах ответного реагирования НАТО. Неужели это означает новую волну разговоров о паритете с НАТО? Разумеется, на политическом уровне это отрицается, но остаётся вопрос: как будут использоваться эти силы после 2014-го года?

Упомянем, что в последние полтора года произошли серьёзные преобразования в процедурных вопросах принятия решений в ОДКБ. Появились случаи так называемого «усечённого консенсуса», когда некоторые страны не возражали против того, чтобы при их неучастии в обсуждении другие участники принимали решения по вопросам, интересующим только этот, суженный круг государств. Строго говоря, это реакция на события в Киргизии.

***Руководство ОДКБ было очень обеспокоено тем, что за время событий в Киргизии оно не смогло осуществить консультации, не смогло довести вопрос до принятия решений. Комплекс новых процедурных правил предполагает возможность проводить консультации; считать, что страна дала положительный ответ, если ответа не последовало, и нет возражений против такого решения.***

Раньше в своих интервью Н.Н.Бордюжа говорил: «Ненавижу революции!» В последнее время он произносит слова другого толка – «Нельзя брать на себя жандармские функции». Одно из последних заявлений: «В случае кризиса нужно оказывать помощь руководству, которое на тот момент будет де-факто, а не де-юре». Это очень интересно, особенно – в сопоставлении с действиями НАТО в отношении Бенгази. Раньше ОДКБ говорила, что будет помогать только легитимным властям и по письменной просьбе. Появился вопрос: как ОДКБ будет организовывать принятие решений в случае новых беспорядков при такой эволюции системы взглядов?

Политические регуляции о применении миротворческих сил не исключают возможность их применения за пределами государств ОДКБ. В частности, речь идёт о потенциальной операции ООН в Сирии. Россия ведь в последнее время начинает относиться всё терпимее к идее о том, что, если разгорится гражданская война, возможны какие-то миротворческие действия со стороны ООН. Соответственно, в ближайшие 2-3 года ни разу не использованные внутри ОДКБ компоненты возможно будут предложены ООН в качестве нашего вклада в стабилизацию в каком-либо другом регионе.

Афганистан. Талибан однозначно даёт понять, что при выводе сил он не пойдёт на заключение договоров о прекращении огня по отдельным провинциям – это будет либо всё, либо ничего. Возможна договорённость по стране в целом, создание объединённой комиссии по мониторингу, в которую войдут и представители Талибана, и представители ISAF, и представители афганского правительства. Возникает вопрос: надо ли России и странам Центральной Азии входить в те комиссии по восстановлению (provincial reconstruction teams), которые создаются в связи с выводом военной коалиции. Надо ли пытаться войти в экономическое будущее Афганистана с тем, чтобы уже сейчас потихоньку «втереться» в эти команды, которые обещают серьёзные перспективы по экономическому закреплению стран-участниц в определённых регионах и провинциях?

Представляется, что

*необходим координационный совет региональных организаций, в котором генсек ОДКБ и генсек НАТО (плюс, возможно, генсеки ОБСЕ и ООН) могли бы в регулярном и чрезвычайном режимах обсуждать вопросы координации действий. На сегодняшний день их взаимодействие – символическое.*

Я бы отметил

*необходимость начать работу над тем, чтобы в 2014-ом году появился мандат Совета безопасности ООН группе стран ОДКБ на стабилизацию по границам Афганистана и стран Центральной Азии. Антитеррористическая, антинаркотическая деятельность всё равно ведётся, а страны Запада любят оформлять её в качестве подмандатных действий, которые «поручены» со стороны мирового сообщества. Вывод коалиции означает перемену тех правил игры, согласно которым мировое сообщество присутствует в Афганистане, - а значит, нельзя упустить этот политический момент. Россия и Центральная Азия должны участвовать в выработке текста нового мандата по Афганистану.*

**Аркадий Юрьевич Дубнов:** Когда мы обсуждаем такие щепетильные моменты, как возвращение Узбекистана в ОДКБ, нам должно учитывать одну формальность, которую мы не привыкли уважать: Узбекистан не был членом ОДКБ. В 2006-ом году Ислам Каримов и Владимир Путин в Сочи после трёхчасовой беседы вышли и сказали: «Узбекистан вернулся в ОДКБ». Но для возвращения Узбекистану надо было подписать несколько десятков соглашений, чего не было сделано. Формально Узбекистан не является членом ОДКБ. Я считаю излишней чрезмерную политизацию этого факта.

Может быть, я что-то пропустил, но мне кажется, что Узбекистан только объявил о возможности присоединения к договору о свободной торговле, а не присоединился к нему.

Я только хотел сказать, что иногда мы оперируем понятиями, не придавая значения чёткой юридической базе. Вряд ли стоит удивляться, что НАТО не хочет с должным уважением относиться к ОДКБ – где к формальностям относятся весьма фривольно.

**Рафик Шамуруллаевич Сайфулин<sup>41</sup>:** Не буду скрывать, что я аффилирован с правительством Узбекистана, и там прекрасно знают, где я сейчас нахожусь и чем занимаюсь. Я бы хотел заострить ваше внимание на некоторых аспектах, которые почему-то уходят в сторону. Вот, у нас в программе заявлено обсуждение «Роль России». Вы понимаете, что у нас, в Ташкенте, Россия стоит на первом месте – неважно, где появляется

---

<sup>41</sup> Политолог, бывший советник Президента Узбекистана

проблема – в министерстве обороны, в совете безопасности, в МИДе и т.д. Все остальные домыслы вызывают у нас, по меньшей мере, удивление.

«Роль ОДКБ». Если кто-то читал мою статью в журнале «Россия в глобальной политике», – там всё изложено. У меня один вопрос: как вы думаете, сколько бронетранспортёров США и НАТО дислоцировано в Афганистане? Я уверен, никто из вас точную цифру не назовёт. Сколько у них машин пехоты? Джипов? Любая дискуссия должна иметь под собой практическую значимость.

Я знаю, сколько этого ржавого железа американцы хотят сбросить в Центральной Азии. Причём здесь ОДКБ? Тем же киргизам помешают два-три танка? Один продадут, другой оставят, и будет дисбаланс на киргизско-узбекской границе. Вот ведь о чём нужно говорить. Энергетические проекты: туркмены начинают продавать свой газ через Узбекистан в Китай, узбеки подключаются к этой трубе... зачем здесь ОДКБ? Есть нормальные договоры между субъектами международных экономических отношений. Всё. Зачем искусственно прикручивать какие-то организации?

**Владимир Георгиевич Барановский:** Вы правы, это требует серьёзного разговора. Но эти проблемы не беспредметны. Вы лучше меня знаете, что это реальность международной жизни. Иногда эта реальность не имеет слишком большого содержания, иногда – имеет. Вы знаете о дискуссиях, которые ведутся, например, в НАТО по поводу того, нужна эта структура или нет. О любой структуре можно сказать, что есть ведь двусторонние соглашения, и зачем что-то ещё?

**Рафик Шамуруллаевич Сайфулин:** Я не знаю, о чём ведутся разговоры в штаб-квартире НАТО, но я знаю, по поводу чего ведутся переговоры между киргизами и американцами, таджиками и американцами, узбеками и американцами. Это даёт мне возможность рассуждать.

**Изабель Факон<sup>42</sup>:** Я не буду говорить о политике России в регионе. Я расскажу о восприятии российской политики на центральноазиатском направлении в Европе.

Почти в каждом государстве Европы наблюдается дефицит исследований Центральной Азии. У Европы есть интересы в регионе – они связаны с европейским присутствием в Афганистане, с энергетикой и наркотрафиком. Но Центральная Азия остаётся на периферии стратегических интересов Европы. И одна из причин заключается в том, что ни одна из стран Европы не проводила серьёзных исследований региона – все они фрагментарны и не привязаны к отдельным государствам. У нас есть высококвалифицированные специалисты, но их мало. Например, у Франции имеются реальные экономические интересы в регионе, существовало военное присутствие в Афганистане и Таджикистане. При этом в ключевых органах госвласти Центральной Азией занимались один-два человека. Такая же ситуация наблюдается в учреждениях науки.

К тому же национальная экспертиза в ЕС формируется различными интересами стран-членов. Поэтому нам очень трудно достичь успеха в совместной деятельности и выработать более эффективную стратегию в отношении региона. И это касается не только Центральной Азии – то же самое происходит со всеми регионами, находящимися на периферии стратегических интересов ЕС.

---

<sup>42</sup> Старший научный сотрудник Фонда стратегических исследований (Франция)

Европейские эксперты склонны переоценивать системность подхода России к региону Центральной Азии. На мой взгляд, российская политика реактивна. Во-вторых, европейцы не осознают комплексность российских интересов в Центральной Азии. Конечно, речь идёт об интересе стратегическом, но этот термин не даёт исчерпывающей характеристики. Кроме того, данные исследования не затрагивают проблемы восприятия (позитивного/негативного) российской политики странами региона.

Из-за недостаточного изучения проблем региона ЕС формирует своё представление о российской политике в Центральной Азии на основе своих приоритетных устремлений (которые, как уже говорилось выше, не связаны с Центральной Азией). Например, проект Евразийского союза беспокоит страны Евросоюза с точки зрения вопросов будущего Украины, соседства с Россией – без внимания остаётся то, что касается Центральной Азии.

В Европе не наблюдается никакого интереса к ОДКБ – ни на уровне научных исследований, ни на уровне работ журналистов, ни на уровне руководства (по крайней мере, в дипломатических кругах). Безусловно, на то есть политические причины – намеренное неустановление сотрудничества и формальных связей с ОДКБ со стороны НАТО и ЕС. Но по моему мнению, это в большей степени связано с тем, что наше внимание приковано к усилению Китая. В таком контексте ЕС уделяет гораздо большее внимание ШОС, несмотря на то, что ОДКБ во многих аспектах является более дееспособной организацией.

Возможно, такой подход вредит Евросоюзу – мы уклоняемся от изучения проблем, которые могут быть важны в контексте Афганистана после 2014-го года и потенциальных политических кризисов в странах Центральной Азии (грядущая смена руководств). Я не уверена, что ЕС сможет найти достаточные ресурсы, чтобы обратить более пристальное внимание на регион. Но, так или иначе, все единогласно выступают за развитие сотрудничества между странами Евразии по вопросам безопасности, энергетики, миграции и проч.

Полагаю, некоторый вклад в привлечение Европы к проблемам Центральной Азии могут внести Россия и страны региона, выпуская больше трудов на английском языке. Это помогло бы Европе составить правильное впечатление и о российской политике в Центральной Азии.

**Кайрат Медербекевич Осмоналиев<sup>43</sup>:** Я бы заострил внимание на водно-энергетической проблеме. Мы надеемся на поддержку России в качестве арбитра в решении данного вопроса. Вода – это товар. Уже сейчас есть рынок воды (Иордания, Израиль, Сингапур закупают воду в промышленных масштабах).

Что касается военно-технического сотрудничества Кыргызстана и России, я далёк от мысли, что то оборудование, которое мы можем получить после вывода войск коалиции из Афганистана, будет продано. Если ситуация может накалиться, к этому необходимо готовиться, действуя в рамках международного права. Личный визит президента России в Киргизию и оказание поддержки (списание долга, заключение договоров на долгосрочное военно-техническое сотрудничество) говорит о том, что Россия и в будущем рассматривает эту сферу как одно из направлений своей внешней политики. Безусловно,

*нам предоставляется предпочтительной реализация некоей компенсационной модели экономических отношений, при которой затраты на использование воды стран верховья (Киргизия, Таджикистан) должны быть компенсированы поставками нефти, газа. Мы могли бы поставлять электричество в рамках этих бартерных отношений на взаимовыгодных условиях.*

---

<sup>43</sup> Проректор Дипломатической академии Кыргызской Республики



Сейчас Киргизия и Таджикистан вынуждены продавать электричество за бесценок. В связи с этим у нас уже есть договорённости (в частности с Китаем) о поставках электричества. Для нас это жизненно необходимо. Сложившаяся система наносит ущерб нашим экономическим отношениям.

Интеграция является единственно правильным решением. Мы готовы участвовать в этих проектах с учётом своих национальных интересов.

**Константин Львович Сыроежкин<sup>44</sup>:** Меня радует, что

*на экспертном уровне есть понимание проблем Центральной Азии; есть понимание того, что они носят трёхуровневый характер; есть понимание того, что главные проблемы сосредоточены внутри стран и меж странами региона. Внешний фактор вторичен. У меня есть сомнения по поводу того, существует ли такое понимание на политическом уровне.*

С механизмами обеспечения безопасности и реагирования на проблемы региона сложнее. За 20 лет появилось много институтов, но их эффективность под вопросом. СНГ, ШОС... эффективность этих организаций на нуле.

Самая эффективная организация – это ОДКБ. Не потому, что она очень хороша, а потому, что альтернативы нет. Но внутри этой организации хотя бы сформированы механизмы, которые могут быть задействованы в случае возникновения тех или иных «пикантных» ситуаций. К сожалению, ОДКБ в основном ориентирована вовне. Она принимает к сведению угрозы внутреннего характера, но не хочет их решать. Нет механизма их решения.

*ОДКБ рассматривается как инструмент наращивания влияния России в регионе. Есть и соответствующая реакция на это у элит, у экспертов. Отсюда проблема практического применения потенциала ОДКБ. Россия постепенно вытесняется не только с позиций основного торгового партнёра и инвестора, но и с позиции security manager. Поскольку миротворческие силы ОДКБ и КСОР – это, в основном, российские подразделения, возникают опасения, что эти войска могут рассматриваться в качестве оккупационных.*

Существуют объективные противоречия между глобальными игроками в Центральной Азии. Эти противоречия неразрешимы, консенсус здесь найти невозможно: у каждого игрока свои личные интересы, завязанные на бизнес. Данные противоречия порождают искушение для лидеров центральноазиатских государств поиграть на них. Отсюда – разброд и шатание, которые мы наблюдаем в регионе. «Сегодня мы с этими, завтра – с другими»... кто больше заплатит.

На сегодняшний день не сформировано евразийское пространство безопасности. Идеологическая база отсутствует.

С невоенными инструментами ещё хуже, чем с военными. Российское языковое и культурное пространство в Центральной Азии сужается, как шагреновая кожа. Если учесть фактор поколений, через 15-20 лет о российском влиянии в регионе можно будет вообще забыть. И Россия ничего не делает в этом направлении.

Идея евразийской экономической интеграции хороша. Проблема заключается в том, что этот проект держится исключительно на политической воле Путина, Назарбаева и Лукашенко.

---

<sup>44</sup> Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Дай Бог им здоровья... но идеологического, политического и даже экономического обоснования этого проекта нет.

**Пан Давей:** Много говорят о важной роли Китая в регионе. Но

*мы психологически не готовы к такой роли. Да, мы достигли большой экономической мощи, но, как вы знаете, этот сдвиг произошёл в очень короткий срок. Основа не очень прочная. Для дальнейшего развития нам необходимо упрочить фундамент. У нас много внутренних проблем. И мы должны вести себя ответственно. Мы не заинтересованы в том, чтобы стать глобальным игроком – на данном этапе нас устраивает статус региональной державы.*

Я был очень удивлён вопросами о противоречиях в российско-китайских отношениях. И России, и Китаю сейчас необходимо обратить внимание на внутренние проблемы. Для решения внутренних проблем необходим мирный и спокойный период в сфере внешней политики. Что касается слухов о том, что в Китае вопрос о границах с Россией считают нерешённым, – это только слухи.

У каждого есть свои интересы. Но Китай разрабатывает свою политику в отношении Центральной Азии, подходу с уважением к исторически сложившимся реалиям.

Активно обсуждается смена власти в Китае.

*Считается, что новое поколение политиков, получивших образование на Западе, будет придерживаться прозападных взглядов. Но так говорят люди, не понимающие особенностей Китая. Преемственность нашей политики имеет гарантии. Механизм передачи власти в Китае сформирован. Изменений не будет.*

### **Пятое рабочее заседание.**

#### **«Сценарии для Центральной Азии».**

Для обсуждения участникам конференции были предложены несколько сценариев развития ситуации в регионе:

В контексте тех направлений, которые примут политические процессы в Афганистане, предлагаются следующие возможные сценарии развития ситуации в Центральной Азии.

#### **Сценарий 1: пессимистический.**

Он предполагает обострение внутригражданского и внутриэтнического противостояния в Афганистане по мере вывода оттуда основных контингентов США и Международных сил содействия безопасности – вплоть до вспышки в Афганистане широкомасштабной вооружённой борьбы. Ее нежелательным итогом (или, напротив - предпосылкой) может стать приход к власти непримиримых талибов и воссоздание ими ситуации, схожей с периодом 1996-2001 гг., когда Афганистан стал прибежищем для «Аль-Каиды» и действовавших под ее эгидой сил международного терроризма, угрожавшего и Центральной Азии, и России, и миру.

Подобный сценарий станет серьезным вызовом для центральноазиатских государств. Наиболее вероятные риски в связи с этим заключены в следующем:

- распространение боевых действий гражданской войны на территорию приграничных с Афганистаном государств – Таджикистана и Узбекистана;
- внутривластная дестабилизация, которая может спровоцировать межэтнические конфликты в Центральной Азии;
- социальная напряженность, которую усугубит массовый приток беженцев с территории Афганистана;
- ухудшение в условиях жаркого центральноазиатского климата и нехватки воды санитарно-эпидемиологической обстановки;
- активизация исламистского подполья в Центральной Азии (особенно в Ферганской долине) и объединение его «спящих ячеек» с базирующимися в Афганистане «братьями по оружию» (боевиками Исламского движения Узбекистан, группировками аль-каидовского типа) для ведения совместных вооруженных антиправительственных действий, подрывающих светскую основу государств региона.

### **Сценарий 2: умеренно-пессимистический.**

В соответствии с ним после вывода в 2014 г. войск западной коалиции из Афганистана и вероятного ухода президента Х. Карзая со своего поста непродолжительный период ужесточения борьбы за власть между различными политическими силами внутри Афганистана завершится приходом к власти «умеренных талибов».

В *краткосрочной перспективе* для Центральной Азии это не будет иметь таких же драматических последствий, как в случае реализации пессимистического сценария:

- талибы не предпримут прорыва в Центральную Азию с целью захвата ее территорий или установления в этом регионе халифата;
- узбеки и таджики Афганистана, будучи заинтересованными в укреплении собственных позиций прежде всего внутри страны, не станут искать поддержку своим действиям в Центральной Азии – среди родственных им народов.

Однако же *в долгосрочной перспективе* умеренно-оптимистический сценарий может трансформироваться – вследствие конкурентной борьбы внутри Афганистана или же в случае обострения афгано-пакистанских отношений – в пессимистический, и тогда угрозы безопасности центральноазиатских государств приобретут реальные очертания.

### **Сценарий 3: оптимистический.**

Его основным содержанием станет реализация в Афганистане программы национального примирения и реинтеграции, создания на этой основе коалиционного правительства, которое будет представлять интересы всех главных политических сил и народов Афганистана – как пуштунов, так и непуштунов (таджиков, узбеков, хазарейцев и пр.). Важное значение будет иметь также нейтрализация или даже ликвидация исламистских группировок, связанных с «непримиримыми» талибами или «Аль-Каидой», что лишит существенной поддержки религиозно-экстремистские силы, действующие в Афганистане и Пакистане, а также в самих центральноазиатских государствах.

Подобный сценарий повлечет для Центральной Азии следующие последствия:

- укрепление политических систем в виду отсутствия угрозы дестабилизации извне;
- сохранение светского вектора развития, а также исторически сложившейся традиции секулярности политической власти и политических режимов;
- возможность развивать с Афганистаном к обоюдной выгоде энергетические и транспортные проекты.

### **Сценарии альтернативные.**

А) Развитие центральноазиатских государств и Афганистана на базе Евразийского союза – проекта, предусматривающего создание конфедеративного союза суверенных государств с единым политическим, экономическим, военным и таможенным пространством на базе существующего союза России, Казахстана и Белоруссии и соответствующих интеграционных структур (ЕврАзЭС, ЕЭП, Таможенный союз, ОДКБ).

Б) Реализация американских мега-проектов «Большая Центральная Азия», «Новый Шелковый путь», предусматривающих более тесную экономико-политическую интеграцию Центральной и Южной Азии вместе с ориентированием государств этих регионов на воспроизведение западной политической модели.

В) Усиление в Центральной Азии экономического и политического влияния «растущих держав» – Китая, Индии, Турции, при том, что центральноазиатские государства постараются развивать отношения с этими азиатскими державами в первую очередь на экономической основе, сохраняя в рамках своей многовекторной политики тесные контакты с Россией, ЕС и США.

## SCENARIOS FOR CENTRAL ASIA

Depending on the direction of political processes in Afghanistan, the following scenarios are suggested for the development of situation in Central Asia.

### **Scenario 1: pessimistic**

It foresees aggravation of inter-civilian and interethnic confrontation in Afghanistan along with the process of withdrawal of the core US and ISAF contingents – up to the outburst of a wide-scale armed conflict in the country. Its undesirable result – or otherwise, prerequisite – may be coming to power of unappeasable Talibs and reconstruction by them of the situation alike 1996-2001, when Afghanistan became a home for Al-Qaida and international terrorist forces under its aegis, which threatened Central Asia, Russia and the whole world.

Such a scenario can put a serious challenge to Central Asian states. The most likely risks will concern:

- the spill-over of the civil warfare in Afghanistan to the territory of the border states – Tajikistan and Uzbekistan;
- domestic political destabilization, which may provoke ethnic conflicts in Central Asia;
- social tensions, aggravated by the mass refugees' flow from Afghanistan;
- worsening of the sanitary-epidemic conditions in hot Central Asian climate and water deficit;
- activization of the Islam underground in Central Asia (in particular in the Fergana valley) and consolidation of its 'sleeping cells' with the 'brothers-in-war' (the militants of the Islamic Movement of Uzbekistan (IMU), Al-Qaida – type groups) for joint armed anti-governmental actions, undermining the secular basis of the states of the region.

### **Scenario 2: moderately-pessimistic.**

It presupposes, that after ISAF withdrawal from Afghanistan and likely President H. Karzay's retreat will follow a tough struggle for power between various Afghan political forces. But this period will not be long and will end with the 'moderate Talibs' coming to power.

In *the short perspective* this scenario will not have dramatic consequences for Central Asia, as in case of pessimistic scenario:

- Talibs will not attempt to break to Central Asia to seize its territories and establish a Khalifat in the region;
- Afghan Uzbeks and Tajiks, aiming to strengthen their positions first and foremost inside the country, will hardly look for support in relative Central Asian countries.

In *the longer perspective*, anyway, the moderate-optimistic scenario may transform into pessimistic, due to either domestic struggle in Afghanistan or in case of worsening of Afghan-Pakistani relations. Then the threats to the security of Central Asia state are likely to become real.

### **Scenario 3: optimistic**

Its main substance would be the implementation of the national appeasement and reintegration program in Afghanistan and forming on this basis of the coalition government. This government should represent the interests of the main political forces and people of Afghanistan – как пуштунов, так и непуштунов (таджиков, узбеков, хазарейцев и пр.). Of great importance will be neutralization or even liquidation of Islamic groups, tied to unappeasable Talibs or Al-Qaida. This will significantly weaken the

support to the religious extremist forces on the territories of Afghanistan and Pakistan, as well as in Central Asia states themselves.

This scenario will cause the following consequences for Central Asia:

- strengthening of the political systems in the absence of the outer destabilization threat;
- preservation of the vector of secular development, as well as of historic based tradition of secular political power and political regimes;
- options to develop mutually profitable energy and transportation projects with Afghanistan.

### **Alternative scenarios**

A) Development of Central Asia states and Afghanistan on the basis of EuroAsian Union. This project foresees the formation of con-federation union of sovereign states with the common political, economic, military and customs space on the basis of the existing union of Russia, Kazakhstan and Belarus and appropriate integration structures (EurAzES, Common Economic Space, Customs Union, CSTO).

B) Implementation of the American mega-projects – ‘Greater Central Asia’, ‘New Silk road’, which presuppose more tight economic and political integration of Central and Southern Asia together with the orientation of these regions states towards western political model.

C) Strengthening in Central Asia of the economic and political influence of the ‘growing power’ – China, India, Turkey. Along this vector, Central Asia states will develop their relations with the named Asian powers first and foremost in the economic sphere, meanwhile preserving their close contacts with Russia, EU and the United States within the present format of their multi-vector politics.

**Александр Алексеевич Князев** – Меня заинтересовала формулировка в сценарии: «Талибы не предпримут попытки прорыва в Центральную Азию с целью захвата её территорий или установления в регионе халифата». Тема военного вторжения талибов на территорию Центральной Азии вообще никогда не стояла. Мы всё время говорим о талибах как о религиозном движении, но мы забываем, что это этническое движение. Это пуштунское националистическое движение, которое не будет иметь поддержки на территории стран Центральной Азии.

***Военное вторжение талибов на территорию постсоветской Центральной Азии по определению исключено. Этот вопрос просто не должен стоять. Опасность – в возможности базирования на территории Афганистана таджикских, узбекских и иных группировок в силу отсутствия государства как института.***

Все военные успехи Талибана 90-ых годов – это прямое участие пакистанских вооружённых сил, которые десантировались, закрепляли определённые территории и возвращались в Пакистан. Сами по себе талибы не являлись и не являются серьёзной военной силой.

**Дина Борисовна Малышева:** Вы сами себе противоречите. С талибами сотрудничают группировки, базирующиеся на территории Афганистана. И какая разница, под чьим флагом – возможно – будет осуществлено это вторжение? Идея в этом. Это экстремальный вариант, но он может иметь место.

**Бариналай Сабир Барина:** Я не согласен, что талибы – это только пуштунское движение. Среди них есть таджики, узбеки, туркмены, азербайджанцы, чеченцы, казахи. Я –

пуштун, но я боролся против них. Это не этническое движение, а идеологическое. У них нет организованной военной базы – это партизанские формирования.

**Саодат Кузиевна Олимова<sup>45</sup>:** Что именно угрожает Центральной Азии после 2014-го года? Какие вообще могут быть угрозы для Центральной Азии? Что может блокировать негативные тенденции?

Мой взгляд – взгляд из Таджикистана. Я считаю, что для Центральной Азии после 2014-го года больших проблем не будет. Что может угрожать региону? Фрагментация и ослабление власти, потеря управляемости в Афганистане – льготные условия для организованной преступности, наркобизнеса и проч. Страны-соседи, безусловно, находятся в уязвимом положении. Они будут вынуждены наращивать пограничный контроль.

Вторая проблема – это тот факт, что, например, для Таджикистана, Афганистан представляет собой единственный выход куда-либо (географически).

Если гипотетически представить себе фактический распад Афганистана на самоуправляемые территории, есть вероятность, что они захотят объединиться с теми территориями, с которыми прежде они составляли единые государства (регионы Таджикистана, Пакистана).

**Рафик Шамуруллаевич Сайфулин:** Здесь есть ссылка: «Ситуация, схожая с периодом 1996-2001-го годов». Но талибы того периода и талибы сегодняшние – это совершенно разные понятия.

«Распространение гражданской войны на территории, пограничные с Афганистаном...» - в это я не верю. Талибы не полезут в Центральную Азию – они не найдут там поддержки.

«Социальная напряжённость, которую усугубит массовый приток беженцев» - куда побегут эти беженцы? В Узбекистан точно не побегут – там функционирует программа по ограничению потока афганских беженцев. В Таджикистан, конечно, хлынут – там граница «дырявая». В Туркмению – там вообще нет границ.

Проблемы все те же – они могут только несколько обостриться. Возьмём Гульбеддина Хекматияра: он сейчас даёт понять о своей готовности к компромиссу. Карзай уйдёт – он не нужен больше, он выполнил свою роль. Он слабый руководитель, он не может управлять государством. США и НАТО хвалятся, что подготовили местные силы безопасности, но никто не упоминает о том, что дезертирство в этой хвалёной структуре составляет 12% ежегодно. Дезертируют вооружённые люди, а куда они примыкают – не понятно. 35-36 тысяч боевиков воюют в Афганистане. Но то, что эта угроза перекинется на Центральную Азию, – маловероятно. На границе Узбекистана с Афганистаном (162 км) – там мышь не проползёт. Наркотики и прочие угрозы идут туда из Таджикистана и Туркменистана. Там одну границу заминировали – и слава Богу! Защищаться необходимо, но «дырки» всё равно есть. И контингент ОДКБ вопрос решить не сможет.

Хекматияр и прочие полевые командиры дают понять, что готовы к компромиссу. Для Афганистана компромисс хорош, но

*под крылом талибов «греются» организации типа Исламского движения Узбекистана и др. Они и будут представлять основную угрозу. Об этом нужно думать.*

В этом смысле я не вижу разницы между «пессимистичным» и «умеренно пессимистичным» сценариями. Возможно, некоторые вопросы следует конкретизировать.

---

<sup>45</sup> Руководитель научно-исследовательского центра «ШАРК» (Таджикистан)

«Влияние вывода войск из Афганистана: будет инерция к сближению стран или усилятся противоречия между ними?» Я считаю, всё останется так, как было.

**Дина Борисовна Малышева:** Вы сказали, что для Узбекистана угроз в связи с возможной дестабилизацией в Афганистане не существует. Это означает, что узбекские вооружённые силы, погранотряды достаточно сильны, чтобы отразить эту угрозу – в отличие от Таджикистана? Будет ли Узбекистан опираться только на собственные силы?

**Рафик Шамуруллаевич Сайфулин:** Однозначно, да. Для Узбекистана Талибан – не угроза. [*Далее аргументы в формате Chatham house rules – ред.*] Сейчас талибы – это совершенно другая субстанция. Их надо градировать. Американцы уже начали «прощупывать» этот вопрос, но они действуют чисто по-американски – они не знают Афганистан. Когда они пришли в 2001-ом году, мы их консультировали, рассказывали об ошибках советской кампании. Они всё это выслушали и сделали в десять раз больше ошибок. Теперь они спрашивают: «Как вы уходили из Афганистана?» Мы рассказываем... но не факт, что прошлые ошибки не повторятся.

Оборона границ Узбекистана налажена.

**Константин Львович Сыроежкин:** С моей точки зрения, главная угроза в том, что на территории Афганистана существуют бандформирования родом из Центральной Азии. При передислокации американцев на север их просто вытеснят в Центральную Азию, домой. Пусть их немного, но они представляют серьёзную угрозу для всех режимов.

Наркотрафик – это вторая серьёзная угроза. Неважно, сколько наркотиков проходит через нас транзитом, важно – сколько оседает. Наркозависимость региона растёт колоссальными темпами. С уходом американцев вряд ли что-то изменится. Эта проблема связана не только с преступностью, но и с политическими силами и силовиками в регионе. всё это происходит при их участии.

Третья проблема связана с тем, что, если в Афганистане начнётся дестабилизация, нам будет немножко неудобно – неприятности будут. Надо будет усиливать контроль на границах, что отвлекает ресурсы от других вопросов.

Что касается сценариев: нужно объединить «умеренно пессимистический» и «пессимистический» сценарии.

«Приход к власти непримиримых талибов» - но с непримиримыми талибами никто не будет вести переговоры. Есть идеологические талибы, которые приемлют только джихад. Но есть и другие – с ними можно разговаривать – они готовы войти во власть и разделить эту власть со светским режимом. Именно они и придут к власти.

*Талибы несомненно будут у власти. Если ситуация будет усугублена гражданской войной и межэтническими конфликтами, то к власти, конечно, придут другие, более радикальные люди. Тогда будет реализовываться первый сценарий.*

Но «распространение боевых действий на пограничные регионы...» - я исключаю этот сценарий полностью.

Поток беженцев возможен, но только в Таджикистан.

«Политическая дестабилизация, которая может спровоцировать межэтнические конфликты в Центральной Азии» - да, возможно. И даже вероятно.

«Проблема воды» – существует и вне контекста Афганистана.

«Активизация исламского подполья» – с этого я начал, это более чем вероятно.

Эти два сценария я бы объединил, начав с «умеренно пессимистического» - с плавным переходом в «пессимистический». Оптимистического сценария для Афганистана я не вижу.

**Ирина Яковлевна Кобринская:** Специалисты, которые занимаются наркотрафиком, считают, что ухудшения не произойдёт, – оно уже произошло. А реальная угроза (для России) – это усиление исламского радикализма. Как вы это прокомментируете?

**Константин Львович Сыроежкин:** Вполне вероятно. Те товарищи, которые сейчас базируются в Афганистане, просто «вольются» в Центральную Азию, «наложатся» на имеющиеся в регионе проблемы. А в регионе и так идёт усиление политического ислама, нетрадиционного для Центральной Азии. Самое спокойное государство Центральной Азии – Казахстан: в этом году 24 теракта. Это борьба за власть. Социально-экономические причины терактов я исключаю.

[??] – С весны 2010-го года среди группировок, действующих под «кураторством» талибов, появилась очень интересная тенденция: они стали формироваться по этническому признаку. Причина тому – вопросы управления: не все знают языки. Но есть и другое объяснение: для последующего использования на исторической родине. Это не стихийный, а спланированный процесс.

**Ирина Яковлевна Кобринская:** Можно ли говорить об этнизации радикального ислама?

- Да.

- Кем управляется этот процесс?

- Есть просто межплеменная рознь. На самом деле, о каждой группировке надо говорить отдельно.

- То есть мы не можем говорить о каком-то заговоре?

- Нет, я далёк от конспирологии.

- Эта тенденция проявляется из-за ослабления Аль-Каиды? Нет сильного центра?

- Они просто очень разные. С кем-то можно находить компромиссы, а кто-то ставит своей задачей войну (не приход к власти). Есть джихадисты, есть «талибы по найму».

**Николас де Педро<sup>46</sup>:** Нам нужно несколько расширить дискуссию, чтобы получить более чёткий перспективный анализ ситуации в Центральной Азии. Три примера:

1. Наркотрафик – чтобы понять, что это серьёзная угроза, не нужно долгих рассуждений. Нам нужно думать над тем, какие меры принимаются странами Центральной Азии для противоборства данной угрозе. Эффективны они или нет? В мире активно обсуждается вопрос целесообразности запрета на наркотики. Запрет наркотиков обернулся полным провалом в борьбе с их распространением в Мексике, Колумбии и некоторых других странах. Это очень противоречивый предмет, но он касается и Центральной Азии. Тех, кто

---

<sup>46</sup> Эксперт Барселонского Центра международных исследований (CIDOB, Барселона, Испания)



поднимает данный вопрос, часто обвиняют в защите наркомании. Но нужно разделять проблему наркомафии и проблему потребления наркотиков. Наркомафия сильна, поскольку наркотики являются очень дорогостоящим товаром. А стоят так дорого наркотики потому, что они нелегалы. Получается, что запрет на наркотики выгоден криминальным элементам, даёт им деньги и власть. Я сейчас не говорю о проблеме потребления наркотиков. Но, по моему мнению, в Центральной Азии необходимо срочно вводить послабления для наркобизнеса.

2. Исламисты – мы фокусируем внимание на радикальных салафитах. Конечно, радикальные исламисты – это угроза. Но нам необходимо понять, являются ли эти группировки стратегической угрозой для Центральной Азии. Для этого классифицируем ислам в Центральной Азии на три категории:

- официальный ислам. В Западной Европе и США многие считают, что центральноазиатские режимы являются антиисламскими. Но это не так: они поддерживают консервативный ислам.
- Народный ислам – очень эклектичная категория.
- Радикальный ислам.

*Стратегические изменения могут происходить в связи с взаимодействием трёх этих уровней. И наиболее значимый элемент – степень влияния радикалов на «народный» ислам. Этот процесс формируется приблизительно с конца 80-ых годов. И до сих пор не ясно, какова будет роль политического ислама в регионе. Определённо, если мы будем бороться с салафитами исключительно полицейскими методами, нас ждёт поражение.*

3. Стабильность – мы обсуждаем, будет ли Центральная Азия стабильным регионом после 2014-го года. Нам нужно сначала определить значение этого слова. Если понимать под стабильностью «отсутствие изменений» и «спокойную ситуацию», - да, Центральная Азия будет стабильной. Но имея в виду «предсказуемые изменения», можно утверждать, что фундамент для стабильности в Центральной Азии призрачный.

На мой взгляд,

*основную угрозу представляет слабость институтов власти. Невозможно предугадать, что будет после ухода действующего руководства. Вторая проблема, также связанная с авторитарной природой центральноазиатских режимов, - узкое понимание вопросов безопасности. Национальная безопасность понимается как безопасность режима.*

Евгений Янович Сатановский<sup>47</sup>: Для Центральной Азии есть три ключевых вопроса:

- смена верховной власти в Узбекистане и Казахстане – произойдёт ли она спокойно или по сценарию а-ля «арабская весна»;
- ситуация в России – в 2030-ых (или даже раньше) мы начнём разваливаться как страна. Деградация внутри российской системы делает забавными разговоры о роли России в регионе;
- Китай.

---

<sup>47</sup> Президент Института Ближнего Востока

Здесь были перечислены факторы влияния, включая – удивительно! – Индию. Причём здесь Индия? Катар, Саудовская Аравия, Турция, Иран – это понятно. Если приближающаяся большая война в Заливе (Иран – Аравийские монархии) не скажется на тех странах, с которыми Иран тесно взаимодействует (Таджикистан), я буду сильно удивлён. А мы идём к такой большой региональной войне.

Светские режимы в Центральной Азии – это сильно раздражающий фактор в исламском мире, который сегодня выстраивается в Халифат двумя крупными конкурирующими политическими центрами (Катар, Саудовская Аравия). Разве не в Дохе ведутся переговоры между талибами и американцами? Случайно ли в Киргизии были открыты посольства Саудовской Аравии и Катара? Мы забыли, откуда были афганские арабы, и куда они потом пошли? Есть огромный регион, в котором перемещаются достаточно большие массы боевиков. Мы заиклены на Афганистане и больше никуда не смотрим. У нас Татарстан является территорией потенциального джихада.

Это не теория заговора... я был бы рад, если бы существовал всемирный заговор, - тогда можно было бы с кем-нибудь договориться. Но, к сожалению, есть только разные конкурирующие центры силы, где прописываются свои сценарии, и они работают достаточно активно. Писать сценарии для региона, не обращая на это внимание, нельзя.

Что касается легализации наркотиков как метода борьбы с ними – безусловно, лучшее средство от насморка – гильотина.

**Кайрат Медербекович Осмоналиев:** Есть определённая бравада со стороны Узбекистана и Казахстана в разговоре об их защищённости от угроз, исходящих из Афганистана. Статистика говорит об обратном. Количество терактов велико.

**Бахтияр Исмаилович Эргашев:** Единой позиции центральноазиатских стран не существует ни по одному вопросу. Все страны региона имеют различный потенциал и различные приоритеты. О каждой стране приходится говорить отдельно.

Сейчас, даже в случае реализации самого катастрофического сценария в Афганистане, есть больше механизмов (ОДКБ) и опыта для решения проблемы по сравнению с тем, что было во второй половине 90-ых годов, когда к власти пришли талибы.

Мне кажется, наиболее вероятный сценарий для Афганистана – это не сохранение нынешней власти и не талибизация режима, а некий синтез. Вряд ли нас ждут кардинальные перемены и катастрофа.

А если будет удар по Ирану, Афганистан покажется нам детской игрой.

Инфраструктурные проекты в Афганистане идут. А это единственный путь к реконструкции государства. Только катастрофический сценарий сможет нарушить этот процесс.

Экономические и военно-политические интеграционные институты «под» Россией (ОДКБ и проч.) малоэффективны. Они направлены на решение внутренних проблем, и в Афганистане они работать не могут. ШОС имеет больший потенциал – потому что там Китай и Россия объединены. Там можно решать очень серьёзные вопросы. Без американцев работа ШОС будет даже более эффективной. Китай в любом случае будет работать в Афганистане, но если удастся наладить инфраструктурные проекты в рамках ШОС, это станет отличной возможностью для дальнейшей работы. Я думаю, эти вопросы сейчас активно обсуждаются.

**Ирина Яковлевна Кобринская:** Считаете ли Вы, что в Афганистане есть определённая «усталость от войны», и это позволит реализовать данные проекты?

**Бахтияр Исмаилович Эргашев:** Если бы всё решали наши афганские друзья, они бы давно отказались от войны. Этот пожар подпитывается извне. Нет ни одного афганского полевого командира, политика, чиновника, который бы хотел, чтобы всё это продолжалось. Есть понимание того, что инфраструктурные проекты нужны, и никто в Афганистане против этого выступать не будет.

**Чжан Цзяньжун:** Возможен любой сценарий: для каждого из них есть свои основания. Решающий момент – это сам Афганистан, будущее правительство после 2014-го года. Карзай, скорее всего, уйдёт со своего поста. Для американцев важно найти подходящего кандидата, который бы соответствовал их интересам. Для дальнейшей стабилизации обстановки важно создать объединённое правительство, в которое бы входили и умеренные талибы.

В этом году между Китаем и Афганистаном был заключён договор о стратегическом партнёрстве.

**Акбаршо Искандарович Искандаров<sup>48</sup>:** Прежде всего, надо обратить внимание на то, кому американцы передадут бразды правления после 2014-го года. Я побывал в нескольких провинциях: мнение народа о Карзае неоднозначно. Он сделал многое для того, чтобы нормализовать обстановку, и у него есть определённые успехи в переговорном процессе с талибами. Не все против Карзая.

В разговоре с губернатором провинции Бадахшан я узнал, что сейчас более 60% этой территории занимают вооружённые силы (раньше там талибов не было). Американцы с ними не воюют. Эти группировки чувствуют себя вольготно, и никто не даст гарантий того, что они не станут совершать какие-либо вылазки или теракты. Для Таджикистана это серьёзная проблема. Границу – в силу природных условий – защитить практически невозможно. Без помощи России, ОДКБ, ШОС Таджикистану не обойтись.

Нужно учитывать позиции Ирана и Пакистана. Если не прекратится влияние извне, стабилизации обстановки не будет.

Я бы остановился на «умеренно оптимистическом» сценарии. Предпосылки для этого есть. Необходимо экономическое присутствие ШОС в Афганистане.

**Аркадий Юрьевич Дубнов:** Американцы ведут себя ответственно. Они озабочены тем, что будет после их ухода. Это в корне отличает текущую ситуацию от того, что было после вывода советских войск. Процесс не настолько пессимистический, как может показаться. Очевидно, что там будут некоторые взрывы нестабильности, но такова объективная реальность.

***Пример сотрудничества Узбекистана и Афганистана показывает, что на практике сотрудничество на двусторонней основе оказывается более эффективным.***

---

<sup>48</sup> Ведущий научный сотрудник, Центр стратегических исследований при Президенте Таджикистана

ШОС существует уже 10 лет. Назовите хотя бы один пример экономического сотрудничества в рамках ШОС – не просто в Афганистане, а вообще в регионе? Я боюсь, что

***стратегического сотрудничества на экономическом направлении в рамках ШОС просто нет. И не будет. Потому что Китай знает, чего он хочет в Афганистане. Он заключил с Афганистаном почти такой же договор, как США (о стратегическом сотрудничестве). Это двусторонний договор. У нас же ещё не прошёл афганский синдром – мы не готовы идти в Афганистан и тратить там ресурсы.***

«Развитие Центральной Азии на базе Евразийского Союза» - я хотел бы прокомментировать вчерашнюю дискуссию [П.В. Стегний – С.В. Уткин] о том, что американцы продвигают в регион ценности, для него не характерные, не имеющие шансов на имплементацию. Месяц назад в Казахстане прошёл Евро-Азиатский медиа-форум. Там говорилось о том, что хороший пример – построение ЕС. Почему бы и нам не построить Евразийский Союз, основываясь на подобных ценностях? Но

***такая интеграция не пойдёт, потому что людям от неё ничего не будет. У нас нет таких общих ценностей. Неслучайно на евразийском пространстве существует противодействие попыткам России навязать этот проект. Неслучайно Назарбаев перестал поддерживать реализацию собственной идеи: он увидел, что это геополитические амбиции Москвы. Ценностей, объединяющих это пространство, нет.***

Но к ним нужно двигаться. Их необходимо декларировать. Иначе получается, что мы живём в пространстве, каждый член которого выдаёт и продаёт друг другу своих граждан. Уважения к достоинству человеческой личности на этом пространстве нет. Какое же может быть объединение на базе экономического прагматизма?

**Николас де Педро:** Я считаю, что мы можем смотреть на Афганистан с некоторым оптимизмом. Гражданская война там уже идёт, и, возможно, после вывода войск коалиции, она усилится, но

***мир или, по крайней мере, соглашение о прекращении огня будет достигнуто. Основная угроза будет не на севере, а на юге – для Пакистана и Индии. Но я предполагаю пессимистический сценарий для Центральной Азии. Это связано с тем, о чём я уже говорил, и, в частности, с ухудшением социально-экономической ситуации.***

Я согласен, что ШОС имеет большой потенциал по сравнению с ОДКБ. Но сотрудничество между государствами региона Центральной Азии находится на очень слабом уровне (закрытые границы).

[??] – Почему сейчас в рамках ШОС нет проекта в отношении Афганистана? ШОС не хватает механизма финансирования.

**Музаффар Абдуваккосович Олимов:** Я склоняюсь к «умеренно оптимистическому» сценарию. Развитие транспортной инфраструктуры внушает оптимизм. Афганистан стал виновником дезинтеграции Центральной Азии. Поэтому интеграционные проекты не имеют успеха. Но двустороннее сотрудничество идёт.

Афганский рынок в вопросах гидроресурсов сейчас стал объектом конкуренции. Были бы возможности участия всех государств Центральной Азии равными, Афганистан мог бы даже способствовать развитию региона.

**Бариялай Сабир Бария:** Существует внешняя угроза панисламизма. Если бы все понимали сущность ислама, его бы не использовали в политических целях, разрушая свои страны.

**Саодат Кузиевна Олимова:** Я считаю самым реальным оптимистичный сценарий (вариант В). Роль ислама будет расти, но это общий контекст развития ислама в мире. Это не влияние Афганистана.

У нас будут серьёзные проблемы по воде. Это будет способствовать конкуренции и дезинтеграции региона, а, возможно, приведёт к вооружённым конфликтам.

**Бахтияр Исмаилович Эргашев:** Интеграционные импульсы внутри региона потухли ещё в середине 2000-ых годов. У нас проводился конкурс интеграционных инициатив, об этом много говорилось, но ничего не получилось. А в условиях увеличивающегося дефицита воды, земли, говорить об интеграции не приходится.

Второй вариант интеграции – под внешним «зонтиком». Это более реальный вариант.

В последние двадцать лет Россия старалась быть арбитром в спорах между странами региона. Сейчас, как мне кажется, она сложила с себя эти полномочия и всё чаще становится на сторону определённой группы стран Центральной Азии. К чему это приведёт – не знаю.

**Ирина Яковлевна Кобринская:** Мы пришли к выводу, что пессимистический сценарий нас не ждёт, но возможные – умеренные – варианты зависят от многих факторов, внешних и внутренних. Очевидно, что решающий фактор – это сами страны региона.

Вывод войск из Афганистана не окажет кардинального влияния на регион.

Важный вопрос – ценности региона, в том числе и религиозные. Проблема уровня образованности населения.

Оценка деятельности ШОС – скептическая. Выше оцениваются двусторонние связи. Искусственно насадить интеграционные проекты не получится.

## ТЕЗИСЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ УЧАСТНИКАМИ КОНФЕРЕНЦИИ

*Олимова С.К.*

*Олимов М.А.*

*Руководители научно-исследовательского центра “ШАРК” (Таджикистан)*

### **Проблема 2014 года: взгляд из Центральной Азии**

Принято считать, что Афганистан является главной угрозой безопасности Центральной Азии. Эксперты утверждают, что после вывода части войск НАТО в Кабул вновь вернутся талибы (сами или в результате переговоров), и при их поддержке ИДУ, ИДТ и их коллеги начнут борьбу с существующими режимами ЦА. Кроме того, предполагается, что рост наркотрафика и экспорт религиозного экстремизма приведет к распространению хаоса и насилия на территории стран региона ЦА. Соответственно, исходя из этой посылки, США, Россия, Европейский Союз и в меньшей степени Китай считают, что необходимо наращивать помощь странам ЦА в обеспечении безопасности.

Однако, давайте посмотрим, какова ситуация в Афганистане. Прежде всего, непосредственная опасность вторжения талибов странам ЦА уже не грозит, так как НАТО сохранит свое военное присутствие в Афганистане и после вывода войск, намеченного на 2014 год. Новая миссия НАТО в 2014 году, направленная на подготовку и консультирование афганских сил, предполагает использование военного контингента в количестве не менее 10-15 тысяч человек, а предстоящее афгано-американское соглашение по вопросам безопасности определит формат нахождения американских войск на территории Афганистана.

С другой стороны, Россия укрепила свои военные позиции в регионе, заключив соглашения с Бишкеком об Ошской базе и с Душанбе – о пролонгации пребывания 201 базы на 30 лет. Китай также заметно активизировался в военном плане. Так, на недавнем съезде КПК Ху Цзиньтао заявил о подготовке армии к локальным конфликтам, что говорит о том, что Китай планирует защищать свои инвестиции в Центральной Азии.

Если же говорить о способности афганских силовых структур взять на себя ответственность за обеспечение безопасности после частичного вывода иностранных войск, то их потенциал невысок. Сейчас общая численность афганских сил составляет 352 тысячи человек, что, по мнению Кабула, соответствует потребностям. (К концу 2014 года, по финансовым соображениям, предполагается сократить эти силы до 230 тысяч).

По экспертным оценкам только небольшая часть подразделений уже может проводить собственные операции при минимальной тыловой поддержке западных войск. Согласно докладу Министерства обороны США из 23 бригад, имеющих сегодня в составе вооруженных сил Афганистана (в армии Афганистана бригада насчитывает от 3 тыс. до 5 тыс. человек), лишь одна способна проводить операции самостоятельно. Остальные полагаются на руководство, авиapoддержку, обеспечение боеприпасами, связью и разведывательной информацией со стороны войск коалиции. Продолжается передача афганским структурам ответственности за поддержание безопасности на отдельных

территориях. В определенной степени растет эффективность работы афганских спецслужб. Продолжает действовать, хотя и с большими трудностями "Программа национального примирения", в рамках которой идет капитуляция отрядов боевиков. Программа успешно действует в Северном и Западном Афганистане, но практически не работает в Восточном Афганистане, где сильны позиции талибов.

Кроме низкого потенциала обеспечения безопасности существует ряд обстоятельств, также вызывающих беспокойство.

Во-первых, **проведение президентских выборов в Афганистане в 2014 году.** Здесь можно ждать трудностей, связанных и с возможным отказом отдельных групп афганской элиты от идеи выборов в пользу традиций Лоя Джирга, и с резким обострением напряженности в ходе предвыборной борьбы. Следует также иметь в виду крайне низкую эффективность государственного управления в Афганистане. Кроме «забюрократченности» и откровенной слабости государственной власти существует проблема недоверия нынешнему режиму Карзая. Правительство Афганистана не смогло создать баланс между различными группами афганского общества, и что по общему мнению афганцев, еще хуже – не справилось с задачей формулирования и отстаивания национальных интересов страны перед лицом иностранного военного присутствия. В любом случае можно прогнозировать, что в 2014 году борьба за власть в Афганистане обострится, и она будет идти между локальными элитными группировками различных направлений на фоне крайней слабости государства и дефицита управления на всех уровнях.

Недоверие правительству Карзая, фрагментация политических сил, их борьба за власть может способствовать тому, что после 2014 года Афганистан станет еще более удобным местом для мирового наркобизнеса, терроризма и организованной преступности.

Вторым ключевым моментом, определяющим будущее Афганистана, является **возобновление переговорного процесса и поиск места для оппозиционных сил, в частности, Талибана.** По-видимому, талибы будут продолжать доминировать только в Восточном Афганистане, тогда как на остальной территории страны в борьбу будут вовлечены группы самых разных конфигураций, включая талибов различной ориентации и этнического происхождения.

Главным вопросом станет этнополитическая композиция будущей власти, т.е. взаимоотношения пуштуязычных и таджикоязычных элит Афганистана, за которыми будут стоять внешние акторы. Следует помнить, что хотя в национальной армии и безопасности по-прежнему сильны позиции таджиков, в последние годы был нанесен тяжелый удар по костяку военной элиты Северного Афганистана, поэтому трудно говорить о возрождении Северного Альянса. Соответственно, странам Центральной Азии – Узбекистану и Таджикистану – будет значительно труднее, чем раньше создавать буферные территории на Севере Афганистана, хотя Ташкент активно работает в этом направлении.

Для обеспечения стабильного развития Афганистана необходима также взвешенная внешняя политика Запада. Если противостояние Ирана и Запада дойдет до открытого конфликта, то бомбардировки Ирана быстро вытеснят Афганистан с экранов телевизоров и из памяти в странах Запада, и о нем быстро забудут. Это чревато негативным сценарием развития Афганистана. Даже если это и не произойдет, страхи Ирана перед тем, что стратегическое партнерство Афганистана и США может быть использовано против Ирана, объективно играют на руку талибам.

Большое значение также имеют отношения США – Пакистан. Последний ведет собственную политику подпитки талибов из-за традиционного противостояния с Индией.

В случае развертывания негативного сценария страны ЦА опять возведут высокие барьеры на границах с Афганистаном. Здесь есть положительный момент: реальная опасность будет

стимулировать сотрудничество стран ЦА в сфере безопасности, как это уже было в 1997-2000 годах. С другой стороны, ситуация значительно изменилась.

В 2002 г. Афганистан и соседние страны подписали Кабульскую декларацию о добрососедских отношениях Афганистана и его соседей – Ирана, Китая, Пакистана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, что создало правовую основу для сотрудничества в области безопасности и уменьшило потенциальные угрозы безопасности, которые могли бы исходить с территории Афганистана при любом режиме в Кабуле.

Следует посмотреть, насколько ситуация в Афганистане может повлиять на страны Центральной Азии даже в случае плохого сценария с включением проталибских сил в руководство Афганистана.

Практика показывает, что за исключением Таджикистана, который глубоко связан с Афганистаном и который, безусловно, пострадает, если в Афганистане начнется новый виток борьбы за власть, все остальные страны ЦА не подвержены какому-то серьезному влиянию из этой страны.

Анализ террористических актов и деятельности экстремистских организаций в странах ЦА показывает, что угрозы безопасности, которые существуют в странах ЦА, имеют внутренний характер. Религиозный экстремизм в ЦА – это продукт постсоветского транзита и он опосредованно связан с религиозными радикалами в Афганистане. Что касается негативного влияния афганского наркобизнеса, то наркопотребление и наркотранзит в ЦА имеет внутренние причины: слабость государственной власти, отчуждение и отсутствие перспектив для молодежи. Улучшить ситуацию в странах ЦА с незаконным оборотом наркотических средств может укрепление государственных институтов, борьба с коррупцией и расширение достойной занятости молодежи, а не зачка средств в коррумпированные правоохранительные и силовые структуры. В рамках непосредственной борьбы растет роль регионального сотрудничества. Так, недавно принята новая Программа УНП ООН «Региональная программа поддержки усилий по борьбе с наркотиками в Афганистане и соседних странах на 2011-2014 годы», в которой участвуют антинаркотические структуры Афганистана, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Пакистана и Таджикистана.

Каковы трудности, которые ожидают страны ЦА в связи с афганским фактором-2014?

**1. Необходимость принятия дополнительных мер безопасности.** Для стран ЦА актуальными являются вопросы об укреплении границ и о мерах по подготовке к принятию афганских беженцев, тем более что они в Таджикистане уже появились. Неизбежное усиление охраны границ и ужесточение пограничного режима будет не только дополнительным финансовым бременем, но и больно ударит по перспективам развития региона. Для стран ЦА было бы сейчас очень выгодно воспользоваться своим геостратегическим положением и извлечь максимальные выгоды от буферного положения между Россией, Китаем, Индией, Ираном, Пакистаном. Афганские транзитные проекты, в т.ч. прокладка трубопроводов из Туркменистана в Пакистан (и, возможно, в Индию) – ТАПИ, железнодорожных и автомобильных магистралей (Синьцзян-Карачи, Колхозабад-Мешхед и Ташкент — Ашхабад — Бендер-Аббас), линий электропередач (CASA-1000) и связи (Евразийская оптоволоконная магистраль) могли бы открыть широкие перспективы для экономического роста и развития стран ЦА.

Однако необходимость обеспечения собственной безопасности заставляет все страны ЦА не только укреплять границу с Афганистаном, но и перекрывать границы внутри региона, что препятствует региональной торговле и экономическому развитию и ухудшает отношения между странами региона.

**2. Продолжающаяся дезинтеграция региона.** В настоящее время страны ЦА



ориентированы на разные конкурирующие между собой системы безопасности. Выход Узбекистана из ОДКБ сигнализирует о том, что ЦА раскололась на две части. Раскол произошел на афганской почве. Ташкент считает, что ОДКБ не способно обеспечить защиту от внешних угроз, исходящих с юга. Узбекистан также отказался от участия в первых двух конференциях стран «Сердца Азии» - участников Стамбульского процесса, на том основании, что формула 6+3 является лучшим форматом для регионального диалога. Очевидно, Узбекистан продолжит дистанцироваться от мировых центров силы и региональных организаций по безопасности, за исключением ШОС. Ориентация Ташкента на двусторонние отношения и отказ от многосторонних форматов подрывает региональные усилия по обеспечению безопасности. Опасения вызывают и углубляющиеся противоречия Таджикистана и Узбекистана, в том числе и относительно афганского фактора. Активизировавшаяся экономическая и военная поддержка генерала Дустума со стороны Ташкента, нацеленная на сохранение буферной зоны в Северном Афганистане, входит в противоречие с интересами таджикских элит Афганистана, ориентированных на Таджикистан, объективно стимулирует межэтнические противоречия и препятствует достижению примирения в Афганистане. Ухудшает ситуацию экономическая конкуренция Таджикистана и Узбекистана в Афганистане, а также борьба за ресурсы, в первую очередь за воду.

Риски, связанные с водно-энергетическими спорами, возрастут при любом сценарии развития событий в Афганистане. Наибольшее значение имеют долгосрочные угрозы безопасности в Центральной Азии, связанные с конкуренцией за воду и экспорт электроэнергии на быстрорастущие рынки Афганистана и Южной Азии. Уже сейчас безопасность ЦА под угрозой из-за крайнего ухудшения таджикско-узбекских отношений, вызванных ожесточенной конкуренцией за электроэнергетические рынки Афганистана.

Существует также и недооцененная проблема участия Афганистана в разделе воды в ЦА, т.к. Афганистан становится очень важным актором и как потребитель, и как потенциальный участник споров по воде. Министр энергетики Исмаилхан уже высказал мнение о необходимости определения доли Афганистана в воде Аму-дарьи. В 2013 г. начинается реализация ирригационного проекта в Кундузе и Афганистан начнет выбирать воду из Аму-дарьи.

### **Региональное сотрудничество**

Говоря о вызовах, связанных с Афганистаном, нельзя обойти вниманием и возможности, которые появятся у стран ЦА после 2014 года. По-видимому, их влияние на Афганистан возрастет. Это ставит на повестку дня активизацию регионального сотрудничества, нацеленного на содействие реконструкции Афганистана. Сейчас такая работа проводится в рамках Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Организации исламского сотрудничества, ШОС и других организаций.

Большие надежды возлагаются на ШОС. Все страны региона связаны с ШОС либо в качестве членов, либо партнеров по диалогу или наблюдателей. **В рамках ШОС действует Региональная антитеррористическая структура (РАТС),** разработана Программа действий по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013-2015 годы, которая включает меры по усилению оперативной работы, координации между пограничными службами, взаимодействие с партнерскими контртеррористическими центрами. Планируется, что к деятельности РАТС будут подключаться государства-наблюдатели, в том числе Афганистан и Пакистан. Несмотря на многообещающие программы и стратегии, которые были разработаны в ШОС, страны ЦА относятся к ним с известной долей скептицизма, так как их реализация блокируется отсутствием эффективного механизма реагирования на возникающие угрозы и вызовы.

Одной из новых форм сотрудничества в афганском направлении является Стамбульский

процесс, инициированный в ноябре прошлого года Афганистаном и Турцией и включающий страны – соседей Афганистана. Эту инициативу активно поддерживала ШОС, которая принимала деятельное участие в согласовании Стамбульской декларации об укреплении региональной безопасности и сотрудничества в «Сердце Азии» и запуске «Стамбульского процесса». Казахстан, активный участник данного процесса, выразил готовность провести в 2013 году очередную встречу министров иностранных дел стран «Сердца Азии» - участников Стамбульского процесса.

**Из вышесказанного следует, что:**

1. Нет реальных оснований полагать, что уменьшение военного присутствия Запада в Афганистане заметно ухудшит ситуацию с безопасностью в странах ЦА, за исключением Таджикистана. Хотя, следует признать – в целом, в случае дестабилизации Афганистана положение стран ЦА будет ухудшаться. Во-первых, из-за того, что они должны будут больше тратить на обеспечение безопасности. Во-вторых, будут заморожены многие проекты развития, в том числе энергетические и инфраструктурные. Пример – Рогунская ГЭС, ТАПИ. Нестабильный Афганистан остается барьером на пути экономического развития Центральной Азии. Это особенно обидно, так как уже сейчас Афганистан представляет собой растущий рынок сбыта для товаров из Центральной Азии и полем ожесточенной конкуренции между экспортерами электроэнергии из Узбекистана, Таджикистана и Туркмении.
2. Существующие программы помощи правительствам центральноазиатских стран в сфере безопасности, исходящие из Брюсселя, Вашингтона, Москвы и Пекина, не эффективны и не достигают заявленных целей.
3. В-третьих, в 2014 году не только уменьшится западное военное присутствие в Афганистане. Главное – неизвестно, что будет с афганской государственностью в условиях, когда США и их западные союзники формально снимут с себя прямые полномочия по обеспечению безопасности Афганистана и передадут их афганскому правительству, а при этом из страны и региона не уйдут. Это приведет к резкому снижению прозрачности для стран ЦА в сфере обеспечения безопасности, что вызовет рост недоверия и напряженности в регионе.

Таджикистан - исключение. Таджикистан – единственная страна в ЦА, которая будет сильно зависеть от ситуации в Афганистане по следующим причинам:

- (а) протяженная таджикско-афганская граница;
- (б) связи с дариязычными группами в Афганистане;
- (в) вынужденная - из-за транспортной блокады Узбекистана - переориентация торговли на Юг. Если в 2000 г. основными импортерами таджикского алюминия были Европейский Союз и Россия, то в 2010 г. – Китай и Турция. Также произошло переключение поставок таджикского хлопка с Швейцарии, Латвии и Словакии на Турцию, Иран и Пакистан, что подразумевает транзит через Афганистан. Россия сохранила свое положение как один из крупнейших покупателей таджикского хлопка, хотя нынешняя засуха заставила переключиться на закупки муки и других видов продовольствия из Пакистана. Стремительно растет товарооборот с Афганистаном и Китаем. Все это делает Таджикистан исключительно зависимым от своего южного соседа;
- (г) необходимость искать союзников в водно-энергетических спорах. Можно предположить, что Таджикистан будет объединяться с Афганистаном в водных спорах по Аму-дарье.

**Выводы:**

Таким образом, последние геополитические изменения ставят перед странами ЦА ряд

серьезных вызовов и задач, связанных с Афганистаном. Это и обеспечение собственной безопасности, и реализация новых экономических возможностей, и жесткая внутрирегиональная конкуренция, и необходимость участвовать в сложной многоходовой игре между большими игроками – США, Россией, Китаем, Европейским Союзом, а также растущими региональными лидерами – Ираном, Пакистаном и Индией. Сейчас трудно предсказать, как страны ЦА пройдут это испытание. Но экзамены будут сдавать дипломаты и экономисты, а не силовики.

**Рафик Сайфулин**

*политолог, Узбекистан*

### **Центральноазиатские перспективы: Афганистан, 2014 - повод или причина для беспокойств?**

Афганская проблематика продолжает активно подпитывать и стимулировать дискуссии, которые в последнее время всё чаще фокусируются вокруг двух основных блоков. 1) Каковы сценарии развития ситуации в Афганистане с учётом анонсированного вывода (но всё же представляется, сокращения) войск США и НАТО в этой стране с 2014 года. 2) Как эта ситуация может повлиять на обстановку в соседних странах, включая постсоветскую Центральную Азию, и взаимоотношения между ними.

Всё это порождает массу самых разных прогнозов – от правдоподобных до абсурдных, от равнодушных до почти истеричных. Причём часто роль оракула примеряют на себя те, кто ещё совсем недавно путался во всех этих многочисленных «... станах». Очевидно, что на этом фоне вопросов возникает на порядок больше, чем вразумительных ответов. Есть основания полагать, что изобилие сценариев по Афганистану и разброс мнений по этому поводу вызван одним тривиальным вопросом: а кто главный сценарист? Большинство при этом уверенно указывают на Вашингтон. Но, насколько это корректно и хотят ли такой участи для себя сами США?

Очевидно, что президент Б.Абама, молниеносно став нобелевским миротворцем, будет стремиться использовать свой второй президентский срок, чтобы остаться в таком качестве в новейшей истории и победные реляции в Афганистане здесь как нельзя кстати. Очевидно и то, что нынешняя администрация США не в силах самостоятельно решить эту задачу, и у неё есть нескрываемое стремление разделить со многими свою ответственность за допущенные в афганской кампании ошибки, о которых, впрочем, не принято рассуждать вслух. Очевидными представляются и попытки американцев обеспечить международную круговую поруку за будущее Афганистана.

В таких условиях уместнее говорить о формировании авторского коллектива сценаристов по Афганистану, вдохновлять который берутся США. Мест в этом коллективе достаточно для всех желающих обозначить свою значимость. При этом всё, как говорится, ко двору. В шеренге сценаристов и Турция со Стамбульским процессом, и Япония с её финансовыми усилиями и услугами, ЕС со своими философскими раздумьями и Россия, которая пока сохраняет дистанцию, но которую усиленно «подтягивают» к процессу.

А что же США? Похоже, что в Вашингтоне по-прежнему слабо представляют, как будут развиваться события в Афганистане. Такое уже случилось в 2001 году. Тогда были цель и ориентиры. Затем провозглашались благие намерения под лозунгами демократизации,

которые также бесславно провалились, как и прежние попытки «коммунизации» афганцев. Сегодня у американцев в их новой афганской стратегии снова есть и цель и ориентиры – закрепить своё мировое лидерство и статус законодателя в процессах глобализации. Не ясен по-прежнему механизм (по сути, сценарий), как этого добиться. Нет ответа на главный вопрос: кто и как придёт на смену режиму Х.Карзая? Какую цену готовы заплатить США и союзники за будущую лояльность к себе со стороны афганцев? Всё это наводит на мысль, что американцы готовы скорее не к роли сценариста, а кукловода в разыгрываемой афганской пьесе с постоянно меняющимися сюжетами и декорациями.

В последнее время в этом сложном и затянувшемся до бесконечности процессе всё настойчивее выделяется место и для стран ЦА региона, которых вдохновляют перспективами стать политическими активистами в глобальном масштабе. Соседство с Афганистаном не может оставить страны ЦА равнодушными и безучастными к этой проблеме. Все они не перестают твердить о многочисленных угрозах и рисках, связанных с распространением экстремизма, терроризма, прямой агрессии, наркобизнеса и т.д. Эти опасения многократно усиливаются, а порой и утрируются западными комментаторами, что должно стать аргументом в пользу более активного вовлечения молодых государств ЦА в планы тех же США. Однако нет оснований гипертрофировать значение стран ЦА, которым многочисленные сценаристы банально отводят лишь роль столь необходимого на сегодня северного транзитного маршрута. При этом в равной степени используются как аргументы в пользу возможности сближения стран ЦА перед угрозами, исходящими из Афганистана, так и доводы о том, что будущая ситуация в Афганистане способна усилить разногласия между ними.

На этом фоне, по мнению таких сценаристов, страны ЦА должны определиться со своими внешними предпочтениями, разумеется, имеется в виду усиление их ориентации на Запад. Но есть ли адекватное понимание на Западе той роли, которую страны региона отводят для себя сами? Есть ли восприятие того факта, что практически все страны региона будут стремиться вытянуть для себя максимум различных дивидендов из этой непростой ситуации вокруг Афганистана?

В этой связи возникают два закономерных вопроса, правильная формулировка которых уже фактически даёт на них ответы. Насколько были подвержены афганскому влиянию различные события во внутриполитической ситуации в странах ЦА в период становления их независимости? Имеет ли место причинно-следственная связь между развитием отношений между странами ЦА региона и тем, что происходило и происходит в соседнем Афганистане? При всей прозрачности ответов на эти вопросы, есть и другой вопрос, комментарии к которому могут быть не столь однозначны. Что и как в складывающихся условиях может оказать реальное и ощутимое влияние на ситуацию в странах ЦА и отношения между ними? Есть основания утверждать, что на протяжении последних почти двух столетий фактор России был, есть и имеет возможность оставаться во многом решающим для развития каждой отдельно взятой страны в ЦА и региона целом.

Как видно, остаётся много сложных вопросов и ответы на них не столь очевидные и простые.

*Пан Давэй*  
*Профессор, Директор Центра исследований России*  
*Шанхайская академия общественных наук*

## **Безопасность и сотрудничество в регионе Центральной Азии после вывода войск США<sup>1</sup>**

Несмотря на то, что война в Афганистане уже продолжается 11-ый год, эта страна по-прежнему пребывает в хаосе, и все еще существуют серьезные угрозы безопасности. Хотя в начале этой войны после продолжавшейся два с половиной месяца военной операции войск НАТО (основу которых составляют военнослужащие армии США) движение Талибан было отстранено от власти и практически утратило боеспособность, однако в настоящий момент американское правительство вынуждено признать, что обеспечение на первое время хотя бы видимости стабильности невозможно без достижения компромисса между правительством Карзая и лидерами талибов. При всех этих несколько не оптимистических условиях вывод войск МССБ приведет к тому, что, может быть, возникнут новые, непредвиденные обстоятельства в Афганистане и других странах данного региона.

Хотя существующую на данный момент ситуацию в Афганистане нельзя назвать оптимистической. Но если бы соответствующие страны со всей искренностью приняли ответственные, в полном смысле слова, меры по налаживанию политических отношений внутри Афганистана, предоставлению гарантий стабильности и минимальных условий нормальной жизни местному населению, а не осуществляли бы определенные меры, преследуя какие-то дополнительные замыслы, то удалось бы найти выход из сложившейся ситуации. Здесь дело не в том, хватает или не хватает умов и возможностей, а в том, для каких целей прилагают свой ум и возможности.

В начале проведения антитеррористической операции в Афганистане США официально декларировали, что цель войны – свержение режима талибов, освобождение территории Афганистана от влияния талибов и взятие в плен и суд над членами Аль-Каиды. Но нельзя упускать из виду, что на самом деле антитеррористическая война в Афганистане привела к военному присутствию США в странах Центральной Азии. Ныне при выводе войск Америка реализует свои глобальные стратегические замыслы, чтобы избавившись от обузы своей «антитеррористической» миссии, совершить перемещение стратегического центра тяжести на восток.

С одной стороны, при максимальном сокращении своей вовлечённости в Афганистане, Америка старается сохранить интересы и влияние в Центральной Азии и Южной Азии. Перед президентскими выборами Барак Обама успел подписать «Соглашение о стратегическом партнерстве» с президентом Афганистана Хамидом Карзаем, которое дает США право сохранить свое присутствие в Афганистане еще на 10 лет после запланированного вывода войск международных сил. Используя повод транзита военного снабжения и оборудования, Америка старается продолжать пользоваться «транзитным коридором» через Россию и Центральную Азию, и сохранять военные базы или аэродромы для военного пользования в некоторых странах Центральной Азии.

С другой стороны, пользуясь возможностью контроля над Афганистаном, Америка, вполне вероятно, еще активнее реализует план «Большой Центральной Азии», чтобы добиться своего стратегического преимущества в центральном регионе [Евразийского континента](#).

---

<sup>1</sup> Текст представлен на русском языке. Публикуется авторская версия текста – ред.

Таким образом, руководство США вынуждено на ходу перекраивать свои планы именно для того, чтобы ослабить влияние региональных держав, предотвратить появление могущественных стран, которые были бы в противовес Америке, удержать любой ценой пошатнувшийся за последние годы статус мирового гегемона.

Исходя из этого, хотел бы высказать следующие мнения:

1. Результат войны в Афганистане еще раз доказал, что любая попытка применения военного способа разрешения противоречий между государствами, народами, социальными группами не приносит никакой пользы. В китайском и русском языках имеется пословица: горе от ума. Противоположным примером является то, что вопрос об урегулировании государственной границы между Россией и Китаем окончательно закрыт. Данный опыт свидетельствует, что мирный диалог, справедливость, рациональность и равноправные консультации являются правильным и эффективным путем разрешения сложных, чувствительных вопросов. Этот опыт тоже является своего рода «мягкой силой». В этом направлении Китай и Россия обладают собственным преимуществом и имеют возможность продемонстрировать мировому сообществу свой опыт и свои убеждения.

2. Во время вывода войск из Афганистана необходимо избежать любые отрицательных последствий. В последнее время появились идеи передачи государствам региона вывозимой из Афганистана военной американской техники, а также снаряжения. Это очень опасный признак потенциальной нестабильности и скрытого раскола данного региона. США, поскольку считают себя ответственным государством, должны принести населению центральноазиатского региона настоящее спокойствие и иные блага. Как могучая держава, Америка, имевшая возможность привезти эту военную технику и снабжение в свое время, и ныне должна иметь соответствующую возможность вывезти их оттуда, не калькулируя свои интересы.

3. Вывод войск МССБ из Афганистана, планируемый в 2014 году, усложнит ситуацию безопасности в регионе Центральной Азии. И сейчас наблюдается тенденция перетекания в этот регион террористической и экстремистской активности из северных районов Афганистана. В этой связи резко возрастет роль ШОС, прежде всего необходимо будет предпринять усилия в рамках ШОС для обеспечения «пояса безопасности» на границах Афганистана и укрепления границ государств-членов ШОС с Афганистаном. На саммите в Пекине, состоявшемся в июне 2012 года, обсуждалась Программа сотрудничества государств-членов ШОС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2013-2015 годы, в которой содержится много уместных мероприятий, связанных с положением в регионе после вывода войск МССБ из Афганистана. Здесь важно претворить в практику все эти идеи и мероприятия. При ШОС основной площадкой для укрепления сотрудничества в борьбе с новыми вызовами и угрозами остаётся Региональная антитеррористическая структура. Надо выявить нераскрытый потенциал данной структуры, максимально привлечь стран-наблюдателей и стран-партнеров по диалогу к ее работе, координировать и проводить сотрудничество с другими организациями, такими, как ОДКБ.

4. Еще один немаловажный аспект касается экономического сотрудничества ШОС с Афганистаном. Необходимо подчеркнуть, что перспективные проекты в этом направлении, особенно проекты инфраструктурного строительства в этом регионе, имеют не только экономическое, но и стратегическое значение. Например, проект строительства автотранспортных и железнодорожных магистралей, которые объединили бы Центральную Азию с Ираном, Пакистаном, Индией и другими странами Южной Азии. Реализация подобных проектов способствует развитию экономики, а также заинтересованности всех стран-участниц в установлении и сохранении безопасности на афгано-пакистанской территории. Это удобный случай (хорошая возможность), чтобы поднять уровень

экономического сотрудничества между странами ШОС и сформулировать механизм многостороннего сотрудничества между ними.

**Чжан Цзяньжун**

*старший научный сотрудник, Генеральный секретарь Центра исследований России, Шанхайская академия общественных наук*

## **Вызовы безопасности в Центральной Азии после афганской войны<sup>2</sup>**

Вывод американских войск из Афганистана после 2014 года предвещает Афганистану начало послевоенного периода. Однако, будем ожидать от него скорее всего не прихода мирного периода, а наращивания новых конфликтов и социальной дестабилизации. Вооруженные группировки Талибана давно поклялись вновь вернуться и взять реванш, что вызывает у нас беспокойство и опасение. Особенно это касается тех стран, которые граничат с Афганистаном. Исходя из нынешней ситуации в Афганистане, мы не можем не признать, что перед нами стоит нелегкая задача обеспечения безопасности региона. Как нам кажется, после 2014 года перед ЦА стоят три реальных угрозы и три потенциальных вызова безопасности.

### **Первая угроза. «Три силы» остаются главным врагом безопасности в ЦА**

Еще в конце 90-х годов прошлого века в ЦА появились такие экстремистские религиозные организации, как Исламское движение Узбекистана, Хизб ут-Тахрир аль Ислами и Исламское движение Восточного Туркестана и др., которые сочетаются с национальным сепаратизмом и международным терроризмом и создали серьезную угрозу безопасности в ЦА. Ныне под воздействием возрождения исламизма, в частности победы исламской революции в арабском мире, уже наблюдается небывалая активизация деятельности исламских радикальных организаций во многих регионах мира, в частности и в ЦА. Появляются новые контрреволюционные фундаменталисты, например, салафиты, которые выступают с более радикальных позиций. Используя такие факторы в ЦА, как сложные межнациональные отношения, крепкая религиозная традиция среди населения, замедленное развитие экономики, нестабильное настроение в обществе, исламские радикалы попытаются свергнуть светскую власть, создать исламский теократический режим. При этом они стремятся договориться с внешними политическими силами и трансграничными преступными группировками, действовать в формате заговоров. Оттого, что рождение и существование трех сил глубоко коренится в социальной почве, оно соотносится с религией и идентичностью нации, поэтому борьба с тремя силами остается нашей главной и длительной задачей в обеспечении безопасности и стабильности в ЦА.

### **Вторая угроза. Трансграничная преступность серьезно нарушает общественный порядок в странах ЦА**

Афганская война длится больше десяти лет, что привело к бурному росту производства наркотиков на территории Афганистана. Ныне именно через территорию стран ЦА идет поток наркотиков из Афганистана в Россию и Европу. По данным ООН, через ЦА каждый год проходит около 90 тонн кокаина. От этого страдают не только Россия и ЦА, но и Европа и Китай. Расширение наркобизнеса значительно укрепляет наркомафию, сделав ее более агрессивной в транснациональном масштабе. Вместе с этим наращивается нелегальная

---

<sup>2</sup> Текст представлен на русском языке. Публикуется авторская версия текста – ред.

миграция и контрабанда оружия в ЦА, которая уже стала серьезным фактором реальной угрозы безопасности ЦА.

Наращивание трансграничной организованной преступности в ЦА объясняется тем, что, во-первых, ЦА расположена на рубеже Евразии, граничит с нестабильным Афганистаном. Ее географическое положение и горный рельеф дает трансграничным преступникам свободный простор для наркотрафика, контрабанды оружия и нелегального переселения, а также создает условие для маневра в обход патрульного контроля пограничных войск стран ЦА. Во-вторых, ЦА – это многонациональный регион. Хотя после обретения независимости страны ЦА создали новые границы, но родственные связи между населением ЦА остаются. Это не только способствует общению между однородными нациями, но и создает условия для трансграничной преступности. В-третьих, трансграничная преступность растет из-за отсталой инфраструктуры и слабого контроля на пограничных пунктах в ЦА. В-четвертых, в связи с тем, что в странах ЦА отменена смертная казнь, за торговлю наркотиками приговаривают максимум к тюремному заключению. Это не вызывает у наркоманов какого-то особого страха, наоборот, их привлекает высокая прибыль от продажи наркотиков, поэтому обуздать вышеуказанное преступление почти невозможно.

### **Третья угроза. Проникновение внешней террористической силы в ЦА обостряет обстановку региона**

В связи с тем, что обстановка в Афганистане и Пакистане остается напряженной, а также наблюдаются признаки ее дальнейшего ухудшения после вывода войск из Афганистана, возрастает угроза проникновения внешнего терроризма в ЦА. На протяжении десятилетней войны в Афганистане под ударами коалиционных войск НАТО вооруженные талибы и Аль-Каида значительно сокрушены и понесли большие потери, многие из них были вынуждены покинуть Афганистан, переместиться в Пакистан, а также в ЦА. Это привело к увеличению случаев взрывов и налетов на правоохранительные органы стран ЦА.

Эти проникшие в регион ЦА боевики Талибана прячутся в Ферганской долине, планируют террористические акты против правительств стран ЦА. С приближением даты вывода войск из Афганистана ЦА станет главным маршрутом перевозки контингентов войск и военной техники НАТО из Афганистана. Не исключено, что этот маршрут в ЦА станет предметом атак Талибана, который рассматривает страны ЦА, сотрудничающие с американцами, как пособников агрессоров. Хотя американцы заявляют, что выведут войска из Афганистана после 2014 г, это не означает, что они навсегда покинут Афганистан. Там будет военная база с контингентом военнослужащих, пока афганская армия не полностью будет контролировать свою территорию, пока не стабилизируется обстановка. Но какие бы меры ни предпринимались, в короткий срок уничтожить вооруженных талибов и террористов невозможно. Наоборот, длительное время ЦА будет находиться под угрозой проникновения международной террористической силы из Афганистана и Пакистана.

### **Первый вызов. Борьба великих держав в ЦА осложняет ситуацию безопасности этого региона**

События 11-ого сентября 2001 г. предоставили США исключительный случай для развязывания афганской войны. Воспользовавшись потребностью стран ЦА, а также согласием со стороны России, американцы создали в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии свои военные базы, что позволило им ввести свои военные силы в ЦА. Благодаря этому место ЦА в глобальной стратегической игре США резко повысилось. Вслед за этим, США усилили свое присутствие в ЦА, и оказывают влияние на страны ЦА в сфере политики, экономики, а также в военном сотрудничестве, чтобы продвигать демократию и свои ценности, осуществить свой стратегический план в АТР.



Конечно, активная деятельность американцев в ЦА вызывает у России и Китая большое внимание, две страны усилили тесное взаимодействие, а также укрепляют сотрудничество со странами ЦА как в двухсторонних, так и в многосторонних отношениях, в рамках ШОС, ОДКБ. При активном содействии России был создан Таможенный Союз и в ближайшей перспективе будет создан Евроазиатский экономический союз. Все это значительно повысило влияние России и укрепило ее позицию в ЦА.

В этой игре великие державы конкурируют за сферу влияния и оказывают большое воздействие на ситуацию в сфере безопасности и стабильности в ЦА. Т.е. будущая обстановка ЦА во многом будет зависеть от великих держав, от баланса силы и их влияния. Страны ЦА заинтересованы в этой игре и стремятся найти выгодную для себя нишу между великими державами, но одновременно навлекают на себя и политический риск. Как это показали события в 2005 году и 2010 году в Киргизии, где произошла революция и смене власти Акаева и Бакиева.

### **Второй вызов. Борьба за власть на будущих выборах в странах ЦА вносит неопределенность в поддержание стабильности региона**

В будущие 5 лет в ряде стран ЦА состоятся президентские выборы. Для Узбекистана, Таджикистана и Казахстана стоит вопрос о смене власти. Обеспечение процесса нормальной передачи власти преемнику имеет очень важное значение для сохранения политической стабильности. Конфигурация политической власти в странах ЦА показывает, что борьба за власть между властными группами и оппозицией нарастет, что принесет больше неопределенности в будущей передаче власти и станет важным возможным фактором возникновения политического кризиса.

Кроме того, коррупция остается большим вопросом в обеспечении политической стабильности в странах ЦА. Она подрывает авторитет правительства, его способности управления и влечет нарастание недовольства среди населения, которое станет дестабилизирующим фактором. Этим и объясняется факт, что три силы всегда находят почву и поддержку у части населения, что борьба с тремя силами становится большой нагрузкой для правоохранительных органов.

### **Третий вызов. Обострение межнациональных противоречий угрожает стабильность в ЦА**

По историческим причинам сформировался сложный национальный состав в структуре населения в ЦА. В каждой стране ЦА насчитываются различные группы национальных меньшинств в составе ее титульной нации. После обретения независимости для стран ЦА национальный вопрос становится самым актуальным в обеспечении стабильности региона. Хотя правительства стран ЦА уделяют национальным вопросам большое внимание, а также предприняли ряд активных мер для урегулирования межнациональных противоречий и конфликтов, но вопрос остается, и ни в коем случае не смягчается. Факты показывают: это противоречия между узбеками и киргизами в событиях 2010 года, которые произошли в Оше, а также противоречия между узбеками и таджиками из-за строительства Рогунской электростанции. В определенных условиях эти давние противоречия выйдут на первый план.

Вместе с тем, на фоне исламского возрождения в ЦА активизируются религиозные радикалы. Чтобы добиться своих цели, они используют межнациональные противоречия, провоцируют религиозный фанатизм у населения, пропагандируют джихад, нападают на правоохранительные органы стран ЦА, бросая вызов светской власти.

Нас часто спрашивают, что ждет в ЦА после 2014 года? На этот вопрос многие дают пессимистический ответ, перечисляя различные негативные факторы. Однако, все эти факторы связаны с источником опасности из Афганистана, а именно с талибами. Поэтому самое главное для ЦА заключается в том, как стабилизировать ситуацию в Афганистане после

2014 года. Дело в том, что будущая обстановка как в Афганистане так и вокруг ЦА во многом будет зависеть от будущего афганского правительства, от его способности контроля и управления. Так что самое важное – укреплять способность управления правительства Афганистана. В этом мы видим единственный подход, чтобы сплотить все силы, включая ту часть внутри Талибана, с которой можно договориться и добиться компромисса в создании объединенного правительства Афганистана. Это позволит будущему афганскому правительству сосредоточить силы на борьбе с радикальной группой талибов, которая засела на границе между Пакистаном и Афганистаном. Нельзя игнорировать роль Пакистана в урегулировании конфликтов между Талибаном и правительством Афганистаном, потому что при возникновении угрозы со стороны Талибана, стоит только оказать давление на Пакистан, тот в свою очередь окажет давление на Талибан на территории Пакистана и выйдет другое...

**Сафранчук И.А.**

**Институт актуальных международных проблем, Дипакадемия МИД РФ**

### **«Сценарии развития ситуации в Афганистане»**

Ситуация в Афганистане не может считаться predetermined. В следующие годы может быть значительная вариантность развития ситуации в зависимости от принимаемых решений и практики их реализации.

*Сфера безопасности.* Нельзя сказать, что афганские силы безопасности недееспособны и политика транзита, то есть передачи ответственности от МССБ к афганским силам безопасности провалилась. В провинциях, где ответственность передана афганским силам безопасности, сохраняется примерно такая же ситуация, как и в предыдущие годы. Однако такая ситуация не может быть признана и полностью успешной. Афганские силы безопасности обладают ограниченной дееспособностью. Есть полевые командиры и группы (например, Г. Хекматиар), с которыми афганские силы безопасности просто не способны справиться, даже если будет поставлена такая задача.

Но главное: афганские силы безопасности не стали общенациональными и не приобрели собственную социальную базу. Они представляют собой набор отрядов, которые переданы полевыми командирами. Эти отряды сохраняют верность своим полевым командирам и по их приказу покинут афганские силы безопасности, чтобы вернуться под их прямое командование. Таким образом, даже ограниченная функциональность афганских сил безопасности может поддерживаться только при сохранении базового компромисса между крупными полевыми командирами и их верности центральному кабульскому правительству.

*Политическая сфера.* Основным событием, вокруг которого будут строиться политические комбинации, являются президентские выборы 2014 г. В настоящий момент ясно, что базовая конструкция этих выборов будет следующей: прокарзаевский кандидат и оппозиционный (но не радикальный) кандидат. Президент Карзай будет стараться провести операцию «приемник». Его способность это сделать будет определяться готовностью США принять такую операцию. Пока США демонстрируют неготовность допустить к власти преемника Карзая. Но торг между Карзаем и американцами продолжается, и будет идти еще весь 2013 год. В целом США нужна преемственность в афганской политике – но без Карзая. У афганского президента есть время и средства, чтобы навязать американцам своего преемника. Но ему придется подобрать фигуру из своего окружения, приемлемую для США, что само по себе не так просто.

Трудно сказать, чем закончится торг по линии Карзай-США. Но нельзя исключать, что компромисс будет найден. На фланге оппозиционного лагеря пока тоже нет полной ясности. Доктор Абдулло, основной соперник Карзая на прошлых президентских выборах, пытается выставить себя основным оппозиционным кандидатом, получить американскую поддержку, а также поддержку крупных полевых кандидатов. Впрочем, А. Абдулло не единственный возможный кандидат. Необъявленные президентские амбиции есть еще у ряда крупных фигур афганской политике. Они выжидают более ясных сигналов от США, чтобы определить свои ставки на выборах 2014 г.

Результаты этих выборов пока не predetermined. Их первоочередной задачей для американцев будет сохранить дееспособное кабульское правительство и лояльность крупных полевых командиров этому правительству. Но даже если это удастся сделать, следующей после выборов задачей станет интегрировать в афганскую власть «условных талибов», то есть те элементы, которые исключены из официальной афганской политике, но примирение с которыми неизбежно. Этот процесс будет протекать болезненно прежде всего для таджикских полевых командиров. В их среде нет единства в отношении к этому процессу.

В результате оба процесса – и выборы 2014 г. и примирение с талибами – могут нарушить баланс интересов в среде полевых командиров и разрушить базовый компромисс между ними, который лежит в основе кабульского правительства. В этом случае кабульские правительственные структуры и афганские силы безопасности могут быстро разрушиться после того, как полевые командиры отзовут из них своих людей.

*Экономика.* Формально афганская экономическая ситуация выглядит благоприятно. Высокие темпы роста ВВП. В абсолютных цифрах ВВП превысил 100 млрд. дол. Однако все экономические достижения Афганистана абсолютно неустойчивы. Относительное экономическое благополучие зиждется исключительно на внешней помощи. Внутренних источников экономического роста нет. Все разговоры о великом будущем Афганистана как транзитной и добывающей минеральные ресурсы страны являются «красивой сказкой». Все это неосуществимо в обозримой перспективе. Экономическое положение Афганистана будет неминуемо ухудшаться в период 2014-2017 гг. ВВП может сократиться на 40-60% по более-менее оптимистическим прогнозам.

Это окажет самое непосредственное влияние на модели поведения афганских политиков и полевых командиров. Они пока не осознают масштабов нависшей в следующие годы экономической проблемы для них лично. Но при столкновении с реальностью у них будет три основных непосредственных ответа на проблему: 1) укрепить свои позиции (в том числе силовыми методами), так как сила – это по всему их опыту основное средство получения экономических благ; 2) большее вовлечение в незаконный бизнес, в том числе в контрабанду наркотиков; 3) поиск внешних (региональных) партнеров, который бы помог в решении первых двух задач.

*Региональная политика.* На фоне того, что в последние годы постоянно говорилось о необходимости региональных договоренностей по Афганистану, реального прогресса в этой области нет. Нет регионального согласия и компромисса по Афганистану. Каждая страна действует по своему усмотрению. Причем Пакистан и Иран ждут возможности для реванша и наращивания своего влияния на афганскую политику.

Таким образом, развитие ситуации в Афганистане не predetermined и зависит от обозначенных переменных. Базово возможны следующие сценарии:

- 1) сохранение базового компромисса полевых командиров и дееспособного правительства в Кабуле;
- 2) разрушение такого компромисса и развертывание открытого регионально-этнического соперничества в стране.

При этом понятно, что даже при первом сценарии в следующие годы будет иметь место перераспределение полномочий между Кабулом и провинциями в пользу последних. Этот процесс регионализации будет достаточно сильным. Скорее всего, формально он не приведет к федерализации страны, но будет означать на практике укрепление полевых командиров в своих провинциях, изменение формата их отношений с Кабулом и поиск формальных и неформальных договоренностей о поддержке и сотрудничестве с соседними странами.

**Нильс Вёрмер**

**Старший научный сотрудник, Германский институт международной политики и безопасности**

### **Афганистан в период «передачи ответственности за безопасность»<sup>3</sup>**

Почти через 10 лет после того, как режим талибов был свергнут международными силами во главе с США, в июле 2011-го года НАТО и афганское правительство запустили так называемый процесс «передачи ответственности за безопасность». Он включает в себя постепенный переход ответственности за безопасность от НАТО к Афганским национальным силам безопасности (АНСБ) и сопровождается выводом воинского контингента НАТО.

Окончание переходного периода и восстановление полного суверенитета Афганистана запланировано на декабрь 2014-го года. Международное сообщество уже дало определение следующей после «передачи ответственности» фазе – «фаза трансформации» или «десятилетие трансформации», с 2015-го по 2024-ый год. На этот период НАТО анонсировала завершающий этап кампании: задача Международных сил содействия безопасности будет состоять в обучении и подготовке АНСБ, без ведения боевых действий. Что касается развития гражданского общества, множество стран заявило о готовности поддерживать Афганистан в «десятилетие трансформации», оказывая помощь в целях развития в тех же объемах, что и в предыдущие годы.

Передача ответственности за безопасность в период с середины 2011-го до конца 2014-го года является частью стратегии НАТО и афганского правительства, разработанной по итогам Международной конференции по Афганистану в Лондоне (январь 2010), Международной конференции в Кабуле (июль 2010), Международной конференции по Афганистану в Бонне (декабрь 2011) и саммитов НАТО в Лиссабоне (2010) и Чикаго (2012).

Западные политики акцентируют внимание на том, что успех данной стратегии зависит от выполнения ряда ключевых задач, которые включают (1) создание афганских сил безопасности – Афганской национальной полиции (АНП) и Афганской национальной армии (АНА); (2) формирование эффективного государственного аппарата и проведение антикоррупционной кампании; (3) национальное примирение; (4) налаживание регионального сотрудничества – в первую очередь, с Пакистаном и Ираном; (5) создание условий для экономического роста. Иными словами, прогресс в реализации этих задач является условием для достижения (1) краткосрочной цели по возложению ответственности за безопасность на национальные структуры и (2) долгосрочной цели по стабилизации обстановки в Афганистане. Рассмотрим каждый из вышеперечисленных пунктов, чтобы дать оценку стратегии НАТО.

1) В течение 2012-го года общая численность АНСБ достигла 352 тысяч человек, как и было запланировано. Однако сообщается, что, в связи с боевыми потерями, дезертирством и отсевом, ежегодно требуется обновление до одной трети состава АНСБ, что подрывает любые попытки добиться внутренней сплочённости в этих новых структурах. Ситуация

---

<sup>3</sup> Перевод на русский язык М. Борисовой

усугубляется тем, что к 2016-му году НАТО планирует сократить численность АНСБ на одну треть – до 230 тысяч человек. К тому же у АНСБ отсутствует чёткое понимание того, против чего они сражаются и что защищают. Западные страны видят задачу АНСБ в защите афганской конституции и борьбе против мятежников. Но, по мнению многих военнослужащих АНА, сам президент Афганистана, который является верховным главнокомандующим, поправил конституцию во время выборов-2009, а талибов он не раз называл своими «братьями».

Структурная организация сектора безопасности также оставляет желать лучшего. Деятельность трёх его главных органов – армии, полиции и разведки (Национального управления безопасности) – не разграничена должным образом; они сформированы, подготовлены и снаряжены для противодействия боевикам на территории Афганистана. Это порождает между ними жёсткую конкуренцию за право на существование, ресурсы и признание.

Итак, неопределённость в вопросе пополнения состава, отсутствие ясного представления о враге и недостатки структурной организации являются главными препятствиями на пути выработки идеологической базы для афганского сектора безопасности, достижения внутреннего единства и поднятия боевого духа афганской национальной армии и полиции.

2) Грядущие президентские выборы, назначенные на 5 апреля 2014-го года, покажут, насколько обоснованы обещания правительства Афганистана повысить эффективность госаппарата и усилить антикоррупционные меры.

После провальных выборов-2009 и коррупционного скандала вокруг Кабульского банка (это только два самых ярких примера злоупотреблений со стороны представителей власти), президентские выборы 2014-го года могут дать политическим институтам страны реальный шанс вернуть доверие граждан.

3) Процесс национального примирения в Афганистане официально стартовал в 2010-ом году, когда президент Карзай провёл Национальную консультативную джиргу мира и учредил Высший совет мира. Но в последние годы в этом вопросе можно говорить только о регрессе.

Афганское правительство (в частности, Высший совет мира) так и не добилось проведения основательных переговоров между конфликтующими сторонами, зато Талибан сумел одержать пропагандистскую победу, сорвав джиргу мира и совершив убийство председателя Высшего совета мира, бывшего президента Афганистана Бурхануддина Раббани.

До сих пор не было организовано реального переговорного процесса между Талибаном и правительством Афганистана. Также не выработана «дорожная карта», которая бы определила повестку дня, участников, посредников и временные рамки для постоянных переговоров. Безусловно, основную сложность представляет тот факт, что позиции афганского правительства и Талибана непримиримы. Основное требование талибов заключается в освобождении территории Афганистана от иностранного военного присутствия и кардинальном пересмотре конституции. Руководство Талибана даже не рассматривает правительство Карзая в качестве стороны переговоров и уже объявило о том, что не признает результаты президентских выборов-2014.

4) Многие эксперты утверждают, что, помимо США, России, Китая и Индии, ключевыми игроками в Афганистане также выступают Пакистан и Иран. Считается, что – как и в 1990-ые годы – они будут играть важнейшую роль в Афганистане после вывода войск коалиции. Для реализации стратегии НАТО необходимо сотрудничество и поддержка со стороны этих двух стран.

Вопрос, зачем это нужно Пакистану и Ирану, остаётся открытым. Пакистан ведёт двойную игру поразительных масштабов с США и НАТО вот уже почти десятилетие. Иран

придерживается антиамериканской линии в отношении Афганистана и в своих действиях исходит, в основном, из соображений безопасности, связанных с ядерной проблемой. Как уже не первый год подчёркивают западные специалисты, поддержкой Пакистана и Ирана пользуются негосударственные вооруженные формирования, такие как Талибан и различные тактические группировки. США тщетно пытались оказать дипломатическое и военное давление на Пакистан и Иран, и представляется маловероятным, что две страны уступят в будущем – в условиях сокращения военного присутствия США в регионе и вероятного провала афганской кампании НАТО.

5) Главное условие создания перспективы экономического роста – достижение минимального уровня стабильности и безопасности на территории государства. В таком контексте не имеет значения, провозглашает НАТО определённые провинции Афганистана стабильными и безопасными или нет. Важно, чтобы местное население и иностранные инвесторы видели их таковыми и были готовы рисковать, иницируя там проекты.

До сих пор афганское правительство не смогло обеспечить безопасность международных компаний, заинтересованных в разработке богатых природных ресурсов Афганистана, на законодательном уровне. Перспективный законопроект по горному праву был отклонён правительством в июле 2012-го года, что вызвало задержку в реализации тех немногих проектов, по которым уже было достигнуто соглашение.

Другой, долгое время остававшийся за рамками обсуждения фактор, который будет иметь влияние на будущее экономическое развитие, – это демографический взрыв в Афганистане. По данным ООН, к концу 2024-го года, т.е. к концу «десятилетия трансформации», население Афганистана составит в среднем 47 млн. человек<sup>4</sup>. Аналитики сходятся во мнении, что даже стабильное и мирное государство столкнулось бы с серьёзными вызовами, если бы его население увеличилось с 32 до 47 млн. человек всего за 12 лет.

Подводя итог, можно говорить о том, что стратегия НАТО в Афганистане основывается на надеждах на прогресс в ряде вопросов, которые до сих пор в основном не оправдались. О практических качествах АНСБ и правительства Карзая можно будет судить по итогам президентских выборов в апреле 2014-го года: если выборы состоятся, окажутся ли они свободными, честными и прозрачными или, напротив, будут сорваны множественными случаями мошенничества, взяточничества и проявления насилия?

Что касается процесса национального примирения в Афганистане и позиций Пакистана и Ирана, наиболее вероятно, что лидеры повстанцев и связанные с ними силы в Исламабаде и Тегеране будут ждать результатов президентских выборов и реальных данных о присутствии НАТО и США после 2014-го года. Тогда они, вероятно, выберут между путём сотрудничества и более агрессивным подходом и решат, с кем вести переговоры о возможном компромиссе.

---

<sup>4</sup> источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat, *World Population Prospects: The 2010 Revision*, <http://esa.un.org/unpd/wpp/unpp/p2k0data.asp>

*Дубнов А.Ю.*

*Обозреватель газеты «Московские новости»*

### **Тезисы для сборника «Вызовы безопасности в Центральной Азии»**

Представляется очевидным, что в будущем влияние США в Центральной Азии будет ослабевать. Не только в связи с ожидающимся выводом американских войск из Афганистана в 2014 году, но и в силу общей неоизоляционистской тенденции американской внешней политики – усталостью от непомерных усилий, в первую очередь военных, по контролю за опасными с точки зрения обеспечения безопасности США регионами.

Следует отметить два фактора в развитии ситуации в последнее время

Первое – укрепление военного и экономического присутствия России в регионе. Москва подписала соглашения с Таджикистаном и Киргизией, фиксирующие статус и условия нахождения российских военных баз в этих странах на несколько десятилетий вперед. Россия также продемонстрировала готовность участвовать в строительстве крупных гидроэнергетических объектов в Киргизии.

Второе – реакция на эти шаги.

Они вызвали далеко не только восторг и одобрение в этих странах и, тем более, в некоторых соседних государствах.

В первую очередь, в Узбекистане, где это было воспринято как угроза своей безопасности. Официальный Ташкент стал предпринимать шаги по консолидации всех тех своих партнеров, кто готов был разделить озабоченность таким развитием событий. Последовали визиты президента Узбекистана Ислама Каримова в Казахстан, Туркмению и Азербайджан. После переговоров с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым в Астане Ислам Каримов даже заговорил о возможности войны в регионе, если при строительстве водно-энергетических объектов не будут учитываться точки зрения всех стран региона. Он недвусмысленно призвал Россию отказаться от планов строительства Камбаратинской ГЭС в Киргизии

Достаточное активное неприятие усилий России по закреплению своих позиций в регионе было проявлено и со стороны оппозиционных и националистических кругов в Таджикистане и Киргизии. Первые опасаются, что российские военные с 201-й базы будут помогать таджикским властям в уничтожении боевиков оппозиции и, вообще, станут дополнительной опорой режима Эмомали Рахмона. Любопытной в этой связи оказалась ставшая известной мне реакция самого Рахмона на фразу, сказанную генсеком ОДКБ Николаем Бордюжей в недавнем интервью «Московским новостям» и РИА Новости, что военнослужащие 201-й РВБ не будут принимать участия в военных действиях внутри страны. Президент Таджикистана через секретаря Совета безопасности Таджикистана потребовал объяснений у генсека ОДКБ...

В Киргизии также заметными были фрондирующие настроения в связи с военными и экономическими соглашениями, заключенными между Бишкеком и Москвой. Здесь, однако, аргументы противников выглядели маловразумительными. В основном, они были связаны с опасениями, что Киргизия все больше и больше оказывается «закабаленной» Россией, что постепенно приведет к установлению российского протектората над «маленькой, но гордой» Киргизией.

Согласен с тезисом (высказанным Алексеем Малашенко), что нам надо быть готовыми к диалогу с исламистами.

Отбрасывать силовыми методами и запретительными мерами усиление исламистского влияния в регионе ЦА все равно, что плевать против ветра. Этому тренду в нынешних

социальных и политических условиях мало что можно противопоставить.

Следовательно, нужно уметь находить с исламистами общий язык. Иначе мы снова рискуем наступить на грабли, как это случилось с появлением Талибан в Афганистане в середине 1990-х. Тогда (я имею в виду российских политиков) мы никак не откликнулись на готовность лидеров Талибан вступить в контакты с Москвой. Пишу об этом в каком-то смысле, как инсайдер и непосредственный свидетель событий тех лет...

Думаю, что если бы мы вступили с ними в диалог, - хотя бы ради диалога, - они требовали на первых порах немного, обсудить их претензии на место Афганистана в ООН, которое занималось тогда представителем свергнутого президента Раббани, то не исключено, что не состоялся бы альянс Талибан и Аль Каиды. А это произошло, в том числе и потому, что талибы, сумевшие остановить гражданскую войну в Афганистане между моджахедами и претендовавшие поэтому на лидерство в своей стране, оказались отброшенными практически всем мировым сообществом, не усмотревшим в Талибан ничего, кроме темного и непонятного пространства распространения шариатской идеи.

Это был один из первых случаев, когда очевидно и трагически нашел свое подтверждение тезис Хантингтона о столкновении цивилизаций.

Коротко о проблемах выстраивания Евразийского экономического союза в составе России, Казахстана и Белоруссии, а в перспективе, с включением в него Киргизии и Таджикистана.

На мой взгляд, скорость, с которой в Москве пытаются навязать своим партнерам создание наднациональных структур в этом союзе, подрывает саму идею. В частности, речь идет о абсолютно преждевременном предложении об учреждении евразийской Парламентской ассамблеи, инициированной в сентябре этого года спикером Думы Сергеем Нарышкиным. В Астане она была принята в штыки и вызвала ответную реакцию части казахских элит, как системных, так и внесистемных, инициировать проведение национального референдума по этому вопросу. К сожалению, в Москве недооценивают тот уровень опасений, что распространен на постсоветском пространстве, относительно неоимперских тенденций по воссозданию другого общего пространства на месте СССР, но под эгидой Москвы.

Не приходится сомневаться, что возбуждают подобные настроения, главным образом, правящие элиты в постсоветских государствах. Но нельзя не видеть, что подобные настроения питаются из благодатной почвы неудовлетворенных национальных и исторических амбиций.

Кроме того, созданию дееспособных интеграционных структур, претендующих не только на экономическое сотрудничество, но и на политическое и идеологическое единство препятствует отсутствие общих ценностей, культурных и конфессиональных. Поэтому несостоятельными представляются аналогии между историей и обоснованием, ставших платформой создания ЕС и базой для создания ЕАЭС.

Европа объединялась со времен империи Карла Великого на основе общих христианских ценностей, к которым в середине второго тысячелетия н.э. добавились ценности, сформированные церковной Реформацией, эпохой Просвещения, - уважения к человеческой личности, признания ее самоценности, святости и неприкосновенности частной собственности, уважения к праву и т.д.

Ничего подобного в той же мере не сформировано на пространствах Евразии, а потому рассчитывать на создание эффективных интеграционных структур при жизни нынешнего, да и следующего поколения, не приходится.



*Эргашев Б.И.*

*Координатор исследований, Центр экономических  
Исследований, Ташкент, Узбекистан*

## **Политика Узбекистана в отношении Афганистана в контексте обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии**

1. Угрозы безопасности и стабильному развитию стран Центральной Азии – распространение терроризма, религиозного фундаментализма, наркотиков, исходящие из нестабильного Афганистана, – носят долговременный характер. Степень влияния этих угроз не одинакова для стран региона (как минимум в силу географического фактора), что обуславливает несколько разные взгляды стран региона на ситуацию в Афганистане и, соответственно, афганская проблематика (как в целом, так и отдельные ее аспекты) занимает различные места в иерархии политических приоритетов правительств.

2. В силу географических, геополитических и геэкономических факторов Узбекистан является одним из ключевых игроков среди стран-соседей Афганистана в процессе урегулирования в Афганистане. И без учета роли данного фактора, проекты афганского урегулирования не могут быть реализованы в полной мере. Исходя из этого, Узбекистан в течение двух последних десятилетий активно участвовал в выработке политических и экономических решений, направленных на разрешение конфликта в Афганистане.

3. В июле 2012 года в Олий Мажлисе Узбекистана была рассмотрена и одобрена предложенная Президентом страны Концепция внешней политики Республики Узбекистан, которая определяет внешнеполитическую стратегию на средне- и долгосрочную перспективу. Как отмечено в документе, главным приоритетом внешнеполитической деятельности Узбекистана является регион Центральной Азии, с которым связаны его жизненно важные интересы. Согласно Концепции, проблемы Центральной Азии должны решаться самими государствами региона без вмешательства внешних сил.

4. Разработка и принятие Концепции внешней политики Узбекистана представляет собой квинтэссенцию прежних подходов, накопленного опыта (как позитивного, так и негативного) в решении проблем безопасности в регионе. Документ является логическим продолжением политики Узбекистана в вопросах афганского урегулирования. Содействие урегулированию ситуации в Афганистане, обеспечение мира и стабильности в регионе, заявлены в Концепции в качестве одного из важнейших направлений.

5. Подчеркивается, что внешнеполитическая деятельность Узбекистана, в том числе в вопросах содействия урегулированию ситуации в Афганистане, базируется на следующих принципах:

- проведение открытой, доброжелательной и прагматичной политики в отношении своих ближайших соседей;
- содействие урегулированию ситуации в Афганистане на принципах взаимоуважения и невмешательства во внутренние дела;
- принятие политических, экономических и иных мер по предотвращению своего вовлечения в вооруженные конфликты и очаги напряженности в сопредельных государствах, а также не допускает на своей территории размещения иностранных военных баз и объектов;
- никакая интеграция не должна быть навязана извне, она неприемлема, если ущемляет свободу, независимость и территориальную целостность страны или продиктована

идеологическими обязательствам;

- Узбекистан оставляет за собой право заключать союзы, входить содружества и другие межгосударственные образования, а также выходить из них, руководствуясь высшими интересами государства, народа, его благосостояния и безопасности.

6. Позиция Узбекистана относительно разрешения афганского конфликта изначально базировалась на двух основных постулатах: (i) признание того факта, что исключительно военными действиями урегулирование невозможно; (ii) повышение роли и значения экономической составляющей в программе урегулирования конфликта и восстановления Афганистана. Узбекистан последовательно действует в двух взаимосвязанных направлениях – через участие в реализации экономических проектов и параллельную дипломатическую деятельность в целях объединения усилий, как стран-соседей Афганистана, так и США/НАТО, КНР и РФ.

7. На дипломатическом уровне подходы Узбекистана в 1990-е гг. базировались на признании того, развитие ситуации в Афганистане показало необходимость скоординированного международного сотрудничества для налаживания диалога между враждующими группировками. В 1997 году по инициативе Узбекистана под эгидой ООН начал действовать формат «6+2», то есть 6 стран соседей – Пакистан, Иран, Китай, Туркменистан, Таджикистан и Узбекистан, и страны гаранты – США и РФ. Цель этого формата состояла, прежде всего, в урегулировании афганского конфликта посредством примирения Северного Альянса и движения «Талибан». Благодаря деятельности Контактной группы 21 июля 1999 года была подписана «Ташкентская декларация об основополагающих принципах мирного разрешения конфликта в Афганистане» в присутствии противоборствующих сторон.

8. В развитие данной идеи, 2008 году Узбекистаном было предложено сформировать Контактную группу «6+3». В состав Контактной группы вместе со странами, граничащими с Афганистаном – Пакистаном, Ираном, Китаем, Туркменистаном, Таджикистаном, Узбекистаном – предлагалось включить с учетом сложившихся реалий на современном этапе Россию, США и НАТО. Целью данного формата было объединение усилий для поиска оптимального и мирного решения проблемы по достижению мира и стабильности в Афганистане, так как превалирование военных методов без решения социально-экономических вопросов только обостряет ситуацию. Кураторство и координацию деятельности Контактной группы предлагалось возложить на Специального представителя Генерального Секретаря ООН по Афганистану. От формата 6+2 её также отличало то, что ни представители властных структур, ни враждующие группы Афганистана к переговорному процессу в рамках новой группы не были бы включены. Однако данная инициатива Узбекистана не получила поддержки.

9. Ключевой идеей Узбекистана в отношении афганского урегулирования всегда было стремление снизить уровень военной составляющей и уделить больше внимания вопросам восстановления экономики, так как только это позволит снизить уровень конфликтного потенциала внутри Афганистана. Приоритетом должно стать оказание целенаправленной экономической помощи Афганистану. И здесь у Узбекистана есть что предложить. За последние годы Узбекистаном накоплен значительный опыт участия в реализации совместных проектов восстановления Афганистана, в частности, в сфере дорожного строительства и ремонта дорог, электроэнергетики, строительства железных дорог, горнодобывающей промышленности, образования, обмена специалистами. Значительно расширилась за последние годы взаимная торговля между Узбекистаном и Афганистаном.

10. Узбекистан уже с 2002 года начал активное сотрудничество с Кабулом в экономической сфере. Так, Узбекистаном в рамках реализации программы реконструкции

Афганистана было сооружено 11 мостов на участке «Мазари-Шариф-Кабул». Кроме того, завершается строительство высоковольтной линии 220 кВ протяженностью около 442 км от Кабула в сторону государственной границы с Узбекистаном. Данная линия электропередач пройдет по территории пяти провинций Афганистана и планируется, что она будет связана с электроэнергетической системой Узбекистана через строительство линии электропередачи от подстанции «Сурхан» (Узбекистан) до подстанции «Хайратон» (Афганистан) протяженностью 43 км. Через эту высоковольтную линию предполагается передача от узбекской энергосистемы на первом этапе 150 МВт, а в перспективе – до 300 МВт мощности. Стоимость проекта составляет свыше 198 млн. долл. США.

11. Акционерная компания «Узбектелеком» и Afgan Telecom Corp, имеют межоператорское соглашение, предусматривающее сотрудничество в предоставлении международных услуг по строящейся в Афганистане волоконно-оптической линии связи (ВОЛС), которая соединит два государства. Запуск магистрали в 2009 году с пропускной способностью 2,5 Гбит/с, которая обеспечила возможность организации прямой связи между Афганистаном и Узбекистаном для предоставления услуг международной телефонной связи, доступа к сетям Интернет и выхода через Узбекистан в страны СНГ и дальнего зарубежья.

12. Одной из главных проблем, тормозящих рост экономики Афганистана и, в частности, рост производства внутри страны, является отсутствие инфраструктуры – транспортных коммуникаций, сетей водо- и энергоснабжения и др. В этом направлении важное значение может иметь реализация проекта прокладки железной дороги через территорию Афганистана. В 2009-2010гг. государственная железнодорожная компания Узбекистана (ГАЗК «Узбекистон темир йуллари») реализовала проект строительства участка железной дороги «Хайратон - Мазари-Шариф» протяженностью 75 километров и стоимостью 129 млн. долл. США. По расчетам, на первом этапе эксплуатации объем грузоперевозок по железной дороге может составить 7 млн. тонн ежегодно, с последующим увеличением до 20 млн. тонн в год. В перспективе планируется проложить железную дорогу общей протяженностью 2 тыс. км по маршруту «Мазари-Шариф – Кабул – Кандагар – Герат» и обратно, закольцевав ее на Мазари-Шариф. Общая стоимость этого проекта, который позволит создать железнодорожный аналог Трансафганского автотранспортного коридора из Европы с выходом в Индию, Китай, Иран и Пакистан, составит около 3 млрд. долл. США.

13. После 2001 года, когда в результате операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане был свергнут режим талибов, и начался процесс постоянного военного присутствия стран Западной коалиции, а также было сформировано новое правительство во главе с Х.Карзаем, начата реализация программы реконструкции Афганистана при поддержке стран-доноров и международных финансовых институтов.

14. На сегодняшний день все страны так или иначе участвующие в афганском урегулировании понимают бесперспективность дальнейшего хода антитеррористической кампании в рамках существующих подходов. Несмотря на предпринимаемые международным сообществом и США действия по обеспечению безопасности, стабильности и развитию Афганистана, ситуация не улучшается.

15. На сегодняшний день можно констатировать, что Афганистану в результате более чем 10-летнего пребывания не удалось разрешить вопросы обеспечения безопасности, формирования дееспособного правительства. Не созданы условия для устойчивого экономического развития страны. Предполагаемый постепенный вывод войск западной коалиции из Афганистана в этих условиях может стать катализатором процессов дестабилизации как в самом Афганистане, так и в регионе Центральной Азии.

16. Исходя из сложившейся ситуации с урегулированием ситуации в Афганистане, внешняя политика Узбекистана в этом вопросе будет ориентирована на:

- активизацию усилий по налаживанию политического диалога с Афганистаном (со всеми политическими силами внутри Афганистана), странами-соседями и ведущими центрами сил, заинтересованными в сохранении единой афганской государственности;
- опора не на многосторонние форматы, к сожалению оказавшиеся неэффективными в решении афганского конфликта, а на двухсторонние форматы;

оказание всемерного содействия в разрешении социально-экономических проблем Афганистана, поддержка проектов, направленных на формирование жизнеспособной и развивающейся экономики Афганистана. Узбекистан накопил серьезный опыт в реализации проектов по реконструкции в Афганистане и вполне естественно, что он может инициировать реализацию проектов, важных для социально-экономического развития Афганистана.

*Лузянин С.Г.*

*Зам. директора ИДВ РАН*

### **КНР – Центральная Азия**

Общий объем осваиваемых *китайских инвестиций* в странах Центральной Азии, по разным данным, на 2005 г. составлял 7 млрд долл.<sup>5</sup>. В 2007 г. он достиг 9 млрд долл. По текущим оценкам на 2012 г. – около 20,1. Освоение китайских инвестиций любого назначения стимулирует товарооборот между КНР и государствами ЦА, а также улучшает некоторые макроэкономические показатели стран региона. Сотрудничество в торговле энергоресурсами с таким стабильным «оптовиком» – импортером, как Китай, способствует устойчивости коммерческих связей государств ЦА на трансрегиональном уровне, а также росту их добывающего комплекса.

Однако фокусировка на сырьевой сфере отвлекает ресурсы от обрабатывающего кластера ЦА, без которого формирование в регионе сбалансированной экономической структуры крайне проблематично.

Китай сегодня является главным поборником экономической интеграции в ЦА через ШОС в плане создания зоны свободной торговли (ЗСТ).

В 2004 г на саммите ШОС в Бишкеке премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао официально выдвинул в качестве задачи ШОС создание зоны свободной торговли. Его предложение было с настороженностью встречено большинством членов Организации (за исключением Казахстана), поскольку в результате конкуренции с китайскими фирмами уже сейчас с рынка товаров и услуг ЦА вытесняются товары национального производства. Для центральноазиатских членов ШОС (и России) создание ЗСТ ШОС чревато закреплением сырьевой направленности их экспорта в Китай, тогда как импорт из КНР представлен в основном продукцией с высокой степенью переработки. В ШОС сложилось понимание некоей преждевременности идеи ЗСТ ввиду большой разницы в уровнях экономического развития шести стран<sup>6</sup>. В итоговом коммюнике зафиксирована формулировка, что

<sup>5</sup> Swanström Niklas. China and Central Asia: a new Great Game or traditional vassal relations? //Journal of Contemporary China. – 2005. – No.14 (November). – P.580; [Сюй Тункай. Чжунго юй Чжунъя гоцзя... – С.1](#); см. также Вечерний Бишкек. – 11.07.2005.

<sup>6</sup> Фроленков В.С. Коллективное экономическое сотрудничество стран–членов ШОС: начальный этап становления//Проблемы Дальнего Востока. – 2007. – №2. – С.93–94.

государства ШОС сосредоточат основные усилия на постепенном обеспечении условий для: а) ведения торговли и осуществления инвестиций, б) технико-экономического сотрудничества, в) свободного движения товаров, капиталов, услуг и технологий. В Пекине сочли несомненным успехом одобрение всеми странами ШОС этого курса «трех шагов» (сань бу цзоу)<sup>7</sup>.

В понимании китайских экспертов, ускорение процесса создания ЗСТ ШОС – это путь преодоления малой эффективности экономических проектов, являющейся «слабым звеном ШОС»<sup>8</sup>.

Казахстан остается главным приоритетом для Китая в ЦА в плане развития двустороннего сотрудничества. На РК приходится порядка 80% товарооборота между Китаем и всеми центральноазиатскими странами-членами ШОС. Основные позиции экспорта Казахстана в Китай – это сырьевые ресурсы: энергоносители (нефть, газ) – 63%, черные и цветные металлы (в большой мере в форме металлолома), сталь – 24 %. Взамен Казахстан получает продукцию машиностроения и металлообработки (72%), продовольствие (11%), а также товары широкого потребления, значительную часть которых вполне можно было бы производить в самой РК. Увеличение идет, в том числе и за счет открывшейся в 2006 г. на китайско-казахстанской границе трансграничной зоны свободной торговли. В 2008 г. взаимная торговля превысила 14 млрд долл. Объем инвестиций Китая в РК, по китайским официальным данным, составил в 2006 г. 1,3 млрд долл.<sup>9</sup>.

Китайско-туркменские энергетические отношения во многом определяются открывшимся в декабре 2009 г. новым газопроводом Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Китай при дальнейшем углублении сотрудничества. Кончина *Сапармурада Ниязова* в декабре 2006 г. и избрание в феврале 2007 г. нового руководителя Туркменистана *Гурбангулы Бердымухамедова* внесли некоторые новые акценты в китайско-туркменские отношения. Пекин был встревожен возможностью политической дестабилизации в Ашхабаде и отхода нового руководителя от традиционного нейтралитета в сторону большего сближения с Западом, что могло бы отрицательно сказаться на сложившихся стабильных отношениях двух стран.

Смена руководства заставила Пекин интенсифицировать подготовку газовых проектов по планируемому импорту туркменского газа. Практическая реализация проекта газопровода началась в августе 2007 г.

Взаимная торговля КНР и Туркменистана за период 1997-2008 гг. увеличилась почти в 19 раз – с 19 млн долл. (1997 г.) до 453 млн долл. (2008 г.). Основные статьи туркменского экспорта в КНР – это энергоносители и продукция нефтехимической промышленности (порядка 85%), хлопковое волокно и иное текстильное сырье, лакричный корень, продукция текстильной и легкой промышленности. Китай поставляет в РТ продукцию производственно-технического назначения и стройматериалы (порядка 60% туркменского импорта), потребительские товары (более 30%). В Туркменистане реализуются 37 инвестиционных проектов с участием китайских компаний. Пока общий объем инвестиций составляет 382,6 млн долл. и 360 млн юаней. Эти проекты в основном сосредоточены в сырьевой (нефтегазовой) отрасли (более половины всех проектов), транспортной сфере, телекоммуникационной отрасли, в легкой промышленности и сельском хозяйстве. На территории страны зарегистрировано 13 предприятий с участием китайского капитала, которые поставляют оборудование и

<sup>7</sup> Сюй Тункай. Чжунго юй Уцзыбэкэсытань цзинмао цянцзин гуанко (Широкие перспективы китайско-узбекского торгово-экономического сотрудничества) //Элосы Чжунъя Дуоу шичан. – 2006. – №4. – С.2.

<sup>8</sup> Лу Гань. Строительство зоны свободной торговли в рамках ШОС: значение в продвижении китайско-казахстанского сотрудничества. (Статья опубликована в сборнике материалов международного «круглого стола» «Казахстанско-китайское сотрудничество: состояние и перспективы». – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 26 сентября 2006 г.) Здесь статья используется по: Сайт АЦ «Разумные решения»

//<http://www.analitika.org/article.php?story=20070522000720900>

<sup>9</sup> Хайгуань тунцзы (Таможенная статистика). Пекин. 2006. № 12.

<sup>9</sup> Фроленков В.С. Экономический диалог «Китай-Центральная Азия» //Китай в мировой и региональной политике. Вып. XI. М., ИДВ РАН. 2006. С. 192, 205-207.

оказывают услуги в нефтегазовом секторе, в сфере транспорта, здравоохранении, оптово-розничной торговле и туризме. За последние 5 лет объем услуг китайских нефтегазовых компаний и поставок их оборудования составил 293 млн долл.<sup>10</sup>.

Непростым испытанием для *китайско-кыргызских отношений* стали так называемая «тюльпановая революция» 24–25 марта 2005 г. в Кыргызстане и свержение президента К.Бакиева 7-8 апреля 2010 г. Китайские эксперты, анализируя ситуацию, высказывали ряд опасений, связанных с китайско-кыргызскими отношениями, в том числе активизации трансграничного уйгурского сепаратизма, возможности изменения новым руководством КР отношения к участию в ШОС. В течение 2005–2008 гг. Китай значительно усилил свое торговое присутствие в Кыргызстане. Объем китайско-кыргызской торговли вырос с 97 млн долл. (2005 г.) до 3,7 млрд долл. (2007 г.)<sup>11</sup>. В настоящее время на Китай приходится почти 90% всего внешнего товарооборота Кыргызстана. Рост объемов китайско-кыргызской торговли отчасти объясняется реализацией Бишкеком в 2005–2006 гг. китайских (льготных) торговых кредитов. Пекин, стремясь наладить отношения с новым руководством Кыргызстана, увеличил кредитование кыргызского импорта. Создание же трансграничной зоны свободной торговли между КНР и Кыргызстаном еще более убыстрило процесс. Стоимость импорта КР из Китая в 32,3 раза превышает стоимость ее экспорта. Поскольку КНР и КР – члены ВТО, то доступ китайских товаров на рынки Кыргызстана более прост, чем в случае с другими странами ЦА. Экспорт в Китай включает текстильное сырье (преимущественно кожи и шерсть – около четверти), отходы переработки черных и цветных металлов (порядка 60%). А ассортимент кыргызского импорта состоит из машин и оборудования (около 6%), продовольственных товаров и иных наименований ширпотреба (примерно 85%)<sup>12</sup>.

Приоритеты *узбекского направления* политики КНР связаны со сферой как экономики (энергетический сектор Узбекистана), так и безопасности. Китайско-узбекские отношения после 2005 г. развивались на фоне трагических событий в Андижане. Россия и КНР поддержали действия узбекских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением «Акрамийя». Позицию Китая в поддержку И.Каримова эксперты связывали с желанием Пекина ограничить политическое влияние США в Узбекистане, а также с необходимостью оптимизации борьбы с исламским экстремизмом. После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс. Радикальный шаг президента И.Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента на двустороннем уровне. Принципиально важным в связи с этим был официальный визит 21–24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений, расширение торговли, китайских инвестиций, активизации совместной борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС.

Китай имеет серьезные экономические интересы в Узбекистане, обусловленные нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. Деятельность Поднебесной в 1990-е г. ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес РУ был ориентирован в основном

<sup>10</sup> Фроленков В.С. Экономический диалог «Китай-Центральная Азия» //Китай в мировой и региональной политике. Вып. XI. М., ИДВ РАН. 2006. С. 192, 205-207.

<sup>11</sup> Фроленков В.С. Современные торгово-экономические отношения....С. 83.

<sup>12</sup> Там же.

на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться: акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер, что признают и ведущие американские эксперты по региону<sup>13</sup>.

Торговля Китая с Узбекистаном достигла 972 млн долл. за 2006 г.<sup>14</sup>, что значительно ниже казахстанских и кыргызских показателей, а в 2007 г. она превысила 1 млрд долл. Имеется проект строительства газопровода из Узбекистана в Китай. Для этого компания «Узбекнефтегаз» проводит реконструкцию газопровода Мубарек – Янгиер – Андижан – Ош. Далее, с участием казахских и китайских компаний строится газопровод Ош – Кашгар. Мощность газопровода должна составить не менее 20 млрд куб. м в год<sup>15</sup>.

*Китай – Таджикистан.* В годы гражданской войны в Таджикистане (1993–1997 гг.) Китай, придерживаясь принципов мирного сосуществования и невмешательства во внутренние дела, не встал ни на чью сторону, ограничившись лишь оказанием республике гуманитарной и технической помощи. Товарооборот двух стран в 2005 г. составил 157 млн долл., в 2006 г. – 323 млн долл., в 2007 – 482 млн долл.<sup>16</sup>. Основные статьи экспорта Таджикистана в Китай – это сырье: алюминий, другие цветные и редкоземельные металлы, хлопковое волокно, а импорта из Китая – несложная продукция машиностроения, предметы широкого потребления. В рамках ШОС Таджикистан получил от Китая льготный кредит в 600 млн долл., который используется в основном на строительство ЛЭП-500 «Юг-Север» и ЛЭП-220 в Хатлонской области, а также на строительство тоннеля под перевалом Шар-Шар на дороге Душанбе-Куляб. Китай вносит существенный вклад и в поддержку таджикской легкой промышленности – хлопчатобумажного и шелкового производств<sup>17</sup>.

**Мамедова Н.М.**

**Зав. сектором Ирана ИДВ РАН**

### **Иран: интересы в ЦА и возможности влияния**

На протяжении последних десятилетий степень заинтересованности Ирана в отношении стран ЦА менялась, но при этом Иран всегда стремился занять лидирующие позиции в регионе, чередуя разные формы влияния – идеологические, культурные, экономические. Так как внешнеэкономические связи ИРИ были ориентированы на мировые рынки, экономическая заинтересованность Ирана в регионе с однотипной с Ираном экономикой в последние годы заметно снизилась. Однако усилившееся санкционное давление Запада на Иран, сокращение экономических связей до состояния фактической изоляции, ограничение политических контактов с Западом, повысили внимание Ирана к странам Центральной Азии. Это заметно и по заявлениям иранских руководителей, и по визитам высокопоставленных лиц. Но возможности экономического влияния Ирана в ЦА в настоящее время резко ограничены - из-за мирового кризиса, затронувшего также и Иран, но

<sup>13</sup> *Olcott Martha Brill*. The Central Asian States: An Overview of Five Years of Independence. Testimony Before Senate Foreign Relations Committee. Federal News Service. 22.07.1997.

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> *Верхотуров Д.* Китай оказывает поддержку Кыргызии // [www.asiainform.ru](http://www.asiainform.ru).

<sup>16</sup> *Мальшиева Д.* Россия-Узбекистан: от партнерства к союзу // <http://www.analitika.org/article.php?story=20051122035816975>.

<sup>17</sup> *Дубовицкий В.* Таджикистан–Китай: От настороженного отношения к стратегическому партнерству. 25.01.2007. // <http://www.ferghana.ru/article.php?id=4862>.

главным образом из-за санкций. Экономическое развитие замедлилось, разрабатывавшиеся в 2008-2010гг. планы по превращению страны к 2020г. в экономического регионального лидера мало реализуемы, конкурентоспособность на региональных рынках снижена.

Каковы же в этой ситуации интересы Ирана и его позиции в регионе?

1. Иран заинтересован в поиске тех ниш и тех проектов, которые не представляют значительного интереса для иностранных инвестиций, которые для всех стран ЦА стали важным фактором развития.

Иран не принимает сколько-нибудь значительного участия в добыче нефти и газа стран региона, здесь лидируют западные и американские компании, компании России, в последние годы в лидеры среди инвесторов стал успешно пробиваться Китай.

2. Но Иран весьма активен в такой отрасли ТЭК стран ЦА, как транспортировка нефти и газа через его территорию или через участие в проектах по выводу энергоносителей. Например, он ввел в эксплуатацию терминал сжиженного газа в порту (Туркмения). Для Ирана такое сотрудничество – это и способ выхода из международной изоляции. Однако возможности расширить свое участие в проектах по выводу энергоресурсов ограничены.

Во-первых, центральноазиатские государства, особенно Казахстан и Туркмения, в которых сильны позиции иностранного капитала в газо-нефтяной отрасли, не могут не учитывать наличие санкционного режима в отношении Ирана. Во-вторых, стремление стран ЦА - экспортеров нефти и газа с помощью Ирана ослабить свою зависимость от российской трубопроводной системы может привести к зависимости ЦА от Ирана с его сложными взаимоотношениями с Западом и странами Персидского залива.

3. Поставки через Иран нефти из Казахстана (как и России, возможно Туркмении) по схеме СВОП – не регулярны и не очень велики. (порядка 1 млн. т).

4. Практическое участие Ирана в трубопроводной системе ЦА пока невелико. Газопровод проведен Ираном в Туркмению (уже к двум месторождениям). Иран, безусловно, заинтересован в выводе своих ресурсов через трубопроводы на региональные рынки. Но не меньше он заинтересован в том, чтобы участие в международных системах, прокладка трубопроводов по его территории обеспечивали определенные гарантии его безопасности, особенно в современной ситуации, не исключающей военного разрешения ядерной программы. Представляется, что для Ирана выгоды от уменьшения от изолированности, от снижения вероятности силового решения ядерной программы, от повышения уровня безопасности перевешивают экономические интересы.

Для стран, связанных трубопроводами с Ираном, ситуация обратная. Иранские газопроводы в Туркмению, в Армению, в Турцию выгодны этим странам не менее, а более, чем Ирану. Они не только продают (как Туркмения) или получают (как Турция и Армения, и еще Нахичевань) нужный им газ, но и стали себя вести более независимо в вопросах цен на рынке газа, особенно в отношениях с Россией.

5. Иран стремится расширять сотрудничество в области электроэнергетики – через участие в строительстве электростанций, в транспортировке электроэнергии, в создании единой энергосистемы региона. В этом отношении позиции Ирана могут быть более прочными, т.к. эта отрасль пока не попала под санкционный режим. Для стран ЦА проблема энергетической безопасности является весьма острой, особенно для стран с большим потенциалом гидроресурсов, например, для Киргизии и Таджикистана. Таджикистан остро нуждается в поставках электроэнергии, в завершении строительства, в т.ч. с помощью иранских компаний, Сангтудинской ГЭС, Шуробской ГЭС на Вахше, «Айни» на Зеравшане. Возможно, что после пуска Рогунской ГЭС ситуация изменится, но пока она остается острой и Иран на этом рынке достаточно конкурентоспособен.



6. Иран может и использует крайнюю заинтересованность стран ЦА в создании транспортной системы, позволяющей им преодолеть свою изолированность от морских путей. Поэтому он предлагает проекты по расширению своей сети дорог (шоссе и железнодородных) и соединению их с соседними странами, по строительству дорог в соседних странах, например, в Афганистане. Соединены дороги с Туркменией. Ираном построена железная дорога в Афганистане, разработан проект соединения через Афганистан дороги с Таджикистаном. Иран строит туннель, соединяющий Душанбе с севером. Казалось бы, объективно все страны Центральной Азии должны быть заинтересованы в этих проектах, предлагаемых Ираном на двухсторонней основе, на основе соглашений с несколькими странами или в рамках ОЭС, так как использование развитой иранской транспортной системы дает этим странам выход к портам Персидского залива.

Но и здесь для Ирана все очень сложно. Лоббируемый Ираном проект строительства железной дороги вдоль Каспийского моря, который еще совсем недавно одобряли страны ЦА, в настоящее время фактически заморожен. Последние события, связанные с отказом Туркмении от услуг иранской компании по строительству железной дороги вдоль Каспийского моря, позволяют предположить, что причина – не в возможностях «Парс Энерджи», а в давлении на Туркмению других стран. Туркменистан и Узбекистан заявили о своем интересе к проекту железной дороги в обход Ирана - из Азербайджана в Карс, дающей выход к Черному морю.

Представляется, что именно участие Ирана в этих масштабных проектах, в которых он заинтересован политически и экономически, усиливает и его заинтересованность в стабильности региона.

7. Экономическое влияние Ирана на страны ЦА через внешнюю торговлю невелико из-за однотипности экономик. Но в настоящее время, когда для Ирана как никогда, стала актуальной задача увеличить свой не нефтяной экспорт, можно ожидать расширения внешнеэкономических связей, в т.ч. и за счет продукции иранского ВПК. (Основные объемы торговли Ирана со странами ЦА приходятся на двухсторонние отношения, на Организацию экономического развития приходится не более 5% иранского оборота).

8.Общей для региона является Каспийская проблема, имеющая разные аспекты. Для Ирана – это, прежде всего, проблема безопасности, т.к. на этом и туркменском участке иранской границы нет американских войск или войск НАТО. Претензии Ирана на больший процент акватории, на данный момент, определяются не экономическими причинами (в виде претензий на спорные месторождения), а скорее всего, являются поводом затянуть решение правового статуса моря и не допустить присутствия в нем военных сил третьих стран

9. Иран в меньшей степени втянут в решение обостряющейся проблемы распределения трансграничных вод. Непосредственно он связан в этом отношении с Афганистаном, а со странами ЦА – опосредованно, через строительство гидротехнических сооружений в Таджикистане.

10. Культурно-идеологический аспект во взаимоотношениях Ирана со странами Центральной Азии являлся и до сих пор является преобладающим. В последние двадцать лет Иран использовал для расширения своего влияния, главным образом, такой компонент как общее историческое и культурное прошлое. Во всех странах региона, включая Афганистан, созданы и активно работают культурные иранские центры, им активно помогает такой исламский иранский фонд как Комитет имама Хомейни. Выдвинута идея союза ираноязычных стран (Иран, Таджикистан, Афганистан), руководители этих стран встречаются в рамках такого союза, и хотя практически заметных результатов нет, определенный политический эффект от таких встреч достигается: Иран демонстрирует свое участие в политическом региональном диалоге, хотя Таджикистан и Афганистан надеются получить большие объемы помощи от Запада.

Идеологическая экспансия ИРИ в виде идей экспорта исламской революции, которая была так актуальна в первые после революции годы, сошла на нет. Никакой практической деятельности по их реализации Иран в отношении ЦА не предпринимал, более того, опыт по урегулированию войны в Таджикистане, по отношению к талибам в Афганистане показал, что Иран всячески пытался снизить накал экстремизма, обеспечить спокойствие на своих границах. Конечно, религиозное влияние Ирана на исламские движения в странах ЦА сильно ограничено отличием в мазхабах, хотя Иран постоянно подчеркивает необходимость единства в рамках общей мусульманской уммы.

Однако нельзя исключать и другого варианта, когда вытесняемый из всех экономических проектов, загнанный в угол, Иран вновь может попытаться использовать исламский фактор, поддерживая оппозиционные светским режимам стран региона движения. Да и через свои культурные центры Иран активно распространяет труды не столько классиков своей литературы, сколько труды исламских идеологов, открывает религиозные школы, оплачивает обучение студентов из ЦА в университетах и медресе Ирана. Да и опыт связей с исламскими суннитскими организациями у него есть, достаточно вспомнить его взаимоотношения с Хамас. В 90-е годы поддерживались отношения с ИДУ. В иранском Хорасане, по некоторым данным, остались еще с 90-х годов лагерь для семей членов ИДУ. Степень идеологического воздействия во многом будет зависеть от результатов президентских выборов в Иране в 2013г.

\*\*\*

Однако в целом для Ирана ЦА – это, главным образом, возможность снизить политическую изоляцию. Он не ведет борьбу за ресурсы, за изменение границ. Он не является конкурентом ни России, ни Китаю. Объективно оценивает претензии Казахстана на лидерство в регионе. И его влияние на регион до сих пор было в значительной мере стабилизирующим. Его поддержка исламских движений не выходила на уровень их официальной государственной поддержки, на уровень конфронтации с государственной властью стран Центральной Азии.

Низкий уровень экономической, военной (военный договор заключен лишь с Таджикистаном) и политической взаимозависимости позволяет предположить, что в случае военного решения иранской ядерной программы официальной поддержки от стран ЦА он не получит. Но нужно учитывать, что исламские настроения в регионе чрезвычайно сильны, несмотря на светский характер власти в странах ЦА. Нельзя не учитывать и того, что характерная для режимов стран ЦА клановая экономика, теснейшая связь правящих кланов с компаниями США и Европы, также подогревает исламские оппозиционные настроения. Потенциал социального взрыва значителен. Поэтому в случае военного решения его ядерной проблемы можно прогнозировать помощь Ирану через добровольческие исламские отряды, через исламские организации, несмотря на разницу в мазхабах, забываемую при агрессии на мусульманскую страну, а главное – очередной всплеск исламских экстремистских настроений.

*Лаумулин М.Т.*

*Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан*

### **Политика США и ЕС в Центральной Азии (сравнительный анализ)**

6 ноября 2012 г. действующий президент США от Демократической партии Барак Обама одержал победу на выборах и добился права на второй срок правления.

В ближайшие годы Центральная Азия будет представлять интерес для Соединенных Штатов как транзитный регион для вывода войск и техники из Афганистана (а также в качестве потенциальных клиентов для покупки или аренды американской техники из Афганистана). В случае обострения политических и стратегических отношений между США и КНР, ценность Центральной Азии как доступ к тылу Китая, для Соединенных Штатов резко возрастет.

На политику Б.Обамы в Центральной Азии до 2017 года могут повлиять следующие факторы (помимо афганского и китайского): усиление исламского радикализма и терроризма, крупномасштабный и затяжной конфликт с Ираном, чрезмерное сближение с Россией в рамках курса В.Путина по реинтеграции постсоветского пространства, непредсказуемая смена власти в некоторых центральноазиатских государствах.

#### *Принципы, методы и задачи центральноазиатской политики Б. Обамы*

В традиционных подходах США к Центральной Азии выделяются три подхода: «сбалансированное укрепление», «прежде всего демократия», «прежде всего безопасность».<sup>18</sup>

Принцип «сбалансированного укрепления», несомненно, пользуется поддержкой новой администрации. Он состоит в том, что США должны придерживаться курса на сбалансированную реализацию всех своих стратегических целей (политика, демократия и энергоресурсы), проводить в жизнь многомерный подход, направленный одновременно на решение проблем безопасности, демократии и экономических интересов

Принцип «прежде всего демократия» согласуется с официальными утверждениями о том, что война с терроризмом и демократия – цели, отнюдь не взаимоисключающие. Приверженцы этого принципа критикуют центральноазиатскую политику Вашингтона за другое – за то, что слова его расходятся с делом: на словах демократии поют дифирамбы, а в практической плоскости ее приносят в жертву интересам безопасности. Сторонники принципа «прежде всего демократия» полагают, что акцент американской администрации на таких проблемах безопасности, как война с терроризмом, посылает лидерам государств Центральной Азии неверный сигнал и дает им основания считать, что умеренность Белого дома в поддержке политических и экономических реформ в этих странах – награда за их поддержку войны США с терроризмом. Таким образом, лидеры этих стран могут счесть американскую поддержку дела демократии и прав человека вопросом отдаленного будущего.

Сторонники принципа «прежде всего безопасность» решительно не согласны с принципом «прежде всего демократия». Они признают большое значение демократических реформ для стабильности в Центральной Азии и для реализации американских интересов в этом регионе, но не считают, что в настоящее время Соединенным Штатам целесообразно сосредоточить основные усилия и ресурсы на утверждении демократии в странах ЦА. Напротив, они считают, что Вашингтону следует умерить риторику о демократии, постараться лучше понять сложную ситуацию в странах региона и сотрудничать с ними в борьбе против терроризма во имя национальных интересов и долгосрочных стратегических целей США. В силу особого

---

<sup>18</sup> См.: Гуан Тянь Р. От внутреннего к внешнему: угрозы для политики США в государствах Центральной Азии. - //Центральная Азия и Кавказ. - 2009. - № 2. - С.103-117.

геополитического положения Центральной Азии в ней пересекаются интересы крупных держав, что серьезно осложняет положение в регионе. При таких обстоятельствах США следует проявлять осторожность в своем содействии демократии в Центральной Азии.

Что же касается политики США в Центральной Азии в области политической и экономической либерализации, защиты прав человека, то она, похоже, не претерпевает значительных изменений. Так, опубликованный 11 марта 2010 года Госдепартаментом США ежегодный доклад о соблюдении гражданских, экономических и политических прав человека определяет Узбекистан среди стран, в которых существует наиболее тяжелая ситуация с правами человека (особо отмечается использование детского труда, установление жесткого контроля над СМИ, дальнейшее усиление авторитаризма).

Управление политическими рисками в связи с поставками углеводородов, как и в связи с размещением прямых инвестиций за рубежом, всегда рассматривались одним из приоритетов американской внешней политики и были частью внешнеэкономической стратегии США. На юбилейном саммите НАТО 2009 года в Страсбурге члены Альянса решили, что «энергетическая безопасность» является одним из приоритетов НАТО. Это привело к созданию сил быстрого реагирования в Каспийском регионе («Каспийский страж» под эгидой НАТО), а ранее к появлению в 2008 году должности посла по энергетическим вопросам в Госдепартаменте США. Представляется, что применительно к региону ЦА данные внешнеполитические инициативы можно рассматривать как попытку объединить ключевые политические и экономические (энергетические) интересы США в Центральной Азии.

Как считают разработчики центральноазиатской политики в администрации Б. Обамы, в новой ситуации США необходимо преодолеть внутренние структурные противоречия своей политики, и решить три важнейшие проблемы. Первая – опасения и недоверие самих государств Центральной Азии по отношению к усилиям США по установлению демократии в республиках региона. В связи с этим представляется, что, прежде чем начать проводить в жизнь свою центральноазиатскую политику, Белому дому следовало бы укрепить контакты с правительствами стран региона, чтобы улучшить свой имидж в этих странах. Второй вызов политике США – Россия, которая не согласна с политикой США и будет ей противодействовать; третий – Афганистан.<sup>19</sup>

В целом американские эксперты скептически оценивают перспективы реализации концепции «Большой Центральной Азии» (БЦА), оставленной Б. Обаме в наследство администрацией Дж. Буша-мл. Тем не менее, эта концепция остается в арсенале внешней политики и нынешней администрации. Однако складывается впечатление, что советники Обамы игнорируют тот факт, что без наличия крепких горизонтальных связей, учитывая специфику политической культуры стран региона, ускоренная глобализация (в т.ч. в рамках БЦА) может спровоцировать дестабилизацию.<sup>20</sup>

<sup>19</sup> Файзуллаев Д.А. США - Центральная Азия: перевалочный пункт или плацдарм? - // *Азия и Африка сегодня*. - 2010. - № 1. - С 9-14.

<sup>20</sup> О проекте БЦА см.: Гуан Тянь Р. От Центральной Азии к Большой Центральной Азии: цели и корректировки стратегии США в Центральной Азии. - // *Центральная Азия и Кавказ*. - 2009. - № 3. - С.68-84. Кукеева Ф.Т. Проект «Большая Центральная Азия»: оценка идеи. - // *Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: состояние, проблемы, перспективы*. - Алматы: ИМЭП, 2008. - С. 9-18. Саидмуратов А., Пусева Е. Концепция Большой Центральной Азии во внешней политике США в Центрально-Азиатском регионе. - // *Центральная Азия и Кавказ*. - 2010. - № 3. - С.118-125. Старр Ф.С. В защиту Большой Центральной Азии. - // *Казахстан-Спектр*. (Алматы, КИСИ). - 2008. - № 4. - С.15-26. Тулепбергенова Г. Проект Большой Центральной Азии: анализ состояния и эволюция. - // *Центральная Азия и Кавказ*. - 2009. - № 1. - С.85-97. Starr S.F. In Defense of Greater Central Asia. - Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program – A Joint Transatlantic Research and Policy Center Johns Hopkins University-SAIS, 2008. - 18 p. Tulepbergenova G. The Greater Central Asia Project: Present State and Evolution. - // *Central Asia's Affairs* (Almaty, KazISS). - 2009. - № 2. - P.5-10.

Проблемы, с которыми сегодня сталкиваются США в реализации проекта БЦА, выводят ее практическую реализацию на средне- и долгосрочную перспективу. В обозримой перспективе содержание инициатив США в регионе будет реализовываться на основе существующих двусторонних договоренностей и проектов с государствами ЦА.

Что касается взаимосвязи проектов «Большой Ближний Восток» и «Большая Центральная Азия», то их реализация зависит от того, насколько успешно будет осуществляться политика Вашингтона на Ближнем Востоке, а также от развития ситуации в Афганистане. Учитывая последние события на Ближнем Востоке, можно говорить о том, что в среднесрочной перспективе США не оставили попыток реализовать эти «мегапроекты». Таким образом, интеграция Центральной Азии как единого региона в Евро-атлантическое пространство остается на повестке дня американской стратегии в долгосрочной перспективе.

В целом проект БЦА – лишь часть стратегического планирования Вашингтона, нацеленного на трансформацию всей Евразии в масштабное подконтрольное геоэкономическое пространство, включающее в себя регион Каспия, Центральную Азию, Средний Восток и Южную Азию. Тем самым в рамках стратегического планирования США теоретически могут быть заложены перспективы создания на юге «санитарного кордона» по периметру границ России и Китая, а геополитическое поле участников региональной конкуренции расширено в интересах Белого дома.

В качестве главных направлений корректировки политики США в регионе предполагаются

- восстановление ряда должностей и подразделений в администрации и создание департамента Южной и Центральной Азии;
- попытка интегрировать Центральную и Южную Азию с упором на роль Афганистана, с тем, чтобы сформировать «Большую Центральную Азию»;
- планы относительно транспортного коридора «Север-Юг» для диверсификации экспорта энергоресурсов из Центральной Азии;
- применение разного (с точки зрения стратегии) подхода к разным странам региона, чтобы превратить Республику Казахстан в «коридор реформ» и «регионального лидера»;
- больше, чем прежде, акцентировать внимание на роль просвещения и неправительственных организаций в продвижении демократии в ЦА с целью ослабить опасения, связанные с политикой продвижения демократии в регионе.

В регионе Центральной Азии, считают американские аналитики, действуют противоположные факторы: каждая из стран стремится преодолеть собственные внутренние трудности – США пытаются усилить свое влияние, а Россия налагает ограничения. Многие государства Центральной Азии можно «просто купить», одни ведут свою игру, а другие твердо решили ждать разрешения Москвы на подобную сделку с США. Какие бы соглашения ни заключил Вашингтон – о транзите через Каспийское море или непосредственно по российской территории, доступ в Афганистан с севера невозможно получить без договоренности хотя бы с одним государством Центральной Азии.

Прежняя американская администрация пока не заявляла, что ее политика в странах Центральной Азии требует серьезной коррекции. Однако, осознание допущенных ошибок требует этого. Американские эксперты выделяют три серьезные ошибки в политике США в Центральной Азии: при решении проблем государств региона США даже не пытались согласовать позиции различных государственных ведомств; Вашингтону не доставало понимания специфики стран и народов ЦА и региона в целом; США даже не пытались скоординировать свои усилия с действиями других внешних акторов.

После прихода к власти администрации демократов во главе с Б. Обамой ожидалось, что

Вашингтон начнет активно пересматривать свою стратегию в Центральной Азии, в частности – откажется от концепции «Большой Центральной Азии». Тем более, что продолжение войны в Афганистане делало необходимым использование транспортных путей, проходящих через Центральную Азию.

Для оснащения своей группировки в Афганистане Вашингтону нужен надежный маршрут через территорию стран СНГ, поскольку транзит грузов в связи с политической нестабильностью в Пакистане и осложнением отношений между Исламабадом и Дели становится практически невозможным с точки зрения безопасности. На сегодняшний день в связи с масштабными планами администрации Обамы речь идет о еще большем расширении американского военного присутствия в центральноазиатских странах, которые, как ожидается, будут играть жизненно важную роль в поддержке операций в Афганистане.

Планы США по Афганистану усилили в ряде стран ЦА ожидания значительного увеличения американской помощи и инвестиций. Но сохранялись опасения относительно того, что Вашингтон использует антитеррористическую операцию для укоренения своей военной группировки в Центральной Азии, так как он это уже делал в 2001-2002 годах.

Другой проблемой американской политики в регионе, которая нуждается в корректировке со стороны администрации Б. Обамы, является отношение США к ОДКБ. Белый дом считает, будто ОДКБ подконтрольна России и установить отношения с нею – значит признать эту организацию как законного члена международного сообщества. Таким образом, Вашингтону необходимо хотя бы на минимальном уровне поддерживать контакты с РФ по важнейшим проблемам, возникающим в странах ЦА. Это ускорило бы развитие отношений со странами региона и дало понять Москве, что на самом деле Вашингтон отнюдь не стремится, не считаясь ни с кем другим, преследовать свои интересы.

В Москве считают, что проблемы с размещением и функционированием российских военных объектов в Киргизии и Таджикистане создают некоторые проамериканские политики этих стран. В Киргизии таким политиком считается президент Р. Отунбаева, в Таджикистане – глава МИД Х. Зарифи.

Можно было предположить, как будет строиться политика Б. Обамы в регионе. Очевидно, что должна быть предпринята попытка устранить прежние изъяны в центральноазиатской политики Вашингтона. В первую очередь это относится к усилению координации различных ведомств (Госдепа и Пентагона).

Но в целом администрация Б. Обамы получила в наследство от своих предшественников достаточно мощную базу для осуществления глубокого и регулярного влияния с позиции т.н. «мягкой силы». Имеются в виду разнообразные фонды и их отделения, информационные и культурные центры, американские «уголки» и советы и т.д. Всего таких ресурсных центров США в регионе насчитывается: в Казахстане – 22, в Киргизстане – 15, в Таджикистане – 9, в Туркменистане – 5 и в Узбекистане – 1 (кроме того, радиостанция «Голос Америки» вещает на узбекском языке).<sup>21</sup>

Однако, как выяснилось, у администрации Б. Обамы не было четкой концепции своей политики в регионе. Все интересы США в ЦА сосредоточены прежде всего вокруг военной операции в Афганистане. Значимость региона для администрации вытекает из возможности обеспечивать транзит военных грузов для коалиционных войск США и НАТО в этой стране. В апреле 2010 года внимание Б. Обамы было привлечено к региону в связи с событиями в Киргизстане. Белый дом занял позицию, которая подразумевала ответственность за стабильность в этой республике и в регионе в целом таких стран как Россия (лидер ОДКБ) и Казахстан (председатель ОБСЕ).

---

<sup>21</sup> Фоминых А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии. - // *Центральная Азия и Кавказ*. - 2010. - № 3. - С.73-86.

Относительно сотрудничества США (совместно с ЕС) с государствами Центральной Азии в сфере энергетики – эта задача остается приоритетной и для нового хозяина Белого дома. Ставка будет делаться на дальнейшую «американизацию» Каспия и переориентацию потоков каспийских нефтегазовых ресурсов в европейском направлении. США вместе со своими партнерами в ЕС будут и дальше прилагать усилия к тому, чтобы магистральные нефте- и газопроводы прокладывались из этого региона на европейские рынки в обход российской территории.<sup>22</sup>

В марте 2011 года цели и задачи политики США в ЦА изложила помощника госсекретаря США по вопросам Центральной Азии С. Эллиотт. По ее словам, частью американской политики в Центральной Азии являются ежегодные консультации с каждой из стран региона. Одним из аспектов, которые американская сторона обязательно обсуждает, является свобода СМИ, вероисповедания или политических собраний. Вашингтон старается убедить власти в этих странах, что им необходимо создавать экономические и политические возможности для молодежи (с учетом происходящего на Ближнем Востоке).

США не хотели бы подойти к той точке, где бы им пришлось выбирать между нынешними лидерами или силами революции, свергающими правительства. США будут выступать против того, чтобы власти в Центральной Азии попытались «закрутить гайки и ограничивать свободы».<sup>23</sup>

Кроме того, в своей стратегии в ЦА США вынуждены учитывать китайский фактор. В марте 2011 года заместитель госсекретаря США Роберт Блейк, курирующий отношения с Центральной Азией, посетил Китай. США и КНР обсуждали, каковы цели Америки в регионе и чего хочет Пекин. КНР прокладывает трубопроводы из региона, Центральная Азия является важным рынком для китайской продукции, а три страны ЦА граничат с КНР. Таким образом, Вашингтон изучает возможности сотрудничества с Китаем в регионе. С другой стороны, Соединенным Штатам очень бы хотелось, чтобы Китай активнее участвовал в восстановлении Афганистана.

Хотя из-за глобального финансового кризиса и падения мировых цен на энергоносители можно ожидать свертывания ряда лоббируемых США энергетических проектов на Каспии, этот регион, включающий в себя и ЦА, неизбежно останется ареной конкурентной борьбы с Россией за сферы влияния.

Тем не менее, наблюдается совпадение интересов США и РФ в регионе. Политическая дестабилизация будет иметь негативные последствия для США и их глобальной стратегии. Для Российской Федерации как региональной державы возникнет масштабная угроза дестабилизации ее южных рубежей.

Как считают некоторые эксперты, Соединенным Штатам вскоре придется выбирать между следующими альтернативами: 1) трубопроводы из Казахстана в обход России; 2) транспортные пути доставки углеводородов в обход Ирана; 3) проекты в области транспортировки энергоресурсов, которые будут ограничивать доступ КНР к ресурсам Центральной Азии. Очевидно, что невозможно следовать всем трем направлениям сразу. В среднесрочной перспективе США могут сделать ставку на российские проекты транспортировки.

В своих отношениях с Россией по поводу Центральной Азии США могут использовать следующий прием: убедить Москву, что регионализация, а в долгосрочной перспективе демократизация и экономическая либерализация есть единственная альтернатива «исламизации» или попаданию региона ЦА в орбиту влияния КНР.

---

<sup>22</sup> Жильцов С.С., Зонн И.С. США в погоне за Каспием. - М: Международные отношения, 2009. - 200 с.

<sup>23</sup> Bohr A. Central Asia: Responding to the Multi-Vectoring Game // America and a Changed World: A Question of Leadership. – London: RIIA, 2010, pp. 109-124.

С момента распада СССР Центральная Азия (как и все постсоветское пространство) – это часть «политической Европы», т.е. регион, входящий в сферу геостратегических интересов ЕС. Основанием для подобного подхода в первую очередь (но не только) является принадлежность всех постсоветских государств к ОБСЕ.

В первой половине 2007 года Германия в порядке очередности заняла пост председателя Совета ЕС. Одной из основных задач в повестке дня ее председательства стал пересмотр и переформулирование политики Евросоюза в Центральной Азии.<sup>24</sup> В июне 2007 года Совет ЕС принял новый Стратегический документ по Центральной Азии, подготовленный в основном германской стороной. Он отражает недостатки и положительные стороны европейской политики в регионе. Согласно документу, подготовленному 31 мая 2007 года и получившему название «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» и рассчитанному на период 2007-2013 гг. цели ЕС в регионе состоят в следующем: 1) обеспечить стабильность и безопасность его стран; 2) содействовать сокращению бедности и повышению жизненного уровня в контексте «Целей развития тысячелетия»; 3) всячески содействовать региональному сотрудничеству как между государствами самой Центральной Азии, так и между этими государствами и ЕС, особенно в сфере энергообеспечения, транспорта, высшего образования и защиты окружающей среды.<sup>25</sup>

Стратегические цели ЕС и практические задачи их достижения сформулированы следующим образом:

- 1) Следует со всей серьезностью отнестись к угрозе исламского радикализма и оказать государствам региона, особенно Узбекистану, помощь в укреплении их правоохранительных органов и в осуществлении радикальных реформ всей системы безопасности;
- 2) Необходимо уделить значительно больше внимания Афганистану и его роли в экономике и безопасности республик ЦА, в то время как трансконтинентальная торговля должна развиваться по всем направлениям, а не только в направлении России и Европы;
- 3) Турция могла бы стать критическим связующим звеном, посредством которого у Европы появилась бы возможность оказывать влияние на процессы в Центральной Азии, и сотрудничество с Анкарой по этим вопросам должно резко усилиться;
- 4) Необходимо укреплять сотрудничество с реформистскими силами в правительствах и парламентах государств Центральной Азии.

В настоящее время европейские эксперты пришли к выводу, что вероятность провала центральноазиатской стратегии ЕС по многим пунктам документа вполне реальна. В настоящее время в Брюсселе склоняются к тому, что оценивать эффективность стратегии слишком рано и нужно запастись терпением, поскольку для достижения заметных результатов и укрепления взаимного доверия потребуется гораздо больше времени.<sup>26</sup>

Примечательно, что европейские политики искренне считают, что установление стабильных демократических и светских режимов в странах Центральной Азии и Южного Кавказа позволит создать своего рода «пояс безопасности», отделяющий Европу от нестабильных регионов исламского мира. В целом, среди европейских аналитиков нет однозначного мнения о том, насколько действительно Центральная Азия важна для Евросоюза. Конечно, страны

<sup>24</sup> Туякбаева А.Б. Политика Германии в Центральной Азии. – Алматы: КазНУ, 2009. – 137 с. (на каз. яз.)

<sup>25</sup> О предыстории вопроса см.: Эшмент Б. Региональная интеграция в Центральной Азии: взгляд из Европы // Центральная Азия: состояние и перспективы регионального взаимодействия. Материалы 6-й Алматинской международной конференции по безопасности. – Алматы: КИСИ, 2008. – С. 19-24.

<sup>26</sup> Стратегия Европейского Союза для Центральной Азии. Три года спустя. – Алматы: ФФЭ, 2010. – 243 с. EU-Strategie für Zentralasien. Drei Jahre danach. – Almaty: FES, 2010. – 243 S.



ЕС активно поддерживают участие своих компаний, прежде всего энергетических, в разработке ресурсов региона, чтобы обеспечить бесперебойные поставки нефти и газа из республик ЦА.<sup>27</sup>

Фактически, Евросоюз не добился практически ни одной из своих стратегических целей, поставленных еще в 1990-е годы: бедность не устранена; сопротивление реформам не сломлено; положение с правами человека и уровень демократии остались на прежнем уровне; энергетические интересы ЕС не защищены. В сфере безопасности ЕС также топчется на одном месте. Как считают сами европейские аналитики, в сфере безопасности ЕС должен, наконец, выступать в качестве серьезной силы, а не в образе «беззубого бумажного тигра»; в энергетической политике Европа должна вести себя более самоуверенно; а области демократии ей следует проявлять больше реализма.<sup>28</sup> Кроме того, ЕС мог бы теснее координировать свою стратегию с другими интернациональными акторами, в частности с НАТО и ОБСЕ.<sup>29</sup>

Основной изъян в стратегии и практической реализации политики ЕС в Центральной Азии видят в отсутствии на концептуальном уровне единого европейского подхода и скоординированной единой политики ЕС, хотя бы на уровне крупных держав. Вместо этого мы видим спорадические попытки Берлина оформить стратегические интересы ЕС и выработать некое подобие единой политики, но делает это Германия на основе собственных интересов, которые выдает за общеевропейские.

Говоря о тактике и стратегии Казахстана и других стран Центральной Азии в отношении ЕС, следует исходить из понимания природы заинтересованности Европы в сотрудничестве с регионом и общности интересов ЕС и ЦА. Понятно, что Центральная Азия интересует Евросоюз прежде всего в качестве стабильного источника природных ресурсов. В тоже время Брюссель заинтересован в распространении своих нормативных ценностей на наш регион. С другой стороны, европейские государства, как члены НАТО, играют немаловажную роль в борьбе с угрозами, исходящими из Афганистана. Кроме того, ЕС не приветствует доминирующую роль США в Евразии и склонен считаться с ролью России в регионе. В последнее время эксперты говорят о том, что именно Евросоюз способен сыграть в будущем роль противовеса (поскольку Россия самоустранилась) растущему доминированию Китая в Центральной Азии. Все эти факторы следует учитывать при формировании позиции стран ЦА в отношении ЕС.<sup>30</sup>

Очевидно, что на отношения Европейского Союза и Центральной Азии в ближайшее время будут влиять геополитические факторы и геоэкономическая ситуация. К ним можно отнести следующие: новую стратегию США в Центральной Азии, неясность перспектив развития

<sup>27</sup> Болгова И. В. Политика ЕС в Закавказье и Центральной Азии. Истоки и становление. - М.: Навона, 2008. - 184 с. Лаумулин М.Т. Стратегия Европейского Союза в Центральной Азии: основные этапы и цели // Казахстан в глобальных процессах (Алматы, ИМЭП). 2009. № 2. С.72-85. Малышева Д. Центральная Азия и Европейский Союз // *Россия и новые государства Евразии* (ИМЭМО). 2010. № II. С. 24-34. Salvagni L.A. Quel role pour l'Union européenne en Asie centrale? // *Le Courrier des Pays de l'Est*. 2006. No 1057, pp. 17-29. Peyrouse S. Business and Trade Relationships between the EU and Central Asia, EUCAM Working Paper No. 1, June 2009. – Bruxelles: EUCAM, 2009. – 16 p.

<sup>28</sup> Akiner Sh. Partnership Not Mentorship: Re-appraising the Relationship Between the EU and the Central Asian States // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. No. 4, pp. 17-40. Pedro Nicolás de. The EU in Central Asia: Incentives and Constraints for Greater Engagement // *Great Powers and Regional Integration in Central Asia: a local Perspective*. Eds. By M.Esteban and N.de Pedro. – Madrid: Exlibris Ediciones, 2009, pp. 113-135.

<sup>29</sup> Исаев К. Актуальные вопросы взаимодействия ЕС с государствами Центральной Азии в контексте председательства Казахстана в ОБСЕ // *Analytic* (КИСИ). 2009. № 2. С. 5-8. Isayev K. Current Issues of Interaction between the EU and Central Asian Countries in the Context of Kazakhstan's Chairing of the OSCE // *Central Asia's Affairs* (Almaty, KazISS). 2009. No 2, pp. 3-4.

<sup>30</sup> Laumulin M.T. The EU and Central Asia: the View from Central Asia // *Central Asia's Affairs* (Almaty, KazISS). 2009. No 4., pp.20-24. Laumulin M.T. Central Asia in the foreign Policy Strategy of the European Union // *New Europe* (Brussels). Special Report: Kazakhstan. 2010. No 878, pp. 20-21.

военно-стратегической ситуации в Афганистане, состояние отношений между Россией и Западом, мировой экономический кризис, возросшее значение энергетических ресурсов и продовольственной безопасности. Эти факторы могут оказать как динамичное и позитивное влияние на развитие отношений между Европой и Центральной Азией, так и негативно сказаться на их дальнейшей судьбе. Представляется, многое будет зависеть от политической воли самих акторов этой сложной геополитической ситуации. Но нет никаких сомнений, что существует объективная взаимная заинтересованность Европы и Центральной Азии друг в друге.

### *Пересмотр центральноазиатской евростратегии*

Ведущие европейские эксперты по ЦА представили два типа рекомендаций для Евросоюза: общие стратегические и более узконаправленные технические рекомендации.<sup>31</sup>

Они признают, что в отношении Центральной Азии для ЕС особенно актуальны вопросы безопасности: собственная энергетическая безопасность и как следствие необходимость диверсификации энергетических поставок, а также афганский вопрос. Эксперты не согласны с утверждением, что интересы ЕС в Центральной Азии находятся в конфликте с моральными ценностями Евросоюза, т.к. страны региона функционируют не на основе декларируемых Евросоюзом методов управления. В сложившейся ситуации для ЕС существует два выхода: либо пожертвовать некоторыми из своих принципов, либо попытаться адаптироваться к сложным политическим условиям в Центральной Азии с целью сделать свои методы работы более реалистичными и эффективными.

Особое внимание заслуживает в планах Евросоюза сотрудничество с Казахстаном, ключевой страной в регионе, которая также ставит перед собой задачи укрепления связей с ЕС, документально закрепленные в стратегической программе «Путь в Европу». Председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году, европейское направление многовекторной внешней политики Казахстана открывает возможности для большей экономической и политической конвергенции с ЕС, в частности, путем укрепления отношений с Советом Европы. Ответом на озвученный Казахстаном курс на дальнейшее сближение с Евросоюзом послужило согласие Брюсселя качественно обновить двустороннее соглашение о партнерстве и сотрудничестве, которое в данный момент находится на стадии переговоров.

В то же время Евросоюз намерен неизменно подчеркивать, что в обмен от Астаны ожидают серьезных политических решений и перемен. В случае если такой подход окажется успешным, по мнению ЕС, это может оказать позитивное влияние на весь Центрально-Азиатский регион и стать большим стратегическим достижением, в частности, способствовать прорыву в отношениях ЕС и Узбекистана.

Концепция регионального сотрудничества, применяемая ЕС в Центральной Азии, должна быть пересмотрена. ЕС стоит обратить более пристальное внимание на те возможности, которые открывает сотрудничество государств Центральной Азии со странами-соседями, находящимися за пределами региона (Восточная Европа, Россия, Китай и Южная Азия), там, где у ЕС имеются особые геополитические интересы (к примеру, в сфере энергетики, транспорта и безопасности). На практике ЕС уже применяет концепцию более открытого регионализма, но, в основном, через проекты, связывающие Центральную Азию и инициативу «Восточное партнерство».

В дальнейшем, по мнению стратегов Евросоюза, это может способствовать возникновению общей евразийской политической стратегии, призванной заменить собой ряд существующих

---

<sup>31</sup> Эмерсон М., Бунстра Х., Хасанова Н., Лярюэль М., Пейруз С. К Евразии: мониторинг стратегии ЕС в Центральной Азии. – Brussels: CEPS, Madrid: FRIDE, 2010. – IV+172 pp. Emerson M., Boonstra J., Hasanova N., Laruelle M., Peyrouse S. Into Eurasia: Monitoring the EU's Central Asia Strategy. Report of the EUCAM Project. – Brussels: CEPS, Madrid: FRIDE, 2010. – III+143 pp.

на данный момент раздробленных элементов европейской региональной политики добрососедства. Евразийская концепция, которая учитывала бы все основные политические силы континента, отлично вписывается в идею превращения сложившегося многополярного динамичного мироустройства в новый мировой порядок. Тем самым речь идет уже, конечно, не только о Центральной Азии. Но остается очевидным, что данный регион всегда будет важнейшим пунктом пересечения различных политических и экономических интересов.

Оценивая причины неудачи политики ЕС в ЦА, европейские аналитики приходят к выводу, что проблема заключается в том, что стратегические интересы обозначены достаточно широко, поэтому теряется фокус; а так называемые инструменты деятельности представляют собой разнообразный и обширный набор нормативных целей и технических инструментов. ЕС не обладает потенциалом для осуществления жесткой политики безопасности и потому основывает свою внешнюю политику на содействии развитию нормативного мирового порядка с особым акцентом на права человека, международное право, региональное сотрудничество и международные учреждения.

Европейские стратеги считают, что Центральная Азия является единственным местом в мире, к которому проявляют интерес все основные державы планеты: Россия с севера, Китай с востока, Южная Азия с юга и Европа с запада, а также, разумеется, политическое присутствие США.

#### *Дифференцированный подход к странам Центральной Азии*

##### Отношения США и ЕС с Казахстаном

Среди всех государств региона наиболее активные контакты с Вашингтоном в 2010 году имел Казахстан (во многом как председатель ОБСЕ). Хотя для США Центральная Азия на данном этапе важна, прежде всего, с точки зрения поддержки в осуществлении силами коалиции операции в Афганистане, а также поставок энергетических ресурсов на мировые рынки, Казахстан для Вашингтона – это амбициозный, влиятельный и, в отличие от некоторых своих соседей, предсказуемый политический игрок не только в Центрально-Азиатском регионе, но и на всем постсоветском пространстве.<sup>32</sup>

За последнее кризисное время усилился интерес американских компаний к развивающимся перспективным рынкам, к которым относится и Казахстан. Благодаря внедрению индустриально-инновационной стратегии правительством Казахстана активизировались в нашем направлении инвестиционные компании и банки США. США считают, что вступление Казахстана в Таможенный союз не должно негативно отразиться на возможности вступить во ВТО.

Несмотря на то, что сейчас в области развития сотрудничества с Казахстаном активизируются американские агропромышленные компании, а также фирмы, занимающиеся поставкой медицинского оборудования, плюс образовательные учреждения из США, которые хотели бы инвестировать в проекты на территории Казахстана. Однако представляется, что существующее процентное соотношение инвестиций в нефтекомплекс и другие области экономики Казахстана не изменится. 65% американских инвестиций в республику будут и в будущем приходиться на нефть, газ и сопутствующие транспортные магистрали.

За годы развития двусторонних экономических отношений США инвестировали в экономику Казахстана 14,3 млрд. долл. (с 1993 года) - причем в основном именно в нефтегазовую промышленность и сопутствующие ей услуги. Однако сейчас экспорт из США в Казахстан упал до уровня 2005 года и составил 600 млн. долл. за 2009 год, хотя было время, когда он

---

<sup>32</sup> См.: Лаумулин М.Т. Казахстан и США: история непростых отношений // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 151-174. Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: состояние, проблемы, перспективы. – Алматы: ИМЭП, 2008. – 76 С.

доходил и до миллиарда долларов. Из этой суммы 40% приходится на оборудование для нефтяной отрасли, 25% - на транспортную технику, а все остальное - на компьютеры, телекоммуникации, электронику и химическую промышленность.<sup>33</sup>

Казахстан оценивается американскими аналитиками как самое важное в Центральной Азии, крупнейшее по площади и наиболее влиятельное в регионе государство. Но его территория слишком велика, чтобы контролироваться немногочисленным населением. Более того, Казахстан имеет границу с Россией и зависит от нее в плане транзита нефти и природного газа на Запад. Возможно, это изменится со временем, когда начнут работать инфраструктурные проекты. Накануне российско-грузинской войны Казахстан стремился найти экспортные альтернативы для своих богатых энергоресурсов, включая экспортные потоки через Каспийское море и в Китай. Но создание этих маршрутов не завершено, а это означает, что Казахстан нуждается в одобрении Москвой любых договоренностей с Вашингтоном. Он не осмелится рискнуть и действовать в одиночку, считают американские аналитики.

Когда США и руководству НАТО удалось договориться практически со всеми ключевыми пограничными с Афганистаном государствами о транзите невоенных грузов для миссии сил коалиции, встал вопрос о приглашении к участию в этой операции новых стран и воинских контингентов. Казахстан для подобной роли рассматривался еще с начала 2008 года, то есть в период, когда в Белом доме находилась администрация Джорджа Буша-мл., а само решение о расширении военной операции сил коалиции в Афганистане еще не было принято.

По дипломатическим каналам американские представители регулярно зондировали почву по участию казахстанской стороны в подобной операции, высоко оценивали участие казахстанских военнослужащих в миссии в Ираке и намекали, что в схожем формате можно было бы сотрудничать и в Афганистане. Формат этот состоял в привлечении военных из Казахстана в качестве штабных офицеров, военных медиков, а также саперов, которые могли бы обучать афганцев (как это было в Ираке) разминировать свою собственную территорию.

13 ноября 2010 года Казахстан и США подписали дополнительное соглашение о воздушном транзите через территорию Казахстана для доставки грузов в Афганистан. Соглашение расширяет условия договоренностей между Казахстаном и США, в рамках которых США начали транзитные полеты в Афганистан через воздушное пространство Казахстана в 2001 году. 3 декабря 2010 года Казахстан принял решение направить в состав Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ИСАФ) своих военных инструкторов и саперов. Об этом сообщила госсекретарь США Х. Клинтон, совершавшая турне по ряду стран Центральной Азии.

Таким образом, с подписанием соглашения о транзите в Афганистан роль Москвы в афганской проблеме существенно возрастает. Это относится и к странам Центральной Азии. Казахстану следует готовиться к активизации своей политики в отношении Афганистана с учетом вероятных изменений в позиции России.

Очевидно, что США - важный партнер Казахстана в инвестиционной сфере (общая сумма американских капиталовложений в экономику РК уже превысила 15 млрд. долл.), в ТЭК и в высокие технологии. В этом плане важную роль может сыграть казахстанско-американская инициатива по государственно-частному партнерству (ГЧЭП).

Для США принципиально важно, что в Центральной Азии Казахстан является не столько

---

<sup>33</sup> Ержанов Т. Казахстанско-американское сотрудничество в сфере ядерной энергетики // *Analytic* (КИСИ). 2010. № 2. С.18-22. Султанов Б.К. Казахстанско-Американское сотрудничество в экономической сфере // Стратегическое партнерство США и Казахстана в XXI веке: состояние, проблемы, перспективы. – Алматы: ИМЭП, 2008. – С. 35-39. Yerzhanov T. The Kazakh-American Cooperation in the Sphere of Nuclear Power // *Central Asia's Affairs* (Almaty, KazISS). 2010. No 1., pp. 19-20.

важным и ключевым звеном во внешней политике, сколько просчитываемым и понятным для Вашингтона партнером. Если с другими странами региона американцам сложно строить свою политику, а действия лидеров этих государств в отношении США выглядят подчас противоречивыми, то с Астаной уже давно налажен доверительный и конструктивный диалог. Тот факт, что Казахстан продолжает вести по отношению к США внятную и дружественную политику, воспринимается в Вашингтоне очень позитивно. Для Казахстана же важно обеспечить легитимность в глазах США политических процессов в стране, прежде всего выборов, что позволяет вывести казахстанско-американские отношения на новый уровень.

В Брюсселе исходят из того, что в настоящее время открываются уникальные возможности по углублению отношений ЕС и Казахстана с целью сращивания экономического развития этой страны с эволюционными процессами в общественной и политической сферах и более активного участия Казахстана в прогрессивной системе международных отношений.<sup>34</sup>

По мнению европейских экспертов, система власти РК представляет собой комплексную структуру и состоит из разнообразных групп с различными приоритетами. Тем не менее, власти страны нацелены на модернизацию государства, а мультивекторная внешняя политика включает и европейское направление, кроме того, очевидно, что Казахстан всеми силами пытается уменьшить свою зависимость от соседей, России и Китая.<sup>35</sup>

Показателями интереса Казахстана к сотрудничеству с Европой можно считать программу внешней политики «Путь в Европу», принятую в начале 2009 года, а также председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году. Принятая программа представляет собой план действий, по структуре напоминающий документы ЕС.<sup>36</sup>

ЕС и Казахстан готовятся начать переговоры по новому СПС. Содержание этого соглашения может быть качественно улучшено и приближено к документам, заключаемым в формате европейской политики добрососедства и восточного партнерства, как, например, договор, подписанный с Марокко, а также соглашение с Украиной.<sup>37</sup>

Основным отличием новых соглашений является то, что отныне они могут включать все компетенции Евросоюза, т.е. сочетать оговоренные в предыдущих соглашениях компетенции Европейского Сообщества, а также сферы внешней политики, безопасности, правосудия и внутренних дел. Перспективы в области торговли на данном этапе ограничены, в связи с тем, что Казахстан объединился в Таможенный союз с Россией и Беларусью. В этом случае договор о свободной торговле между ЕС и Казахстаном становится возможным лишь в том случае, если он будет заключен со всеми тремя участниками союза.

Евросоюз также должен рассмотреть возможность большего вовлечения Казахстана в инициативу «Восточное партнерство». ЕС мог бы уже на данном этапе пригласить Казахстан участвовать в совещаниях рабочих групп, поскольку это позволяет установленный регламент.

---

<sup>34</sup> О предыстории вопроса см.: Казахстан и Европейский Союз: результаты и горизонты сотрудничества. – Брюссель, 2007. – 315 с. Казахстан, Россия, Европейский Союз: перспективы стратегического партнерства. Материалы международной конференции. – Алматы, КИСИ, 2009. – 200 с. Лаумулин М.Т. Стратегия ЕС в Центральной Азии и интересы Казахстана // Стратегия Европейского Союза для Центральной Азии. Три года спустя. – Алматы: ФФЭ, 2010. – С.150-163. Серик Р.С. Казахстан и стратегия ЕС в Центральной Азии: проблемы и перспективы // Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса. 7-я Ежегодная Алматинская конференция. – Алматы: КИСИ, 2009. – С. 224-233.

<sup>35</sup> Le Kazakhstan: Partenaire Stratégique de l'Europe // Diplomatie. Affaires Stratégiques et Relations Internationales. – Paris: AREION, 2009. – 16 p.

<sup>36</sup> См.: Политические и экономические интересы Германии в Казахстане и Центральной Азии. – Алматы: КИСИ, 2010. – 132 с. Путь в Европу: модель сотрудничества ЕС и Центральной Азии. – Алматы: КНУ, 2010. – 176 с.

<sup>37</sup> Isaev K. Cooperation between Kazakhstan and the European Union // Central Asia's Affairs (Almaty, KazISS). 2010. No 1., pp. 8-11. Laumulin M. EU-Strategie in Zentralasien und die Interessen Kasachstans // EU-Strategie für Zentralasien. Drei Jahre danach. – Almaty: FES, 2010. – S.164-178.

Более амбициозным планом стало бы приглашение Казахстана участвовать в партнерстве на полноценной основе.

В целом, ЕС должен активно поощрять Казахстан в стремлениях развивать свои отношения с Советом Европы и участвовать в Парламентской Ассамблее в статусе наблюдателя, включая полноправное членство в Совете Европы, основанное на серьезных политических реформах и большем соблюдении прав человека. Образовательные инициативы ЕС в Казахстане должны выйти за пределы программы ТЕМПУС, которая проводит успешную работу по приближению Казахстана к нормам болонского процесса. Еврокомиссия должна способствовать участию европейских институтов в работе нового технического университета в Астане, не ограничиваясь простым предоставлением стипендий.

В рамках программы для диалогов по правам человека в Казахстане Евросоюз намерен требовать от Астаны выполнения следующих условий: усложнение процедуры выдачи ордера на арест (одобрение ордера); невмешательство правительства в юридические дела; защита прав граждан на этапе досудебного разбирательства; выведение понятий «оскорбление» и «клевета» из уголовного права; развитие законодательства о свободе собраний и приведение законодательства о свободе ассоциаций в соответствие с международными нормами; продвижение свободы выражения, либерализация законодательства о СМИ, укрепление института омбудсмана.

#### Отношения США и ЕС с Кыргызстаном

С точки зрения соперничества США и РФ на постсоветском пространстве и других регионах Евразии меры по возможному сворачиванию постоянного присутствия США в Кыргызстане достаточно логичны, поскольку отражают всю глубинную суть противоречий сторон, особенно ярко проявившихся во второй срок президентства Дж. Буша-мл.<sup>38</sup>

До событий апреля 2010 года, приведших к свержению президента К. Бакиева, американская сторона прорабатывала вопрос об открытии на киргизской территории еще одного военного объекта США – учебного центра в Баткенской области. Стоимость объекта сил специального назначения оценивалась в 5,5 млн. долларов. Ранее американской стороной уже были выделены несколько миллионов долларов на строительство тренировочных центров для киргизских сил специального назначения.<sup>39</sup>

В мае 2010 года регион посетил заместитель помощника госсекретаря США Дж. Крол, курирующий в Госдепе отношения с Центральной Азией. Он провел консультации с представителями нового киргизского руководства, а также с Москвой. Этот визит продемонстрировал заметную озабоченность Вашингтона развитием ситуации в Киргизии, которая могла бы создать угрозу стабильности в регионе и интересам США. В отношении оказания экономической помощи Бишкеку США намерены работать совместно с международными организациями: ООН, ОБСЕ, МВФ, Всемирным банком. В то же время, США продолжают все те программы, которые они осуществляли в Киргизии до революции, поддерживая развитие демократии, экономики, свободных и независимых СМИ. США оказали техническую поддержку проведению референдума и последующих выборов, в том числе по линии американских неправительственных организаций.

Характерно, что в июне 2010 года Пентагон временно приостановил заправку топливом в

---

<sup>38</sup> Абылдаев М. Кыргызстан – США // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 294-320.

<sup>39</sup> Лаумулин М.Т. К событиям в апреле 2010 г. в Кыргызстане: взгляд из Казахстана // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулес, Швеция). 2010. № 2. С. 25-43. Лаумулин М.Т. Последствия событий в Кыргызстане для региональной безопасности // Председательство Казахстана в ОБСЕ и региональные вызовы. – Алматы: КИСИ, 2010. – С.57-67.

Центре транзитных перевозок в Кыргызстане своих самолетов-дозаправщиков, которые обеспечивают проведение военной операции в Афганистане. Тогда же в июне здесь побывал спецпредставитель НАТО по Центральной Азии и Кавказу Р. Симмонс. В результате летом 2010 года временный президент Киргизии Роза Отунбаева без участия парламента и легитимного правительства продлила срок пребывания авиабазы США в аэропорту «Манас».

По некоторым данным, Р. Отунбаева тайно снизила арендную плату для американской авиабазы в «Манасе» со 150 млн. долл. до 60 млн. При этом она заверила госсекретаря США Х. Клинтон в декабре 2010 года, что новое киргизское руководство сделает все возможное для беспрепятственного функционирования американского центра у себя в стране.

В марте 2011 года Р. Отунбаева посетила Вашингтон, где вновь просила США помочь в решении вопросов экономического развития. Это не обязательно должна быть прямая финансовая помощь - это могут быть инвестиции американских компаний или закупка продукции в Киргизии для нужд операции в Афганистане. Во время визита в США бывший президент Р. Отунбаева также заявила о готовности открыть на юге Киргизии американский тренировочный центр, хотя у американской стороны не было готового решения относительно этого центра.

На выборах в декабре 2011 г. президентом Кыргызстана стал Алмазбек Атамбаев. Политические игры вокруг Манаса продолжились и после его прихода к власти. На своей первой пресс-конференции А.Атамбаев заявил о своих твердых намерениях бороться с коррупцией, вывести авиабазу США и поднять уровень жизни кыргызстанцев. А.Атамбаев после прихода к власти официально заявил о сворачивании деятельности Центра транзитных перевозок США в аэропорту «Манас» к 2014 г., что возможно было продавлено Москвой. Однако президент Кыргызстана заинтересован в сохранении международного транзита в его стране, в чем он просил содействия у турецкого руководства.

В марте 2012 г. в Бишкек прибыл министр обороны США Леон Панетта. Главной темой переговоров с киргизским руководством была судьба американской авиабазы «Манас». Накануне визита Леона Панетты официальный сайт Пентагона привел его слова: «Транзитный центр в Манасе критически важен для северной распределительной сети, через которую обеспечиваются американские войска в Афганистане. Эта сеть приобрела чрезвычайную важность в последние месяцы, с тех пор как закрылись транзитные пути через Пакистан».

Бишкек дал понять Вашингтону, что после 2014 года в стране не будет военной базы США, а столичный аэропорт должен стать гражданским коммерческим предприятием. Эксперты, однако, не исключают, что именно слово «коммерческий» может оказаться ключевым. Если Вашингтон сделает Бишкеку коммерческое предложение, перед которым тот не сможет устоять, база может остаться, в очередной раз сменив название. Сейчас она именуется центром транзитных перевозок, а станет, к примеру, центром коммерческого транзита. Вполне вероятно, что судьба военного объекта США в Киргизии будет решена в более широком контексте российско-американских отношений.

В мае в ходе саммита альянса в Чикаго КР и НАТО подписали соглашение о наземном транзите грузов международной коалиции.

Европейские эксперты, оценивая ситуацию в Киргизии, считают, что экономика Кыргызстана достаточно слаба, наиболее экономически активная жизнь – в столице страны. Негативные последствия для экспорта товаров возникли для Киргизии после объединения Казахстана и России в Таможенный Союз. В стране есть большой гидроэнергетический потенциал, в который были сделаны крупные инвестиции. Но и в этом секторе существуют масштабные проблемы.

С 2005 года, после произошедшей в стране революции, которая привела к смене одного клана

другим, пространство для политических свобод постоянно сокращается.<sup>40</sup>

В рамках программы для диалогов по правам человека в Казахстане Евросоюз намерен требовать от Бишкека выполнения следующих условий: прекращение преследования членов оппозиции; либерализация законодательства о свободе собраний; прекращение практики преследований правозащитников и правозащитных организаций; независимое расследование случаев пыток в тюрьмах; прекращение практики преследования журналистов и гарантирование их безопасности; прекращение практики запугивания НПО со стороны властей.

### Отношения США и ЕС с Узбекистаном

Несколько иная ситуация складывается в отношениях между США и Узбекистаном. Для США эта страна теоретически остается важным звеном во всей центральноазиатской схеме безопасности, но при этом в Вашингтоне особого доверия к политике Ташкента давно уже не наблюдается. Общие фразы о совместной борьбе с международным терроризмом и содействии в проведении операции силами коалиции в Афганистане не могут заслонить весьма значительную настороженность, которую американское руководство испытывает по отношению к политике Ташкента.<sup>41</sup>

Узбекистан рассматривается в Вашингтоне как центральный и наиболее весомый игрок в Центрально-Азиатском регионе; это государство обладает региональными гегемонистскими амбициями и более других способно бросить вызов Москве. Крупные узбекские диаспоры имеются во всех соседних государствах, что дает Ташкенту возможность вмешиваться в политику каждого из них. Также он является самодостаточным в плане продовольствия и энергии, в отличие от других постсоветских государств этого региона за исключением Казахстана. И, в отличие от Казахстана, он граничит не с Россией, а с Афганистаном.

Фактически, для США это самый важный потенциальный партнер. Узбекистан не только имеет шоссейное и железнодорожное сообщение с Афганистаном, а на его территории также расположена советская военная база, которой уже пользовались американцы. Ко всему этому Узбекистан убедительно доказал что не опасается России. Именно на этот факт обращают особое внимание американские аналитики.

Значение Узбекистана на данном этапе для США теоретически возрастает в связи с тем, что именно через узбекскую территорию можно доставлять многие натовские и американские грузы по самым коротким и надежным маршрутам. Однако и здесь США проявляют определенную осторожность, не будучи уверенными в том, что узбекская сторона по-настоящему будет поступать искренне и предсказуемо.

Не очень складываются пока и личные контакты между американским руководством с узбекским президентом. Стабильного и надежного диалога между Вашингтоном и Ташкентом, в принципе, нет.

---

<sup>40</sup> Омаров Н. Кыргызстан – Европейский Союз: основные направления сотрудничества и перспективы его развития // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 222-253. Омаров Н.М. Внешняя политика Киргизстана после 24 марта 2005 г.: основные тенденции и перспективы // Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений. Под ред. А.А.Князева, А.А.Мигранян. – Бишкек: ОФАК, 2009. – С. 155-161.

<sup>41</sup> Толипов Ф. Стратегическое партнерство Узбекистана и США: быть или не быть? // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 547-584. Heathershaw J. Worlds apart: the making and remaking of geopolitical space in the US-Uzbekistani strategic partnership // *Central Asian Survey* (Oxford). 2007. Vol. 26. Issue 1, pp. 123-140. Spechler D.R., Spechler M.C. The foreign policy of Uzbekistan: sources, objectives and outcomes: 1991–2009 // *Central Asian Survey* (Oxford). 2010. Vol. 29. Issue 2, pp. 159–170.



Также в Вашингтоне осознают, что Ислам Каримов «непросчитываем» и для всех других ведущих мировых игроков в этом регионе - России, Китая, стран Евросоюза. Поэтому отношения с Ташкентом Вашингтон и дальше будет развивать по мере возможности.

Поскольку американцы приняли решение в своем афганском транзите ориентироваться на так называемый «северный коридор» (а он пролегает по территории России, Казахстана и Узбекистана), то именно Узбекистан стал ключевым звеном для натовской операции. А базу в Манасе американцы по согласованию с Ташкентом (что особо не афишировалось) на всякий случай решили заменить в расчетах на аэродром в узбекском городе Навои. При этом южнокорейцы проведут необходимую реконструкцию аэропорта «Навои», а американцы уже используют его взлетные полосы для перевозки невоенных грузов. В принципе, узбекское руководство дало «добро» и на более интенсивное использование именно этого маршрута со стороны натовских сил даже при условии, что американская военно-воздушная база в Кыргызстане останется.

Наметившееся в 2009 году потепление в отношениях между США и Узбекистаном, в 2010 году получило продолжение. США предложили Ташкенту сотрудничество в программах по обеспечению американских войск в Афганистане. Ташкент предоставил Вашингтону возможность снабжать свои войска через аэропорт Навои. Ориентация Ташкента на США и Запад может в очередной раз перекроить структуру влияния в Центральной Азии, ослабить влияние России и вывести Узбекистан на очередную спираль борьбы за региональное лидерство. Однако эксперты считают, что происходящие процессы нельзя назвать окончательным изменением геополитической ориентации Ташкента. Сейчас речь идет скорее о тактическом ходе Ислама Каримова, которому сегодня выгодно более тесное сотрудничество с ЕС и США.

В конце января 2010 года президент Узбекистана И. Каримов подписал План сотрудничества с США. Документ был основан на результатах первого раунда узбекско-американских политических консультаций. Вашингтон делает ставку на взаимодействие с Узбекистаном в политической, социальной, экономической сферах, а также в вопросах обеспечения безопасности. Инициатором проведения политических консультаций между правительствами США и Узбекистана стал помощник госсекретаря США Р. Блейк.

В пункте, который касается сотрудничества сферы безопасности, предусматривается организация подготовки и переподготовки офицерских кадров Узбекистана (учебные курсы и тренинги) в ведущих военно-образовательных учреждениях США, в том числе в рамках программы «Международное военное образование и обучение» (IMET).

В рамках сотрудничества в обеспечении мира в Афганистане Узбекистан и США будут обмениваться информацией об угрозах и мерах по их предупреждению, связанных с транзитом невоенных грузов через Северную распределительную сеть в Афганистан, в том числе в рамках реализации проекта строительства железной дороги Хайратон – Мазари-Шариф.

Узбекские компании уже построили 11 мостов вдоль маршрута Мазари-Шариф – Кабул и завершают постройку 275-мильной линии высокого напряжения, способной к передаче 150 МВт электроэнергии от Термеза до Кабула. В план сотрудничества включена также реализация проектов в сельском хозяйстве, промышленности, энергетике. Запланировано проведение совместно с Атлантическим советом специального мероприятия по реализации инициатив Узбекистана в сфере региональной безопасности и созданию под эгидой ООН Контактной группы «6+3» по Афганистану.

В экономической области США также намерены расширить содействие Узбекистану в модернизации ирригационных систем, восстановлении деградированных земель и привлечении новых технологий для повышения урожайности сельскохозяйственных культур.

Проект трансафганского коридора, через реализацию которого Узбекистан получит выход к портам Индийского океана, служит и основным аргументом нынешнего внешнеполитического сближения правительства И. Каримова с администрацией Б. Обамы. При этом Узбекистан подчеркивает свою ключевую роль в мирном урегулировании ситуации в Афганистане. Раскручивая все эти контакты, Узбекистан, тем не менее, вовсе не намеревается превратиться в послушного «клиента» США в Центральной Азии: узбеки прагматично подталкивают к сотрудничеству американских представителей, держа их все же на разумной дистанции.

После событий в Киргизстане, по-видимому, Вашингтон опасается чрезмерного вмешательства Ташкента в случае продолжения этнического конфликта в Южном Кыргызстане с целью помощи соплеменникам и предотвращения «экспорта революции» в Узбекистан. В то же время, в случае масштабной дестабилизации региона США не исключают более активной роли Ташкента как наиболее влиятельной военной силы в Ферганской долине.

В последние годы президент Узбекистана Ислам Каримов принял решение о выходе из альянсов с Россией - таких как ЕврАзЭС и ОДКБ, что и произошло в 2012 г.

Как считают европейские эксперты, снятие в октябре 2009 года последних санкций против Узбекистана (запрет на продажу оружия), введенных после андижанских событий в 2005 году, явилось противоречивым решением. Евросоюз надеялся, что данный шаг станет стимулом для проведения реформ. Правозащитники придерживаются диаметрально противоположного мнения, полагая, что отказ от санкций дает неправильный сигнал узбекскому режиму. В любом случае, отмена санкций свидетельствовала о готовности ЕС работать с Узбекистаном и необходимости определить, как сделать сотрудничество эффективным. Следующим логическим шагом должно стать открытие делегации ЕС (работа в данном направлении уже ведется), в составе которой будет активно работать отдел общественной информации, призванный повысить осведомленность населения о Евросоюзе.

Как полагают в Брюсселе, Узбекистан, с его секретной службой и КПП внутри страны на границах между областями, остается крайне сложным партнером. Тем не менее, Ташкент по понятным причинам (центральное положение в регионе и самая многонаселенная страна) не лишен претензий на лидерство и улучшение своего имиджа за рубежом. Однако, их воплощение в жизнь возможно только при условии открытия страны для внешнего мира и либерализации коммерческой деятельности внутри страны, а также сельского хозяйства. В политических диалогах с Ташкентом ЕС может активно лоббировать подобные изменения, а также убеждать режим занять более терпимую позицию в отношении регионального сотрудничества, особенно, в вопросах водных ресурсов. Узбекистан блокирует или отказывается от участия в целом ряде проектов по управлению водными ресурсами, проводимыми ЕС.

В рамках программы для диалогов по правам человека в Узбекистане Евросоюз намерен требовать от Ташкента выполнения следующих условий: освобождение из тюрем правозащитников и узников совести; либерализация процесса аккредитации и работы НПО в стране; гарантия свободы слова и независимых СМИ; принятие конвенций, запрещающих детский труд; приведение выборного законодательства в соответствие с требованиями ОБСЕ; сотрудничество с ООН в вопросах прав человека; отмена ограничения въезда и выезда из страны; прекращение практики заключения в тюрьмы религиозных лидеров на основе сфабрикованных обвинений в террористической деятельности; независимое расследование сообщений о пытках в тюрьмах и наказание виновных; принятие закона, разрешающего свободную экономическую деятельность в любых сферах (политической, экономической, культурной); либерализация сотрудничества гражданского сектора с международными организациями; принятие законодательства, регламентирующего работу правоохранительных

органов.

### Отношения США и ЕС с Туркменистаном

Как отмечают западные наблюдатели, в последнее время появилась новая площадка для соперничества России и Америки в регионе – Туркменистан.<sup>42</sup> Речь идет прежде всего о борьбе за направление магистрального газопровода (Набукко или Прикаспийский трубопровод). Кроме того, конкуренция идет за подготовку военных, поставки техники. Россия продолжает попытки вовлечь Туркменистан в военные связи, например, участвовать в Объединенной системе ПВО государств СНГ. США продолжают проявлять интерес к созданию своих авиабаз на территории Туркменистана.

Туркменистан в транспортно-транзитном коридоре для США на данном этапе по-прежнему имеет немаловажное значение из-за продолжения операции сил коалиции в Афганистане. Также для США расширять сотрудничество с Ашхабадом важно, прежде всего, не столько для своих нужд, а больше для обеспечения энергетической безопасности Европы. Американские компании намерены увеличить свое участие в разработке туркменских месторождений. Контакты между Ашхабадом и американскими компаниями интенсифицировались благодаря проведению в марте 2011 года в Туркмении международного бизнес-форума по проблемам добычи углеводородов в этой стране.

Если требуется создать маршруты поставок в Афганистан в обход России, то Туркмения будет играть существенную роль в этих американских планах. Можно - хотя это и непросто – переправлять снаряжение и личный состав по железной дороге из Турции через Грузию и Азербайджан, доставлять его по Каспийскому морю в туркменский порт, а затем через Туркмению в Афганистан по суше.

Туркменистан особо не стремится стать поближе к США и выйти на какие-то более тесные связи с ними. Здесь измениться ситуация может только в том случае, если каким-то образом США удастся наладить именно личный контакт между президентами Обамой и Бердымухамедовым. Новый президент Туркменистана проявил себя довольно активным во внешней политике, впервые посетив штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где стороны договорились углублять связи в нескольких ключевых областях.

Пентагон продолжает надеяться на развитие сотрудничества с Ашхабадом. В июне 2008 года вице-адмирал Кевин Дж. Косгрифф, командующий военно-морской компонентой Центрального Командования США, и контр-адмирал Уильям Гортни, посетили Ашхабад, где встретились с Министром обороны и главой Государственной пограничной службы республики. Руководство Туркменистана, видимо, по-прежнему опасается за сохранность своей власти и явных шагов к военному сотрудничеству с США не делает.

В США (и ЕС) надеются на то, что Ашхабад при нынешнем лидере все же будет гораздо более «прозападно ориентированным» и именно европейскому вектору своего развития станет на ближайшее будущее отдавать предпочтение. Главной задачей для Запада остается, как и прежде, переориентирование газовых потоков из Туркменистана в сторону Европы и

---

<sup>42</sup> Старчак М. США vs. Россия в попытке сотрудничества с Туркменистаном в сфере безопасности и обороны // *Центральная Азия и Кавказ* (Лулеа, Швеция). 2009. № 2. С. 95-102. Лаумулин М.Т. Международное и внутривластное положение постиндустриального Туркменистана // *Казахстан в глобальных процессах* (Алматы, ИМЭП). 2010. № 2. С. 111-123; № 3. С. 26-39. Anceschi L. Analyzing Turkmen Foreign Policy in the Berdimuhammedov Era // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. No. 4, pp. 35-48. Denison M. Turkmenistan's foreign policy: positive neutrality and the consolidation of the Turkmen regime // *Central Asian Survey* (Oxford). 2009. Vol. 28. Issue 4, pp. 429-431. Horák S., Šír J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhammedow. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. - 97 p.

снижение газовой зависимости этой республики от трубопроводов, идущих через российскую территорию. Спецпредставитель госдепартамента США Морнингстар регулярно появляется в Ашхабаде и каждый раз пытается убедить туркменского президента в важности партнерства с Вашингтоном прежде всего в энергетической сфере (по примеру того сотрудничества, которое установлено американской стороной с Казахстаном).

Американская сторона все время дает понять, что чем активнее туркменское руководство будет «пускать» ее компании в республику, тем интенсивнее Вашингтон будет готов развивать с Туркменистаном как политические, так и военные связи. Афганская операция сил коалиции и опосредованно участие в ней Туркменистана (путем оказания помощи войскам НАТО разного рода транзитами и снабженческими услугами) позволяет на данном этапе Туркменистану более настойчиво подталкивать США к расширению делового и инвестиционного партнерства.

Туркменское руководство предложило Евросоюзу рассмотреть вариант доставки газа из Туркменистана в Европу через Иран (используя недавно проложенный газопровод из Давлетобада с пропускной способностью в 12 млрд. кубометров газа в год), минуя азербайджанскую территорию. Но США выступили категорически против подобного варианта. В то же время США приветствуют проект строительства газопровода ТАРІ из Туркмении в Индию через Афганистан и Пакистан.

Как отмечают европейские специалисты, новый президент страны, сменивший на посту своего печально знаменитого предшественника, предпринял ряд крайне сдержанных мер по улучшению положения в Туркменистане.<sup>43</sup> В частности, население теперь имеет право свободно передвигаться внутри страны. Также, отменены решения предыдущего лидера о сокращении продолжительности школьного обучения и университетского образования.

Тем не менее, Туркменистан остается чрезвычайно авторитарным государством, в котором отсутствуют возможности для существования политической оппозиции, свободы слова и работы НПО, занимающихся политическими вопросами и защитой прав человека. Единственными неправительственными структурами остаются организация по решению семейных проблем и бюро, консультирующее по гражданским вопросам. Многие эксперты свидетельствуют, что местное население отлично выучило правила отношений с государством, потому в стране совершенно отсутствуют предпосылки для зарождения политического диалога или возникновения оппозиционных движений.

В целом, Туркменистан входит в XXI век полностью изолированным от окружающего мира, истратив огромное количество ресурсов на грандиозные стройки в своей столице. В данных обстоятельствах углубление отношений между ЕС и Туркменистаном представляется крайне сложной задачей, даже учитывая тот факт, что с недавнего времени вступило в силу временное соглашение о торговле, а также были запущены диалоги по правам человека с властями страны.<sup>44</sup> Первым шагом на пути укрепления имиджа ЕС является открытие в стране полноправной делегации. Работающий в Туркменистане «Дом Европы» выполняет некоторые функции дип. миссии, но без официального дипломатического статуса и силами работников, нанятых по контракту.

<sup>43</sup> Horák S., Šír J. Dismantling Totalitarianism? Turkmenistan under Berdimuhamedow. – Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2009. – 97 p.

<sup>44</sup> Ионова Е. Многовекторность внешней политики Ашхабада // *Россия и мусульманский мир* (ИБ РАН). 2009. № 9. С. 98-105. Лаумулин М.Т. Международное и внутривнутриполитическое положение постниязовского Туркменистана // *Казахстан в глобальных процессах* (Алматы, ИМЭП). 2010. № 2. С. 111-123; № 3. С. 26-39. Anceschi L. Analyzing Turkmen Foreign Policy in the Berdymuhamedov Era // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. No. 4, pp. 35-48. Pomfret R. Turkmenistan's Foreign Policy // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2008. Vol. 6. No. 4, pp. 9-34. Anceschi L. External Conditionality, Domestic Insulation and Energy Security: The International Politics of Post-Niyazov Turkmenistan // *The China and Eurasia Forum Quarterly* (ISDP, Stockholm) 2010. Vol. 8. No. 3 (Special Issue: Turkmenistan), pp. 93-114.

Что касается возможных путей предоставления европейской помощи Туркменистану, усилия должны быть сконцентрированы на стипендиальных программах для студентов на обучение в вузах за пределами страны, как в Европе, так и в учебных заведениях Алматы или Бишкека. Между тем, в 2009 году правительство пошло на новые экстраординарные меры, запретив выезд из страны для туркменских студентов, отправляющихся на учебу за границу. Студенты, уже находившиеся к тому моменту за рубежом, были вынуждены вернуться, так как туркменские спецслужбы оказывали давление на их семьи. По возвращении эти молодые люди были внесены в «черные списки».

ЕС мог бы выступить с предложением закупать туркменский газ, который затем мог бы быть транспортирован через Каспийское море в Баку. Сейчас складывается относительно благоприятный момент для подобного рода предложений, учитывая последствия взрыва на туркменском газопроводе в апреле 2009 года, связанного с резким сокращением приема газа в России. Хотя все ремонтные работы на месте инцидента закончены, а Москва и Ашхабад заключили новое коммерческое соглашение в январе 2010 года, тем не менее, с тех пор Туркменистан проявляет все больше интереса к проведению мультивекторной политики в области газового экспорта.<sup>45</sup>

В рамках программы для диалогов по правам человека в Туркменистане Евросоюз намерен требовать от Ашхабада выполнения следующих условий: прекращение практики коллективного наказания; освобождение из тюрем членов семей заключенных; прекращение практики использования принудительного труда заключенных в опасных для здоровья условиях; создание благоприятной среды для развития культуры и традиций национальных меньшинств; создание условий для работы независимых СМИ и запрет цензуры; гарантия обеспечения возможностей для возникновения общественных организаций; изменение закона о неправительственных организациях; прекращение преследований диссидентов и общественных деятелей; разрешение для граждан свободно въезжать и выезжать из страны, особенно для студентов; установление норм экономической прозрачности в области использования доходов от газового экспорта.

### Отношения США и ЕС с Таджикистаном

Таджикистан, граница которого с Афганистаном составляет 1.200 километров, оказался востребованным при проведении антитеррористической операции «Несокрушимая свобода». В начале 2002 года РТ открыла воздушный коридор для пролета военно-транспортной авиации стран НАТО.

Вашингтон предпочел не размещать свои военные базы в непосредственной близости от 201-й российской дивизии. Хотя американские эксперты призывали Белый дом разместить в Таджикистане операционные структуры, чтобы усилить контроль над торговлей наркотиками и поддержку подразделений США в Афганистане в случае усиления движения «Талибан». Размещение ВС США должно было использоваться и как первый шаг в распространении американского влияния на территорию Индии, шаг, который заложил бы фундамент отношений безопасности между Нью-Дели и Вашингтоном.

В 2003 году Таджикистан стал последней страной Центральной Азии, вступившей в программу НАТО «Партнерство ради мира». Стремление к расширению сотрудничества с США вылилось в то, что Таджикистан не пролонгировал договор с Россией об охране государственной границы, а в ответ Вашингтон предложил Душанбе модернизировать его

---

<sup>45</sup> Тимофеев Л. Проблема экспорта энергоресурсов Туркменистана // *Россия и новые государства Евразии* (ИМЭМО). 2010. № II. С. 93-100. Тимофеев Л. Туркменистан: диверсификация маршрутов экспорта энергоресурсов // *Россия и мусульманский мир* (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 9. С. 85-91. Федоров Ю. Туркменские газовые игры // *Индекс безопасности* (ПИР-Центр, Москва). 2010. № 2. С. 73-86.

пограничные войска, обеспечить совместную охрану границы и создать таджикско-американские заставы. Но в конце концов американцы не стали охранять таджикскую границу, но приняли участие в модернизации пограничных служб республики. Условием помощи в этой сфере, очевидно, был вывод российских пограничников.<sup>46</sup>

США давно уже не критикуют Э. Рахмона за его внутреннюю политику, а выжидают, как будут дальше разворачиваться события вокруг афганской миссии сил коалиции. Ведь на данном этапе Таджикистан важен будет для США не как объект каких-то выгодных экономических инвестиций, а именно как стратегический плацдарм на афганском направлении. И от того, в какой форме это взаимодействие между Вашингтоном и Душанбе пойдет дальше, и будет зависеть, перейдет ли Таджикистан в категорию «новых партнеров» США в Центральной Азии (включая и возможное размещение в республике военных баз стран НАТО и самих США).

США оказывают Таджикистану существенную экономическую помощь, в том числе построив два моста через пограничную реку Пяндж (в сооружении двух других мостов США также участвовали), которые связывают Афганистан и Таджикистан. Для Таджикистана, который фактически давно уже зажат транспортной блокадой со стороны Узбекистана, наличие прямого транспортного сообщения через Афганистан к берегам Индийского океана - вопрос наиважнейший.

Тем временем ныне складывающаяся ситуация с сотрудничеством между США и Таджикистаном меняется кардинально, поскольку для администрации Обамы доведение афганской операции до «логического конца» является внешнеполитическим приоритетом. Потенциально американцы могут сегодня предложить расширенное сотрудничество, в том числе и создание собственных военных баз на их территории, любому государству Центральной Азии. У Душанбе есть вариант обусловить свою помощь им по Афганистану целым рядом выгодных для себя экономических проектов.

В феврале 2009 года Э. Рахмон посетил штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, где заявил, что НАТО как одна из важных составляющих в обеспечении безопасности в Афганистане должна наладить активное сотрудничество прежде всего со странами-соседями - Ираном и Таджикистаном (особенно), так как он имеет протяженную границу с Афганистаном. Этим президент всего лишь хотел сказать, что Таджикистан дал согласие на использование своих железнодорожных и автомобильных магистралей для транзита невоенных грузов в Афганистан, то есть, он просто предлагал возможности транзита в обмен на очередные инвестиции в республику, оказавшуюся под прессом мирового кризиса.

США предложили таджикскому руководству самую разнообразную помощь, и Душанбе при тех крайне скудных финансовых ресурсах, которыми республика располагает, от нее просто не может отказаться. На данном этапе общая сумма выделенных Америкой кредитов и помощи Таджикистану уже превышает 1 млрд. долл., и, в принципе, эта помощь может быть в дальнейшем увеличена.

У Таджикистана есть неплохой шанс предложить США разместить как минимум пункты обслуживания войск, участвующих в операции в Афганистане, на своей территории. Причем делать это надо таджикскому руководству оперативно. Можно было бы заручиться финансовой поддержкой США и не только на новые мосты или дежурные программы помощи в различных сферах, но и добиться выделения траншей на строительство и того же

---

<sup>46</sup> Абдулло Р.Г. Таджикистан - США: взаимопонимание и бесконфликтность отношений // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 416-435. Захидов О. О геополитических приоритетах современного Таджикистана // *Россия и мусульманский мир* (ИНИОН, ИВ РАН). 2010. № 2. С. 94-101. Ниятбеков В.А. Сотрудничество Республики Таджикистан и НАТО в условиях нового мирового порядка // *США и НАТО в условиях глобализации*. – Алматы: КазНУ, 2008. – С. 143-149.

Рогуна, и других гидроэнергетических объектов. Естественно, американцы в этом случае попытаются не просто дать денег, а инвестировать в виде своих технологий и оборудования.

После усиления финансового кризиса и смены администрации Белого дома США попытались прозондировать возможность дальнейшего повышения своего влияния в регионе в связи с усилением фактора Афганистана во внешней политике Вашингтона. В середине ноября 2008 года Душанбе посетил представитель Госдепартамента США Дж. Крол. На встрече с президентом Э. Рахмоном он заявил, что смена американской администрации не отразится на политике Вашингтона в отношении Центральной Азии, поскольку регион имеет чрезвычайное значение для стабильности всей Азии. Дж. Крол заверил президента, что объемы финансовой помощи государствам региона, невзирая на мировой кризис, не уменьшатся.

Разумеется, на Э. Рахмона в таком случае попытаются надавить по всем каналам из Москвы. В любом случае Таджикистану чтобы обезопасить себя от афганской нестабильности и продвинуть сооружение энергетических объектов, придется идти на нестандартные и не вписывающиеся в обычные схемыходы.

В Вашингтоне в начале февраля 2010 года состоялись двусторонние политические консультации между Таджикистаном и США. В ходе переговоров рассматривались четыре блока вопросов: политико-экономическая ситуация в регионе, реализация водно-энергетических, транспортных проектов, а также ситуация в Афганистане. Власти Таджикистана готовы предложить США инвестиционное участие в различных отраслях экономики своей страны, и прежде всего в энергетике. В Душанбе понимают, что заинтересовать заокеанских партнеров могут прежде всего проектами, как-то связанными с соседним Афганистаном. По мнению экспертов, происходит плавный разворот Таджикистана в сторону США: не дождавшись помощи Москвы в решении проблем, Душанбе теперь надеется на Вашингтон.

США в этой республике работают по традиционной схеме: они выделяют гранты на развитие институтов гражданского общества, проведение реформ структуры самоуправления, а также политикам – на общественную деятельность. Таджикистан получает средства на охрану и оснащение границы, на борьбу с наркотрафиком. Но выделяемые суммы таковы, что становится очевидно, что это скрытая форма «подкормки» чиновников. В целом, в Вашингтоне приветствуется «поворот» во внешней политике Таджикистана в сторону от России, однако озабоченность США вызывает растущее сближение Душанбе с Ираном, а также усиление влияния и экономического присутствия Китая. США не готовы к оказанию масштабной помощи Душанбе. Но стратегическая ценность Таджикистана для Америки вытекает из его соседства с Афганистаном.

Кроме того, США отнюдь не закрыли вопрос о возможной военной операции против Ирана. Во многом по этим причинам США будут и дальше предлагать Таджикистану либо эксклюзивную аренду аэродрома «Айни», либо его совместное использование с таджикскими военными. В обмен на это США могут не только договориться о какой-то фиксированной арендной плате, но и о финансировании целого ряда экономических проектов на территории Таджикистана, в том числе тех, где сегодня помощь Душанбе предоставляет только Китай (энергетика, транспорт, сооружение дорог и тоннелей). Именно на этот аспект возможной помощи со стороны США рассчитывает таджикское руководство.

Некоторые источники сообщают, что в окружении президента Э.Рахмона есть американское лобби. Таким образом, пока американцы будут оставаться в Афганистане, они будут усиливать свое присутствие и в Таджикистане.

По мнению Брюсселя, вопреки мнению некоторых экспертов, Таджикистан является скорее слабым, чем несостоятельным государством. Эта бедная страна страдает от нищеты, а также

нехватки электричества в зимние периоды вопреки громадному гидроэнергетическому потенциалу страны. Кроме того, существует угроза дестабилизации, поскольку Таджикистан находится в непосредственной близости от Афганистана, население которого на 35% состоит из этнических таджиков.<sup>47</sup>

Европейская помощь Таджикистану осуществляется в основном Европейской Комиссией, а также немецким правительством. Основными целями Евросоюза в этой сфере является уменьшение уровня бедности и поддержание функциональности госаппарата, в частности, ЕС проводит масштабную программу бюджетной поддержки в социальном секторе. Данная программа вызывает немалые споры между ее сторонниками и теми, кто считает, что при существующем уровне коррупции подобные усилия обречены на провал.

В стране существуют возможности для работы организаций гражданского общества, что делает диалоги по правам человека, проводимые ЕС, потенциально полезными, в то же время, существуют и свидетельства того, что гражданские свободы в стране ущемляются. Одним из проектов ЕС могла бы стать поддержка политического диалога с представителями исламистского движения.

Одним из приоритетов политики таджикского правительства является завершение Рогунской дамбы, для чего остро необходимы иностранные инвестиции. Рогунская ГЭС могла бы быть объединена с проектами по поставке электричества в Южную Азию (через Афганистан в Пакистан и Индию). Несмотря на амбициозность проекта, он мог бы быть поддержан Евросоюзом, т.к. открывает большие возможности по оживлению экономики и укреплению связей с Южной Азией.

В рамках программы для диалогов по правам человека в Таджикистане Евросоюз намерен требовать от Душанбе выполнения следующих условий: открытие доступа к тюремным заключенным для представителей гражданского общества и Красного Креста; ратификация опциональных протоколов к Конвенции против пыток; ратификация Конвенции по дискриминации женщин; декриминализация понятия «клевета»; запрет на использование детского труда на сборах хлопка; введение статьи о пытках в уголовное законодательство; реформирование системы свободного доступа малоимущего населения к услугам юристов; компенсирование насильственного переселения людей в связи с государственными нуждами.

#### *Состояние и перспективы политики США в Центральной Азии*

Таким образом, центральноазиатская политика США носит во многом инерционный характер. Администрация Б. Обамы продолжает политику, заложенную ее предшественниками, хотя и вносит корректировки, как правило, связанные с резкими изменениями текущей ситуации. Основные компоненты этой стратегии включают в себя учет ЦА с точки зрения проблемы Афганистана, умеренную поддержку НПО и символическую риторику по правам человека, поддержку трубопроводных проектов в обход России и Ирана, активизацию сотрудничества с государствами региона в военной области, упор на сотрудничество с Казахстаном вне двусторонних рамок.

Новым в политике Б. Обамы в Центральной Азии является осторожность и учет интересов России. В будущем следует ожидать нарастание озабоченности Вашингтона усилением позиций Китая и Ирана в регионе. Возможно, что данный фактор будет способствовать сближению позиций США и России в регионе.

Если талибы установят контроль над всем Афганистаном, то обстановка в стране для ЦА может развиваться по непредсказуемому сценарию. Принимая во внимание, что в рядах

---

<sup>47</sup> Хайдаров Р. Таджикистан-ЕС: проблемы и возможности сотрудничества // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. – Берлин: Фонд им. Ф.Эберта, 2008. – С. 360-367.



талибов присутствует большое количество иностранных боевиков, не исключено, что они попытаются превратить Афганистан в одну большую базу для подготовки «террористического интернационала», который будет стремиться раскачать ситуацию в сопредельных регионах.

Это может означать, что страны ЦА окажутся на «переднем крае защиты» Центральной Евразии. Учитывая, что граница региона с Афганистаном весьма протяженная и проходит в значительной мере по горной местности, обеспечить ее непроницаемость будет крайне сложно. Исходя из этого, конечно, в интересах стран ЦА поддержать операции США и НАТО в Афганистане и оказать им посильную помощь.

Монополия НАТО и США на решение афганской проблемы, вероятно, заканчивается. В последние 11 лет она не принесла желаемого результата. Если сохранятся нынешние тенденции, то в Афганистане и Центральной Азии сложится та же ситуация, что на Ближнем Востоке: шансов на разрешение конфликта нет, но наличие очага напряженности порождает спрос на американские услуги безопасности.

В настоящее время для реализации стратегических интересов Вашингтона американские эксперты называют курс на сотрудничество с Москвой в Центральной Азии, а также отказ от прежней стратегии США, направленной на изоляцию или вытеснение России из региона; поддержку идеи Центральноазиатского «круглого стола», т.е. диалога на высшем уровне между государствами региона и их соседями – КНР, Россией, Турцией и Ираном. В области энергетической политики США не должны, по мнению экспертов, сосредотачиваться исключительно на известных маршрутах транспортировки нефти и газа, поддерживать российские и международные проекты, в том числе те, которые могут связать регион с Восточной Азией.

Таким образом, американские долгосрочные стратегические интересы в регионе Центральной Азии выглядят следующим образом: 1) способствовать стабилизации региона посредством его демократизации и вовлечению в процессы глобализации; 2) не допускать обретения «контрольного пакета» политического влияния со стороны какой-либо другой державы (Россия и Китай).

В целом, политика США в Центральной Азии должна (по внешним признакам) сохранить преемственность. Соответственно, данный подход действителен и в отношении Казахстана. Б.Обама и его администрация (которая, по-видимому, не претерпит радикальной трансформации кадрового состава, кроме поста госсекретаря) настроены продолжить курс на сохранение достижений «перезагрузки» с Россией. Также, в отношении Китая Соединенные Штаты ведут крайне осторожную политику.

Однако, существует ряд факторов, которые способны резко активизировать политику США в Центральной Азии. К таким факторам относятся следующие:

- непредвиденное ухудшение ситуации в Афганистане и сбой дорожной карты вывода (сокращения) американских и коалиционных войск из этой страны;
- крупномасштабный и, следовательно, затяжной конфликт с Ираном, который неизбежно затронет в том или ином виде страны ЦА, Каспийского региона и Кавказа;
- переход США к стратегии сдерживания Китая и окружения КНР кольцом стратегических баз, в т.ч. в Центральной Азии;
- усиление беспокойства Вашингтона по поводу чрезмерной (с его точки зрения) интеграции постсоветских государств с Россией в рамках ТС, ЕЭП и Евразийского Союза;
- развитие по непредсказуемому или неприемлемому для Вашингтона сценарию передачи власти в некоторых республиках региона.

В этих условиях Астане в отношениях с Соединенными Штатами необходимо руководствоваться в области дипломатии и внешней политики на ближайшую и среднесрочную перспективу определенными принципами. Они включают в себя задачу поддерживать западные инициативы, направленные на стабилизацию ситуации в Афганистане (особенно после 2014 г.). Целесообразно также в общих интересах поддерживать на международной арене все антиядерные инициативы Б.Обамы.

Казахстан способен оказывать техническую и логистическую поддержку процессу эвакуации американского снаряжения и военных частей из Афганистана; а также принять участие в адаптации использованной американской и натовской техники, но в таких пределах, которые не должны затронуть стратегические и военно-технологические интересы России в рамках военно-технического обмена ОДКБ.

Казахстан может заверить Вашингтон по дипломатическим каналам, а в случае необходимости – и на официальном уровне, что для Казахстана интеграция с Россией носит исключительно экономический характер; о каком-либо ущемлении суверенитета РК не может быть и речи. Представляется также, что в интересах национальной безопасности и стабильности ЦА необходимо внимательно осуществлять мониторинг американо-китайских отношений, чтобы не пропустить вероятный поворот к ухудшению отношений и начало конфронтации между двумя державами. И наконец, в случае гипотетического конфликта Запада с Ираном всячески дистанцироваться от конфликтующих сторон и принять серьезные меры к укреплению безопасности в рамках ОДКБ и ШОС.

Вместе с тем, США вряд ли когда-нибудь станут единственной доминирующей силой в Центральной Азии: нет никаких предпосылок к тому, что это произойдет. Реальные цели - энергетическая безопасность, близость к главному очагу с терроризма (Афганистану и Пакистану), борьба с торговлей наркотиками, оружием и технологиями производства ОМУ, поощрение прозрачности социально-экономического развития – все это требует твердых обязательств. К тому же непростые российско-американские отношения могут, по крайней мере в краткосрочной перспективе, блокировать политику США в данном регионе.

### *Состояние и перспективы политики ЕС в Центральной Азии*

Важнейшим аспектом пересмотра европейских подходов к региону ЦА является идея о том, что необходимо рассматривать регион в контексте всей Евразии.

Стратегия ЕС своим появлением уже внесла значительные коррективы в концепцию регионализма, которую ЕС применял к ЦА. Главным отличием стало введение практики региональных встреч на высшем уровне: саммитов министров иностранных дел по политическим вопросам и проблемам безопасности, а также встреч разного уровня для обсуждения более специфичных областей: образования, экологии и верховенства закона. Практическую отдачу этих мероприятий оценить сложно, но очевидно, что ЕС неизменно выступает в пользу регионального сотрудничества, даже несмотря на совсем обратные процессы в ЦА, происходящие за пределами конференций (к примеру, распад единого энергокольца).

Тем не менее, регионализм в ЦА имеет свои узкие границы. Это осознают и в ЕС, что сказалось на уменьшении бюджетов региональных программ в пользу двусторонних инициатив. В этих условиях, однако, может существовать еще одна региональная концепция, представляющая собой не «внутренний» (относящийся только к 5 странам ЦА), а «внешний» (подразумевающий сотрудничество с соседними странами за пределами Центральной Азии) регионализм. Принимая во внимание малонаселенность Центральной Азии, можно утверждать, что региональное сотрудничество имеет перспективы только в том случае, если оно является частью более широкой экономической открытости. Важнейшие вопросы

сотрудничества в Центральной Азии, такие как охрана границ, транспортные коридоры, водные ресурсы, не ограничиваются этим регионом, но выходят за пределы ЦА и приобретают трансконтинентальные масштабы. Так, управление границами подразумевает, в первую очередь, борьбу с перевозкой наркотиков в Центральной Азии, которая, по сути, является лишь перевалочным пунктом на пути из Афганистана в Россию, Европу и Китай.

Еврокомиссия ищет пути укрепления связей между Центральной Азией и странами «Восточного партнерства», в частности, через энергетическую, транспортную и экологическую сферы. В этой системе отсутствуют евразийские проекты, которые бы связывали ЦА с Россией или Китаем, или Южной Азией, или со всеми этими регионами.

В Брюсселе полагают, что можно также обратиться к политическим приоритетам государств Центральной Азии. В процессе собственной модернизации и для снижения зависимости от России и Китая, Казахстан развивает свои связи с Западом и внедряет программу «Путь в Европу». Туркменистан, оставаясь репрессивным и закрытым режимом, тем не менее, намерен расширять свой газовый экспорт во все стороны света: на север в Россию, на восток в Китай, на юг в Иран и, если все-таки ЕС решится на серьезное предложение Ашхабада, возможно, на запад в Европу. Киргизская экономика напрямую зависит от потоков китайских товаров через эту территорию в Казахстан и Россию. Таджикистан и Узбекистан заинтересованы в развитии отношений с южными странами через транспортные коридоры, проходящие через Афганистан и Пакистан к Персидскому заливу и Индийскому океану.

ЕС необходимо обратить более пристальное внимание на новую картину многополярного мира, в котором на Евразийском пространстве сформировались или переоформились новые геополитические игроки: Россия, КНР, Индия и сам Евросоюз. Главным стратегическим вызовом здесь становится сохранение нормативного порядка и духа сотрудничества. Центральная Азия занимает в этой концепции уникальное положение не имеющего выхода к морю региона, стиснутого четырьмя геополитическими гигантами: Россией на севере, Китаем на востоке, Индией на юге и ЕС на западе.

Основной смысл стратегии Евросоюза в отношении Центральной Азии – это поиск возможности включения Центральной Азии в глобальную концепцию европейской внешней политики. У Евросоюза существует налаженная система отношений с большинством регионов мира: тропической Африкой, Юго-восточной Азией, Латинской Америкой, Центральной Азией, ближайшими соседями единой Европы, а также с крупнейшими странами: Китаем, Индией и Россией. Брюссель ищет пути объединить все эти разнообразные направления и связи в единый вектор и найти место в этой системе для Центральной Азии.

Европейские стратеги отдают себе отчет в том, что в глобальном масштабе Центральная Азия является крайне малонаселенным регионом. Тем не менее, ее чрезвычайную геополитическую важность определяет географическое расположение на перекрестке интересов всех глобальных политических игроков в эпоху смены мирового порядка. Кроме того, опять же в силу специфики Центральной Азии, именно здесь открываются возможности для достижения наиболее быстрого и простого консенсуса между основными политическими силами, тогда как в других точках земного шара данный процесс может быть крайне затруднен. Этот факт в перспективе определяет чрезвычайную ценность ЦА для установления мирового порядка.

В Брюсселе исходят из того, что Центральная Азия не представляет прямой угрозы безопасности ЕС, однако существует три косвенных фактора, которые могут иметь влияние и на Евросоюз. Первая проблема для ЕС - это нестабильность энергетических поставок. Вторая проблема - «Аль-Каида» и «талибанизация». Третья проблема - контрабанда наркотиков.

Концепция регионализма, применяемая ЕС в Центральной Азии, может принять более

«экстравертные» формы, когда регион будет рассматриваться в более широком географическом контексте. Все это ведет к вопросам трансконтинентального сотрудничества вокруг Центральной Азии (или Евразийского направления внешней политики ЕС), а также проблемам многополярного сотрудничества.

По мнению европейских аналитиков, возможностей для совместной работы между ЕС, странами ЦА и заинтересованными державами (Россия, Китай, США, Индия и др.) насчитывается, по крайней мере, три.

Во-первых, это сотрудничество по предотвращению угроз, идущих со стороны Пакистана и Афганистана, в частности, экспорта наркотиков и радикального экстремизма. Во-вторых, водный вопрос, который может быть решен с помощью международного консорциума с участием всех крупнейших акторов. В-третьих, это оптимизация трансконтинентальных транспортных маршрутов торговли.

ЕС также мог бы принять статус наблюдателя в ШОС, если однажды поступит соответствующее приглашение. В качестве альтернативы формат региональных встреч ЕС со странами ЦА может быть расширен и включить представителей Афганистана, Пакистана и Индии. И наконец, европейские стратеги полагают, что поскольку ЕС уже обзавелся Центральноазиатской стратегией, она должна стать неделимой частью видения мира со стороны Евросоюза.

***Сыроежкин К.Л.***

***Главный научный сотрудник,***

***Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан***

## **Пути и механизмы решения проблем региона ЦА. Роль и потенциал ОДКБ**

За прошедшие 20 лет в Центральной Азии сложилась многоуровневая архитектура обеспечения безопасности. И хотя эффективность ряда присутствующих в ней институтов и механизмов оставляет желать лучшего, нельзя не признать того факта, что вся система в целом работает. Во всяком случае, при всех издержках, связанных главным образом с последствиями «Большой игры» в регионе, конкуренцией действующих в нем структур безопасности или параллелизмом в их деятельности, она позволяет не только находить консенсус по довольно сложным международным проблемам, но и практически решать актуальные вопросы обеспечения региональной безопасности.

**Первый уровень** условно можно обозначить как «консультативный». Хотя на данном уровне никаких конкретных решений по вопросам региональной безопасности не принимается (прежде всего, в силу отсутствия отработанного механизма их практической реализации), его значимость трудно переоценить. Особенно в современных условиях, когда для большинства глобальных и региональных «игроков» совершенно очевидно, что наблюдаемая в настоящее время конкуренция между ними контрпродуктивна.

На этом уровне основным механизмом, позволяющим вести поиск консенсуса, является Совещание по мерам взаимодействия и доверия в Азии (СВМДА).

Важно то, что действующий в рамках СВМДА механизм диалога позволяет решать конфликтные вопросы не путем вооруженного противостояния, а за столом переговоров. И в

этом – большой его плюс, поскольку превентивная дипломатия всегда лучше упреждающих ударов. Именно поэтому форсирование процесса институционализации СВМДА представляется контрпродуктивным и может привести к обратному эффекту – снижению привлекательности этой структуры для большинства входящих в нее стран.

Главные проблемы, стоящие на пути СВМДА, это: доминирующие в международных отношениях «право силы» и «политика двойных стандартов», конкуренция в регионе «глобальных игроков» и искушение региональных государств использовать эту конкуренцию в своих интересах. В этих условиях, по вполне понятным причинам, достижение консенсуса весьма проблематично, хотя диалог вести можно.

**Второй уровень** представлен ШОС, программой НАТО «Партнерство ради мира», а также структурами обеспечения безопасности, действующими в рамках СНГ. Этот уровень более конкретен, поскольку деятельность действующих в его рамках структур непосредственно направлена на решение вопросов, связанных с обеспечением региональной безопасности.

Главные проблемы, снижающие эффективность функционирующих на этом уровне механизмов безопасности, те же, что и на первом уровне: то есть, объективные противоречия между «глобальными игроками» и искушение «поиграть» на этих противоречиях.

Но наряду с ними, существуют проблемы и иного рода. Первая их группа связана с эффективностью деятельности тех организаций, под эгидой которых действуют эти структуры. «Эффективность» НАТО мы сегодня наблюдаем на примере стран Магриба и Ближнего Востока, а также в Афганистане. «Эффективность» ШОС была продемонстрирована во время грузино-российского конфликта в августе 2008 года и летом 2010 года в Грузии.

Вторая группа проблем на этом уровне обеспечения региональной безопасности связана с параллелизмом в деятельности тех механизмов, которые имеются в рамках СНГ, ШОС и программы НАТО «Партнерство ради мира».

В области обеспечения безопасности действующие в рамках этих организаций структуры ставят одни и те же задачи, что в целом справедливо. Однако методика решения этих задач существенно разнится, а потому возникает не только необходимость унифицированного понимания совокупности и содержания региональных вызовов и угроз, но и поиска механизмов взаимодействия между структурами, призванными противостоять им.

**Наконец, третий уровень** представлен лишь одной организацией – ОДКБ. Несмотря на многочисленные проблемы и сложности функционирования ОДКБ, большинство экспертов признают, что на ближайшую перспективу ОДКБ останется основной организацией по обеспечению безопасности в регионе и сохранению военно-технических контактов входящих в нее стран.

В этом выводе есть своя логика. Во-первых, пока других альтернатив не существует. Во-вторых, ОДКБ именно та институция, которая не только позволяет решать проблемы безопасности в зоне ее ответственности без вмешательства третьих сил, но в перспективе может привести к формированию новой архитектуры безопасности на постсоветском пространстве. В-третьих, только в рамках ОДКБ сформированы подразделения, способные в случае необходимости и при определенных условиях непосредственно участвовать в урегулировании конфликтов.

Однако, несмотря на то, что ОДКБ обладает достаточным потенциалом для эффективного реагирования на комплекс как глобальных, так и региональных угроз и вызовов, этот потенциал не может быть эффективно задействован.

Это объясняется несколькими обстоятельствами: во-первых, внутренними проблемами организации; во-вторых, разнонаправленностью интересов входящих в нее государств; в-

третьих, присутствием на пространстве ОДКБ внерегиональных игроков и их интересами.

Что здесь имеется ввиду?

**Во-первых**, нельзя не признать того факта, что на сегодняшний день фактически отсутствует единое Евразийское пространство безопасности. Оно остается фрагментарным, размытым и внутренне противоречивым, когда отдельные его элементы не только не гармонируют, но, напротив, конкурируют друг с другом.

Практическим отражением этого является факт существования в ОДКБ трех фактически самостоятельных территориальных зон ответственности.

Во многом именно этим объясняется и отсутствие внятной идеологии у ОДКБ, а также отчетливое наблюдаемое в последнее время стремление изменить статусное положение ОДКБ, превратив ее в универсальную международную политическую организацию.

С моей точки зрения, эта затея не только малопонятная, но и трудно исполнимая, хотя бюрократически и привлекательная. В ближайшей перспективе ОДКБ вряд ли сможет стать такой же универсальной военно-политической организацией, как НАТО. Да этого и не требуется. Напротив, для повышения эффективности деятельности ОДКБ ей надо позиционировать себя как организацию стран, которые, во-первых, строят свои армии и свою безопасность на российской платформе, а во-вторых, как реальную (обладающую соответствующим потенциалом) военно-политическую структуру, которая ни при каких условиях не допустит вмешательства третьих сил в дела объединенных в нее государств. Только в таком своем состоянии ОДКБ может не только эффективно дополнять СНГ и ЕврАзЭС, но и в глобальном контексте координировать деятельность с НАТО и ШОС.

**Во-вторых**, в ОДКБ отсутствуют общие подходы к проблемам региональной безопасности и концептуальные подходы к военному строительству государств – членов ОДКБ. Национальные концепции безопасности, внешней политики и военные доктрины не только не согласовываются между государствами – членами организации, но зачастую разрабатываются с участием специалистов государств, принадлежащих к другим военно-политическим блокам.

Если на экспертном уровне в государствах Центральной Азии и в России есть понимание комплекса проблем и угроз, имеющих место в регионе, как есть понимание того, что они носят трехуровневый характер (внешние, межстрановые и внутренние), а основными являются угрозы внутренние, то на политическом уровне такое понимание, по-видимому, отсутствуют. Другим трудно объяснить те оценки, которые звучат на саммитах глав государств – участников ОДКБ.

**В-третьих**, нет понимания общих угроз глобальной и региональной безопасности. Каждое из государств – членов ОДКБ стремится самостоятельно определять собственную иерархию угроз и вызовов безопасности, которые могут сильно отличаться от выбранной другими государствами иерархии угроз. Более того, разделение ОДКБ на три зоны ответственности само по себе создает условия для отсутствия понимания между государствами-членами.

**В-четвертых**, деятельность ОДКБ ориентирована исключительно на отражение *внешней агрессии*. О существующих или потенциальных угрозах *внутри* пространства ОДКБ, за редким исключением, государства-члены предпочитают не говорить. Тем не менее, такие угрозы и вызовы существуют, и сегодня, по мнению большинства экспертов, они более актуальны, нежели во многом гипотетическая внешняя угроза.

Если ОДКБ претендует на роль организации коллективной безопасности, то она не может не делать акцент на развитии политических компонентов, не работать с конфликтами на территории стран-участниц, не заниматься предконфликтным мониторингом и не развивать арсенал предупредительных мер и санкций, не организовывать переговорные процессы и

постконфликтное урегулирование.

Не менее значимо и то, что гипотетичность прямой угрозы полномасштабной военной агрессии в Центральной Азии многих расхолаживает, настраивает на слишком благодушное отношение к современным военно-политическим реалиям. В частности, создает иллюзию того, что государства вполне могут решать свои проблемы либо самостоятельно, не опираясь на коллективные усилия в масштабах всего региона, либо в кооперации с внерегиональными игроками. Отсюда – «особая» позиция Узбекистана по ключевым вопросам развития военной составляющей ОДКБ и постоянные шатания руководства Кыргызстана.

**В-пятых**, нет единой военно-технической политики государств – членов ОДКБ. Военно-техническое сотрудничество осуществляется исключительно на двусторонней основе. При этом, получая российскую продукцию военного назначения на льготных условиях, большинство стран параллельно осуществляют широкомасштабные закупки или безвозмездно получают вооружения и военную технику в других странах.

Аналогичным образом складывается ситуация в вопросе подготовки военных кадров. Несмотря на заключенное соглашение о подготовке военных кадров для государств – членов ОДКБ на базе российских военно-учебных заведений, динамично расширяется сотрудничество в этой области с НАТО и Китаем.

**В-шестых**, процедура принятия решений в ОДКБ (консенсус, обязательное официальное обращение президента или парламента той или иной страны за помощью, а также решение СКБ ОДКБ по данному вопросу) существенно ограничивают возможности ОДКБ по практическому использованию ее потенциала. И хотя сегодня предпринимаются попытки по изменению этой процедуры, тем не менее, она продолжает действовать.

**Наконец**, самую серьезную проблему представляет то, что ОДКБ рассматривается как структура, работающая преимущественно в национальных интересах России, а следовательно – повышение эффективности деятельности Организации, по мнению ряда экспертов, приведет к «автоматическому усилению позиций России, как внутри данного объединения, так и в регионе». А потому участие государств Центральной Азии, например в ШОС или программе НАТО «Партнерство ради мира», аргументируется как необходимость «сохранения баланса сил».

Отсюда – проблема практического задействования потенциала ОДКБ для урегулирования тех или иных конфликтов; сложности с решением вопроса о финансировании совместных мероприятий, проводимых в рамках ОДКБ, а также с формированием и содержанием КСБР, КСОР и миротворческих сил ОДКБ.

Много вопросов связано с проблемой участия России в миротворческих операциях на территории Центральной Азии и обеспечении региональной безопасности.

С одной стороны, не подлежит сомнению, что Россия хотела бы обеспечить свое участие в поддержании региональной безопасности. Хотя бы в силу сохранения своих позиций в регионе и того, что исходящие отсюда угрозы напрямую угрожают национальной безопасности России.

С другой стороны, не менее очевидно, что привлекательность России в регионе падает. Она постепенно вытесняется не только с позиций основного торгового партнера и основного инвестора, но и с позиции security manager.

С третьей – поскольку основу КСБР, КСОР и миротворческих сил ОДКБ составляют именно российские воинские подразделения, при задействовании сил ОДКБ в урегулировании конфликтов на территории одного из государств-членов (даже, если при этом соблюдены все требуемые документами ОДКБ формальности) всегда существует потенциальная угроза оценки действий России как агрессора и оккупанта.

**Никифоров А.Л.**

**Советник, ОДКБ**

### ***ОДКБ: её роль, потенциал и возможные меры при негативном развитии обстановки в Афганистане после 2014 года***

ОДКБ – уникальная организация, так как она является **единственным** коллективным инструментом сдерживания на постсоветском пространстве, который способен взять на себя ответственность по реальному обеспечению региональной стабильности в мирное время и по отражению вооруженного нападения в случае крайних обстоятельств. В этом плане ОДКБ по справедливости может рассматриваться «в качестве главного инструмента, призванного противостоять региональным вызовам и угрозам военно-политического и военно-стратегического характера» (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года).

ОДКБ отличается исключительным динамизмом. Это – **постоянно развивающаяся** организация. Не проходит года, чтобы ОДКБ не приобрела ту или иную новую функцию, новое качество. Эта не трансформация ради формы, это – изменения, подсказанные, а то и продиктованные жизнью. Например: по итогам кризиса в Киргизии были приняты решения, определяющие не только алгоритм коллективного реагирования на подобные и иные кризисные ситуации, но и систему превентивных мер.

Наконец, ОДКБ всегда была и **остается открытой к сотрудничеству**. Дело в том, что сплоченность государств-членов ОДКБ никогда не подразумевала закрытость Организации, а тем более её противопоставление другим международным структурам или странам. Не менее важна последовательная позиция государств-членов ОДКБ относительно того, что ни одно государство мира не является противником Организации и что каждая страна может рассчитывать на открытое взаимодействие с ОДКБ.

Если же брать всё десятилетие развития ОДКБ, то можно сказать: вместо своего рода оборонного пакта, характерного для второй половины прошлого века, ОДКБ *превратилась в современную многофункциональную структуру комплексного обеспечения безопасности* в зоне своей ответственности.

\* \* \*

В деятельности ОДКБ по санации угроз параллельно с политической работой можно выделить **три главных направления**: оборону, противодействие нетрадиционным вызовам и превентивные антикризисные шаги. Вероятно, в связи с постановкой вопроса о потенциале ОДКБ следовало бы сосредоточиться на оборонной теме.

Все три региона коллективной безопасности прикрыты российским ядерным «зонтом» от дальних стратегических угроз. Что же касается угроз с применением обычных вооруженных сил, то у нас имеются соответствующие *группировки войск* для их парирования.

Наши коллективные силы нацелены на обеспечение безопасности государств-членов при любом повороте событий. Недавно созданные *коллективные силы оперативного реагирования*, действующие на всём пространстве ОДКБ, насчитывают порядка 17 тысяч военнослужащих и около 2 тысяч сотрудников сил специального назначения. Эти силы прошли хорошую подготовку в ходе крупных учений в 2009-2012 годах.

Для отражения отдельных вылазок террористов в Центральной Азии ОДКБ имеет также около 4 тысяч бойцов *Коллективных сил быстрого развертывания*. Они хорошо



подготовлены, мобильны; в их распоряжении есть авиабаза.

Кроме того, в системе коллективной безопасности ОДКБ имеются 3500 бойцов в составе *Миротворческих сил*. Они готовы к участию в специализированных операциях, не предусматривающих действий по силовому принуждению к миру. 8-17 октября прошло первое учение этих сил.

В сентябре подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Департаментом операций ООН по поддержанию мира. Представители ООН выражают готовность рассмотреть возможность использования МС ОДКБ или их компонентов при проведении миротворческих операций ООН.

Механизм задействования любого компонента наших коллективных сил гарантирует, что *никаких опрометчивых, операций, никаких жандармских акций допущено не будет.*

Приведу, к примеру, деятельность ОДКБ **в оборонной сфере в 2012 году:**

1. Проведены: совместное учение «Взаимодействие-2012» Коллективных сил оперативного реагирования (15 – 19 сентября 2012 года, Республика Армения) и совместное тактическое учение «Рубеж-2012» Коллективных сил быстрого развертывания ЦАР (8 – 10 августа 2012 года, Российская Федерация). На учениях отработаны возможные способы применения воинских контингентов и формирований сил специального назначения в совместных операциях, в частности при разгроме иррегулярных вооруженных формирований и штурме населенного пункта.
2. Завершено формирование Миротворческих сил ОДКБ. С 8 по 17 октября 2012 года на территории Казахстана проведено первое совместное миротворческое учение «Нерушимое братство-2012» (порядка 1000 участников).
3. Подготовлен проект Программы военно-экономического сотрудничества государств-членов ОДКБ на период до 2015 года и дальнейшую перспективу, которая охватывает все направления военно-технического и военно-экономического сотрудничества.
4. Подготовлены Основные направления развития военного сотрудничества Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2020 года. Они учитывают вероятное развитие обстановки в Афганистане после 2014 года.

Проектом Основных направлений предусматривается осуществить *интегрирование всех компонентов сил и средств системы коллективной безопасности ОДКБ - региональных (объединенных) группировок войск (сил), Миротворческих сил, Коллективных сил оперативного реагирования - в Войска (Коллективные силы) ОДКБ с включением в их состав дополнительно авиационных сил и сил специальных операций.* Учтена возможность формирования межгосударственного органа военного управления Войсками (Коллективными силами) Организации.

Предусматривается создание *Единой (Объединенной) системы противовоздушной и противоракетной обороны ОДКБ.*

Осуществляется *переход к среднесрочному и долгосрочному планированию, к формированию и реализации единой военно-технической политики* в оснащении Войск (Коллективных сил) ОДКБ современными вооружением, военной и специальной техникой.

Успешному функционированию военной составляющей ОДКБ способствует то, что с 2004 года государства-члены получают военную технику по внутренним российским ценам. Имеется также договоренность о срочных безвозмездных поставках в случае чрезвычайных обстоятельств. Кроме того, с июня 2005 года действует Соглашение о подготовке военных кадров, в том числе на льготной или безвозмездной основе. В среднем в год выделяется порядка 800 мест в военных ВУЗах России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии.

Поскольку *основная внешняя угроза странам Центральной Азии исходит с территории Афганистана*, стоит сказать, как предполагает действовать ОДКБ в случае кризиса или обострения.

На основе информации государств-членов в октябре проведен анализ ситуации и составлен план действий по предотвращению и минимизации негативных последствий, которые могут последовать после вывода МССБ.

Схематично речь, в частности, может идти о том, какие силы из потенциала ОДКБ будут выделяться в том или ином случае.

Если в Киргизию или Таджикистан прорвутся группы, сколоченные в основном из бывших граждан этих стран, бежавших в ИРА или в Пакистан, то, скорее всего, ОДКБ не будет направлять на помощь свои формирования. Исходим из того, что с такими бандами справятся вооруженные силы самих этих стран. Конечно, и сейчас и в ближайшие годы Организация будет помогать оружием, другими средствами, укреплять охрану границ и т.п.

Если же речь пойдет о бандформированиях, где будут представители племен северного Афганистана, а численность их будет исчисляться уже не десятками, а сотнями, будут немедленно задействованы КСБР, а возможно, частично и КСОР. Именно с этой целью принимаются меры по усилению этих группировок, приданию им авиации.

Наконец, если вооруженное нападение совершат крупные силы (условно, - «северяне» плюс талибы), то кроме КСБР и КСОР (используемых в полном объеме) могут быть задействованы дополнительные части наших коллективных сил. Создаваемые Войска ОДКБ будут давать нам такую возможность.

В любом случае исходим из того, что нашей Организации придется сражаться, не рассчитывая на помощь других структур. Ведь НАТО уйдет. США будут защищать собственные войска в Афганистане, которые окажутся в положении заложников. У ШОС – нет вооруженных сил и вообще оборонного направления. Поэтому ОДКБ придется полагаться только на те силы, которые мы сумеем подготовить за оставшееся время. Отсюда вытекает задача форсирования мер по укреплению оборонного потенциала Организации.

Если окажется, что афганская угроза преувеличена, то подготовленный силовой потенциал ОДКБ вряд ли окажется лишним. Слишком много угроз, которые могут появиться с других направлений. Достаточно упомянуть вполне вероятный удар по Ирану с его трудно прогнозируемыми последствиями. Нельзя исключать и афгано-пакистанский конфликт с вероятным выбросом потоков беженцев и каких-то бандформирований на Север. Да и само развитие Афганистана после 2014 года – многовариантно. Инерционного сценария в Афганистане и вокруг него просто не может быть. Поэтому ОДКБ будет готовиться к любому развитию событий.

**Жуков С.В.**

*Д.э.н., руководитель Центра энергетических исследований ИМЭМО РАН*

### **Экономическое взаимодействие России и Центральной Азии в условиях глобализации и «открытого регионализма»**

В российском научном сообществе существуют две основных точки зрения на перспективы экономического взаимодействия России со странами Центральной Азии. Я разделяю ту точку зрения, что каких-либо значимых рыночных оснований для масштабного развития этого сотрудничества не существует. Более того по мере размывания общего советского прошлого таких предпосылок становится все меньше.

Очень кратко суммирую логику экономического подхода. Во-первых, типологически все государства Центральной Азии принадлежат к группе стран, не имеющих выхода к морю, а значит мировым торговым путям. К тому же, как и типологически близкие государства Африки, центральноазиатские страны предельно удалены от развитых мировых центров производства и потребления. Издержки входа в центральноазиатские страны (как и выхода из них) для экономических агентов находятся на запретительно высоком уровне, что исключает участие местных экономик в международном промышленном разделении труда. Компаниям просто невыгодно оплачивать повышенные издержки взаимодействия с этим регионом, более того – такое взаимодействие подрывает их глобальную конкурентоспособность.

Во-вторых, страны Центральной Азии за исключением Казахстана, отличаются предельно сложными климатическими условиями и сложной физической географией, что дополнительно осложняет процесс экономического развития.

Географическое положение и география – это константы. По большому счету для мировой экономики в Центральной Азии интерес представляют только природные ресурсы глобального значения. Не удивительно, что более или менее удовлетворительные экономические результаты в регионе демонстрирует лишь Казахстан, который включился в мировое разделение труда в качестве нефтеэкспортера. Определенные шансы на развитие, опуская внутренние факторы, в ближайшей перспективе имеет Туркменистан, который быстро превращается в крупнейшего экспортера газа в Китай.

Однако, отсутствие широких базовых экономических предпосылок для масштабного экономического сотрудничества на рыночных принципах между самими странами Центральной Азии и с Россией не означает, что не должны быть использованы те возможности, которые существуют для наращивания экономического сотрудничества. В первую очередь речь идет о сотрудничестве между соседствующими и близлежащими регионами России и Казахстана.

Особо следует сказать об общем контексте, в котором развиваются экономические связи России и Центральной Азии. Здесь главное значение имеют три момента.

Во-первых, политико-экономическая структура в странах Центральной Азии уже сложилась. Важнейшим элементом этой структуры является активнейшее участие глобальных экономических игроков – американских и европейских транснациональных корпораций, Китая и китайских компаний и др. – в процессе развития. Именно благодаря капиталам и технологиям, принесенным глобальными игроками, и Казахстан и Туркменистан увеличивают добычу и экспорт нефти и газа. Иностранные компании представляют важнейший элемент местной производственной структуры. Участие иностранного капитала в нефтегазовом секторе в Казахстане и Туркменистане будет только нарастать. Включиться в

динамичные контуры роста стремятся и другие страны. Так, Узбекистан начал экспорт природного газа в КНР.

Во-вторых, как и большинство стран современного мира государства Центральной Азии в экономике придерживаются принципа «открытого регионализма». Это значит, что участие в любых торговых и интеграционных образованиях они не рассматривают как препятствие для участия в других экономических союзах. В Азии такая рациональная политика получила название «миска интеграционных спагетти» - каждая страна участвует во всех возможных интеграционных инициативах. Для развивающихся в объективно тяжелых условиях центральноазиатских республик такая политика более чем понятна. Следовательно, российским компаниям и экономическим властям необходимо строить отношения в регионе учитывая то обстоятельство, что по каким-то направлениям местные компании являются нашими партнерами, а по каким-то другим – конкурентами.

В-третьих, взаимодействие с Центральной Азией должно быть подчинено задаче модернизации российской экономики и общества. Проекты экономического сотрудничества в двустороннем и многосторонних режимах должны опираться на платежеспособный спрос, пусть в перспективе. Возрождение советской системы перераспределения масштабных экономических и финансовых ресурсов в пользу неэкономических проектов абсолютно неэффективно и разорительно для бюджета.

*Е.Б. Яценко,*

*Президент Фонда "Наследие Евразии"*

### **О невоенных инструментах защиты интересов России в регионе Центральной Азии и Афганистана**

Как правило, под невоенными инструментами понимают совокупность социальных институтов (организаций), правовых норм, духовных ценностей, информации и технических систем общего назначения, используемых государством для воздействия на внутренние и внешние отношения с целью укрепления военной безопасности<sup>48</sup>. При этом, история показывает, что невоенные инструменты способны не только помогать, но и в ряде случаев предотвращать и замещать применение военной силы.

В Военной доктрине Российской Федерации<sup>49</sup> содержится перечень невоенных инструментов обеспечения военной безопасности, к которым относят: политико-дипломатические, правовые (международные и внутригосударственные), экономические, идеолого-психологические, информационные, гуманитарные, разведку и общественную дипломатию. В данной статье в большей степени затронуты экономическая и гуманитарная составляющие.

#### **Экономическая интеграция на Евразийском пространстве**

Не секрет, что применение невоенных инструментов в странах Центральной Азии и Афганистане в значительной мере обусловлено экономическими интересами, которые, как правило, определены наличием большого количества неосвоенных природных ресурсов в регионе (в Афганистане они оцениваются американскими специалистами в \$ 1 трлн.), а также географически выгодным расположением этих стран между источниками и потребителями энергетических ресурсов. Запасы ископаемого топлива стран Центральной Азии оцениваются в 23 миллиарда тонн нефти и 3000 миллиардов кубометров газа. Цифры

<sup>48</sup> <http://antimilitary.narod.ru/antology/serebrianikov/sredstva.htm>

<sup>49</sup> Указ Президента РФ от 5 февраля 2010 года № 146 "О Военной доктрине Российской Федерации"

красноречиво говорят сами за себя. Немаловажным фактором является и соседство с бурно развивающимися экономиками Китая и Индии.

Политическое решение лидеров Белоруссии, Казахстана и России о создании Евразийского союза создает перспективу изменения Евразийского пространства. Уже сегодня действует Таможенный Союз и активно формируется Единое экономическое пространство. Интерес к этому проекту проявляют Киргизия и Таджикистан. Фактически речь уже идет о создании нового формата центрально-азиатской части СНГ, который может влиять на планы «вечно стоящего в стороне» Туркменистана, и время от времени меняющего вектор интеграции Узбекистана. В то же время переформатирование евразийского пространства не оставит в стороне сопредельные с Центральной Азией государства (Афганистан, Иран, Китай, Пакистан, Индию), а также заинтересованных в регионе глобальных игроков (ЕС, США, НАТО) и «несоседние» страны - Турцию, Японию, Южную Корею.

*Вывод первый.* С одной стороны, реакция на создание Евразийского союза у этих международных акторов неоднозначна, сценарии развития взаимоотношений только формируются. Но одно то, что при взаимном интересе государства-участники Евразийского союза могут создать некое экономическое лобби, уже вызывает у них озабоченность. С другой стороны, рынок стран Центральной Азии и Афганистана интересен для бизнес-структур всех стран-участниц Евразийского союза, экспорт здесь носит «благородный» не сырьевой характер.

Российский бизнес пока не вернулся к докризисному объему инвестиций за рубежом, но их росту в странах Центральной Азии и Афганистане будут препятствовать традиционные для этих стран риски. В первую очередь это – проблемы с гарантиями неприкосновенности инвестиций и защиты соответствующих объектов от внезапного отчуждения, а также преодоление последствий срыва соглашений о приватизации ряда активов.

Тем не менее, есть данные о готовности со стороны российских бизнес-структур участвовать в инфраструктурных проектах, а также в восстановлении и реконструкции различных объектов. Соседство России с центральноазиатскими государствами и далее через них с Афганистаном, кроме угроз содержит в себе также и преимущества выхода на перспективные рынки. При этом российские бизнес-структуры находятся в конкуренции за эти рынки и, как и другие иностранные инвесторы, возлагают большие надежды на крупные транзитные проекты. В т.ч. прокладку трубопроводов (Туркменистан-Афганистан-Пакистан-Индия - ТАПИ), железнодорожных и автомобильных магистралей (Синьцзян-Карачи, Колхозабад-Мешхед и Ташкент - Ашхабад - Бендер-Аббас), линий электропередач (CASA-1000) и связи (Евразийская оптоволоконная магистраль).

*Вывод второй.* В целом, для успешного продвижения российского бизнеса в эти страны необходима поддержка на уровне государства, а в будущем и на уровне структур Евразийского союза. Поэтому в настоящее время, возможно, было бы правильным развить идею создания Российской корпорации сотрудничества со странами Центральной Азии (РКС ЦА), которая могла бы осуществлять комплексную программу действий РФ в центральноазиатском регионе, решая вопросы по проектному принципу. Здесь и осуществление стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 года, и объединение бизнес-проектов под единым управлением на принципах частно-государственного партнерства, и создание взаимоувязанного гуманитарного блока, имеющего в своей основе образовательные проекты, начиная со школы, заканчивая университетами. По большому счету, речь идет о корпорации развития, которая станет тем самым недостающим российским лобби в Центральной Азии, а затем и Афганистане. Такая форма помогла бы создать систему, не зависящую от межведомственных нестыковок, мешающих проектной деятельности как в самой России, так и за рубежом.

Осенние визиты 2012 г. Президента России в Киргизию и Таджикистан создали предпосылки

превращения невоенных инструментов защиты интересов страны в действенный ресурс, что дает возможность отчасти уравновесить «жесткую» силу», превалировавшую долгое время в отечественном внешнеполитическом инструментарии.

Сегодня руководство Российской Федерации увязывает безопасность в регионе с его развитием. Поэтому создание базы в Кыргызстане подкрепляется сотрудничеством в сфере энергетики и списанием долга, а продление договора о 201-й базе в Таджикистане – оказанием помощи в борьбе с наркоторговлей, поставками российских горюче-смазочных материалов (ГСМ) по льготным ценам, и, что чрезвычайно важно для стран исхода, смягчением условий регистрации трудовых мигрантов.

Действительно, содействие развитию, и в первую очередь, странам Центральной Азии способствует не только укреплению национальной безопасности, снижая риски нестабильности ввиду вероятного вывода коалиционных войск из Афганистана в 2014 г. Оно содействует ускорению динамики интеграционных процессов, в первую очередь, в рамках ЕЭП, снижает внутрироссийские социальные риски, связанные с миграцией и торговлей наркотиками, а также создает благоприятные возможности для деятельности отечественных бизнес-структур. В результате появляется основание для сохранения политического и экономического влияния Российской Федерации в регионе.

*Вывод третий:* все это дает основание предполагать, что содействие международному развитию (СМР) в приоритетном для России регионе выходит на новый уровень. Кроме этого, кооперация с Казахстаном в программах помощи развитию Афганистану, Киргизии и Таджикистану также может быть полезна для развития сотрудничества в рамках создаваемого Евразийского союза.

В то же время, успешность любой региональной программы на основе невоенных средств будет зависеть не от заявленной близости к интеграционному проекту, а от прагматичности, умеренности и такта в ходе ее реализации. Иными словами, нельзя однобоко трактовать невоенные средства только в качестве временных заменителей военной силы, так как речь идет о задачах, превосходящих рамки собственно военной безопасности.

Антинаркотический пакт между Афганистаном и Китаем, Ираном, Пакистаном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном, принятый в присутствии 50 стран-участниц Берлинской конференции 2004 г. в большей степени остался благим намерением. И чем дальше, тем больше Афганистан втягивается в производство сырья, прокурсоров и наркотических средств сам и способствует превращению стран Центральной Азии в территорию потребления и содействия наркотрафику. По данным ООН по итогам 2011 года в Афганистане опийный мак выращивали уже не в 17 провинциях как в 2010 году, а в 20. Причем рост наблюдался в провинциях, граничащих с Туркменистаном и Таджикистаном. Всего же в 2011 году площадь нелегальных посевов опийного мака возросла на 7% со 123 до 131 тысяч га. Производство опия выросло по сравнению с 2010 г. на 61% и составило 5600 тонн. При ценах в 2011 г. – \$180 за 1 кг опия-сырца или \$ 241 за 1 кг сухого опия при традиционно низких ценах на пшеницу в Афганистане, можно предполагать, что выращивание опийного мака примет еще более угрожающие масштабы.

При слабости центральной власти в Киргизии и Таджикистане на первые роли выходят клановые силы влияния, имеющие тесные связи с наркобизнесом. Во многом это – результат плачевного состояния экономики и социальной сферы. В наркотрафике принимают участие представители органов государственной власти, а начиная с 2009 года, при общем росте производства наркотиков в этих странах статистика изъятия имеет отрицательную динамику (в Таджикистане в 2009 г. – 4,57 тонн, в 2010 – 3,9 тонн).

*Вывод четвертый:* включение в Евразийский союз Киргизии и Таджикистана потребует усиления борьбы с северным маршрутом афганского наркотрафика. Поэтому

углубление интеграции с этими странами потребует значительных ресурсов, в том числе, возможно, и возвращения российских пограничников на внешние границы этих стран. Готова ли Россия взять на себя еще и эти расходы?

### Социально-политический и гуманитарный аспекты

Если в экономической сфере Россия проявляет некоторую активность, в гуманитарной все обстоит гораздо сложнее. На территории Центральной Азии и Афганистана исторически пересекались различные экономические, идеологические и культурные мотивы, связанные с интересами крупных государственных образований. Поскольку пересечение интересов, пусть и в другой форме, сохраняется, регион по-прежнему - зона выбора, где в явном виде проявляется неопределенность как в отношении будущего развития стран, так и ситуации вокруг них.

Как уже указывалось выше, сегодня интересы всех стран в данном регионе концентрируются вокруг добычи сырья, энергетики, развития транзитного потенциала и, что немаловажно, образования.

В свое время СССР максимально расширял границы, благодаря ряду несиловых факторов, в том числе распространением цивилизационного, гуманитарного влияния. В Афганистане при технико-экономическом содействии Советского Союза было построено 193 экономических объекта, многие из которых работают и поныне.

В странах Центральной Азии в связи с интенсивным развитием промышленности темпы развития городов и роста численности их населения были выше, чем в среднем по СССР. Число горожан в Узбекистане за 1926-1989 гг. возросло в 7 раз, в Туркмении – в 10, Киргизии – в 12, Таджикистане – в 13, в Казахстане в 16 раз при увеличении численности городского населения СССР за этот период в 6,5 раза. В 80-ые годы среднегодовые темпы прироста городского населения в Средней Азии составляли 3,4% - это были самые высокие показатели в СССР. Если брать в качестве одной из оценок развития экономики страны соотношение городского и сельского населения, то в странах ЦА данный показатель рос вплоть до крушения СССР, затем вследствие оттока русских и деиндустриализации несколько снизился. В то время как в Афганистане городское население сегодня составляет около 20 процентов, см. табл.1.

**Таблица 1.** Доля городского населения по данным переписей и других источников (в %)

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	1995	2000	2005	2009	2011
Киргизия <sup>50</sup>	12	18	34	37	38	38	36	35	35	34	34
Таджикистан <sup>51</sup>	10	17	33	37	35	33	27	27	нд	26	26
Туркмения <sup>52</sup>	14	33	46	48	48	45	46	46	47	нд	48
Узбекистан <sup>53</sup>	22	23	34	37	41	41	37	37	36	36	36
Казахстан <sup>54</sup>	9	29	44	50	54	57	56	56	57	53	54

<sup>50</sup> Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве. / под ред. Л.Л. Рыбаковского – М.2008.с.488

<sup>51</sup> <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0191/analit05.php>

<sup>52</sup> Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения, данные переписей населения Туркмении, информация из «Национального Института Государственной статистики и информации Туркменистана» и <http://www.uadream.com/tourism/Asia/Turkmenistan/element.php?ID=26071>

<sup>53</sup> <http://www.fundeh.org/files/projects/elements/80/irmanov.pdf>

<sup>54</sup> Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. -Алма-Ата, 1991.-С.7, 9, 11;

Демографический ежегодник Казахстана. 2000.Стат. сб. -Алматы, 2002.-С.10;

Россия <sup>55</sup>	18	34	52	62	69	73	73	73	74	74	74
Афганистан <sup>56</sup>											20

За годы вхождения территории Центральной Азии в Российскую империю и СССР население этих стран претерпело качественное изменение, и это до сих пор является конкурентным его преимуществом. По данным Доклада ПРООН 2009 г., уровень грамотности во всех государствах ЦА, кроме Узбекистана – более 99 процентов, в Узбекистане соответственно 96,9. Самые свежие данные по Афганистану есть за 1999 год, и тогда этот показатель составлял 31 процент, см. табл.2.

**Таблица 2**

	<b>AF</b>	<b>KZ</b>	<b>KG</b>	<b>TJ</b>	<b>TU</b>	<b>UZ</b>	<b>RF</b>
Средний возраст населения, лет	18,9	30,2	25	22,6	25,3	25,7	38,7
Средняя продолжит. жизни, лет	47	68,5	70	66	68,5	72,5	66,3
Числ. 2011, <sup>57</sup> млн	29,8	15,5	5,6	7,6	4,9	28,1	138,7
Прогноз на 2050 <sup>58</sup> , млн	61,0	17,4	8,1	11,5	7,6	37,6	110,1
Уровень грамотности <sup>59</sup> , 2009 г., %	31 (1999, %)	99,6	99,3	99,6	99,5	96,9	99,5

Таким образом, вложения предыдущих поколений не прошли даром, Россия изначально в 1991 году имела буферную зону в виде государств Центральной Азии, население которых являлось гуманитарным щитом от влияния радикальных исламских течений. Данное преимущество важно для России и в рамках Евразийского Союза. При вхождении в него Киргизии и Таджикистана границы России будут отодвинуты на внешние рубежи интеграционного образования, и фактически с юга мы будем соседствовать со страной, где две трети населения элементарно безграмотно, при этом темпы его роста чрезвычайно высоки. К середине текущего века в Афганистане будет в два раза больше жителей (около 61 млн.), чем сейчас, см. табл.2 .

*Вывод пятый.* К моменту развала СССР севернее границ Афганистана сформировался блок стран, уровень развития которых оказался на порядки выше. Была практически уничтожена сама почва для возможного появления различных тенденций (влияний) с юга. Сегодня же приходится признать, что Россия фактически покинула поле своего

Демографический ежегодник Казахстана, 2005. Стат. сб. -Алматы, 2005.-С.5.;

Об уточненной численности населения Республики Казахстан на начало 2007 года // Экспресс-информация Агентства по статистике Республики Казахстан.- 10 апреля.-2007;

Демографический ежегодник регионов Казахстана.Стат. сб. -Алматы, 2006.-С.5.

<sup>55</sup><http://ru.wikipedia.org/wiki/B5>

<sup>56</sup> <http://ru.worldstat.info/Asia/Afghanistan>

<sup>57</sup> <http://ru.worldstat.info>

<sup>58</sup> Population Reference Bureau. 2010 World Population Data Sheet

<sup>59</sup> Доклад ПРООН 2009 г.



гуманитарного влияния в регионе. В результате катастрофическими темпами происходит деградация обществ, выравнивание их до уровня Афганистана, т.е. границы и отличия стираются, а возможные риски и влияние многократно возрастают.

Уход России из гуманитарного пространства Центральной Азии приводит к тому, что население, и особенно постсоветское поколение, без целенаправленного содействия развитию со стороны России при жизни одного поколения терпит серьезные трансформации. Нельзя забывать, что страны Центральной Азии – молодые. Средний возраст в Таджикистане сегодня 22,6 лет, в Киргизии 25, в Туркменистане 25,3, Узбекистане 25,7, в Казахстане несколько больше – 30,2, но в основном за счет северных областей, на юге - около 25 лет. В Афганистане средний возраст населения еще ниже – 18,9 лет. В ситуации выбора предложений, исходящих от многих стран, заинтересованных в регионе, молодежь все чаще вынуждена выбирать альтернативные пути развития.

Война идет в умах, угрозой для России становится сама изменяющаяся ментальность жителей Центральной Азии. На территориях, граничащих с Афганистаном, наркотрафик вовлекает молодежь в свою орбиту, это становится рутинным/обыденным занятием для молодого поколения, одним из видов работы. У молодежи меняются ценности. Все то, что было создано ценой колоссальных усилий предыдущих поколений общей страны, и не только силового характера: включение центрально-азиатских республик в общий цивилизационный котел, создание новой шкалы ценностей, новых институтов и направлений жизни общества, выращивание национальной элиты, постепенно замещается предложениями других глобальных игроков. В результате, уже сегодня ментальные границы влияния России резко отошли на север и уже почти сравнялись с географическими рубежами РФ.

Согласно последней «советской» переписи 1989г. всего в странах СНГ и Балтии проживало 25.3 млн. русских. С 1989 по 2011гг. количество русского населения, проживающего в странах Центральной Азии сократилось на 3,7 млн. человек и в настоящее время составляет около 5,9 млн. При этом в каждой из стран ситуация своя, в процентном отношении русскоязычная среда утратила от 15 процентов в Узбекистане до 82% в Таджикистане. Понятно, что статистика практически во всех новых независимых государствах (ННГ) ориентирована на программные документы лидеров государств, но тенденции налицо, см. табл. 3.

**Таблица 3.** Численность представителей титульной национальности и русских в государствах ЦА по переписям 2010-2011 гг. и убыль русских с 1989.

	<b>Всего, тыс чел</b>	<b>KZ</b>	<b>KG</b>	<b>TJ</b>	<b>TM</b>	<b>UZ</b>
Население ЦА, тыс. чел (перепись 2010-2011 гг.)	<b>62 681</b>	16 009 <sup>60</sup>	5 363 <sup>61</sup>	7 565 <sup>62</sup>	5 105 <sup>63</sup>	28 639 <sup>64</sup>
Русские в ЦА (перепись 2010-2011 гг.), тыс.чел.	<b>5 863</b>	3794,3	419,4	68,2	164,9	1406,2
Русские в ЦА (1989 г.)	<b>9 520</b>	6 228	917	388	334	1653
Население титульной национальности (перепись		63,07	70,95	79,94	78,57	79,10

<sup>60</sup> Национальная перепись населения 2009 г.

<sup>61</sup> Национальная перепись населения 2009 г.

<sup>62</sup> Национальная перепись населения 2010 г.

<sup>63</sup> Национальная перепись населения 2010 г.

<sup>64</sup> Данные на начало 2011 г.

2010-2011 гг.), %						
Русские (перепись 2010-2011 гг.), %		23,70	7,82	0,9	3,23	4,91
<b>Убыль русских с 1989 г., %</b>	<b>3 657</b>	<b>39</b>	<b>54</b>	<b>82</b>	<b>51</b>	<b>15</b>

Сам термин «афганизация» носит больше гуманитарный акцент. Происходит замещение советской и постсоветской систем, целенаправленно насаждаются новые гуманитарные коды. Сегодня Россия не предоставляет возможности выбора подрастающему поколению этих государств – хотя и может это делать, даже исходя из имеющихся ресурсов. Понятно, что исламские традиции сильны в этих республиках. Есть медресе. Но почему до сих пор нет русских школ, хотя запрос со стороны населения значительный? И здесь речь идет не о школах или классах с преподаванием на русском языке, а об учебных заведениях, сохраняющих традиции образования и воспитания русской школы. Почему в условиях демографической ямы в когорте российских абитуриентов и наличии квот на обучение в России, не налажен перспективный и своевременный рекрутинг из этих стран? Еще в прошлый президентский период В.В. Путина было широко объявлено о создании в Центральной Азии сети русских школ, но сегодня Россотрудничество лишь скромно упоминает о разработке некой концепции.

Между тем конкуренция за умы подрастающего поколения возрастает, и системы образования центральноазиатских государств пронизаны сетью проектов и эмиссаров. В министерствах образования этих стран на одном этаже с главой ведомства, как правило, расположены, офисы иностранных образовательных проектов. Российских представительств и проектов там нет. Хочется надеяться, что пока, а не уже.

Например, Китай в рамках программ содействия международному развитию в этом году открывает в Бишкеке элитную школу, преподавание в которой будет вестись на русском языке. Турция имеет сеть своих лицеев во всех государствах Центральной Азии, которые также ориентированы на формирование лояльной элиты этих стран. Лицеи предлагают своим выпускникам доступ к различным грантовым программам дальнейшего обучения в вузах в самих центральноазиатских странах и за рубежом.

В результате того, что российские конкурентоспособные образовательные проекты практически не представлены, а значит, не влиятельны на территории Центральной Азии, в их современных учебниках Россия – в младших классах – колонизатор и угнетатель, в старших – страна с недемократическим режимом.

*Вывод шестой.* Сегодня Россия и ее партнеры по ОДКБ и ШОС создают разного рода «пояса безопасности» (антинаркотический, антитеррористический) на северной границе Афганистана, но очевидно, что без продвижения гуманитарных, и, прежде всего, образовательных проектов мы все время будем бороться со следствием, а не устранять причину. Если так пойдет, то не за горами тот час, когда мы будем наблюдать применение невоенных инструментов защиты наших интересов только на своей собственной территории, на территории России.

## Трудовая миграция – главный объект совместных усилий по обеспечению безопасности стран Центральной Азии и России

При обсуждении бесчисленных проблем Центральной Азии "невоенным инструментам" их разрешения отводят, как правило, скромное место. Политики и эксперты традиционно уделяют основное внимание иным механизмам разрешения проблем региона. Однако применительно к сотрудничеству России со странами ЦА именно "невоенные инструменты" могут, как представляется, в наибольшей мере способствовать не только уменьшению, но и предотвращению именно "новых" угроз как для стран ЦА, так и для России – в первую очередь речь идет о распространении религиозно-экстремистских движений и повышении террористической активности как в регионе, так и на российской территории.

Предотвращение этих угроз осложнено весьма нестабильной и сложной во многих отношениях внутривнутриполитической и экономической ситуацией в большинстве стран ЦА, где пока не удастся сколько-нибудь радикально её улучшить как в целом, так и особенно в столь социально значимой сфере как *занятость*. Рост безработицы в странах ЦА – фактор, активно способствующий нарастанию (всё чаще и под внешним влиянием) недовольства в обществе, в первую очередь молодежи и лиц среднего поколения. В силу указанных обстоятельств именно в этих странах может иметь место усиление "потенциала политической конфликтности и экстремизма", прогнозируемое на период до 2030 года аналитиками ИМЭМО РАН<sup>65</sup>.

Как показали исследования, проведенные в Центре проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН<sup>66</sup>, в государствах ЦА, как и во многих других развивающихся странах, в настоящее время наиболее эффективным выходом из сложившейся ситуации служит *трудовая миграция*. Даже в условиях мирового экономического кризиса приток денежных средств мигрантов постоянно растёт и уже сейчас вдвое превышает оказываемую развивающимся странам финансовую помощь развитию на льготных условиях (official development assistance).

В 2012 г. мигранты из развивающихся стран отправили домой 406 млрд. долл. (на 6,5% больше, чем в 2011 г.), а к 2015 г. сумма переводов вырастет, согласно прогнозу МБРР на 31,5% – до 534 млрд. долл.<sup>67</sup> При этом, как показали расчёты, сделанные в ЦПРМ ИМЭМО и МБРР, фактический приток переводов с учётом неформальных каналов в целом по развивающемуся миру выше примерно в 3 раза, а по отдельным странам – в 5-6 раз. В 2011 г. приток лишь официально зарегистрированных переводов центральноазиатских мигрантов из России возрос на 13,1%. Крупнейшими получателями этих средств были Узбекистан (4,9 млрд. долл. – 1-ое место), Таджикистан (2,8 млрд. – 2-ое место), Киргизия (1,4 млрд. долл. – 4-ое место). Только на эти три страны пришлось почти 55% совокупного объёма переводов из

<sup>65</sup> Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под. ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. – М: Магистр, 2011. – С. 211.

<sup>66</sup> Подробнее см. Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки — динамика и современное состояние / Сб. ст. Отв. ред. А. А. Рогожин. – М: ИМЭМО РАН, 2007; Миграционные процессы в развивающихся странах Азии и Африки – основные проблемы, попытки решения / Сб. ст. Отв. ред. А. А. Рогожин. – М: ИМЭМО РАН, 2008; Миграционные процессы в странах Азии и Африки – опыт государственного регулирования / Сб. ст. Отв. ред. А. А. Рогожин. – М.: ИМЭМО РАН, 2010.

<sup>67</sup> <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/NEWS/0,,contentMDK:20648762~pagePK:64257043~piPK:437376~theSitePK:4607,00.html>; IBRD. Migration and Development Brief № 19. 20.11.2012

России в страны СНГ.

Значение этого финансового потока для стран ЦА огромно. Если сравнивать переводы с объемом ВВП, то в 2011 г. самую большую поддержку от своих мигрантов получили Таджикистан (47% ВВП – 1-ое место в мире) и Киргизия (29% – 3-е место в мире после Либерии - 31%).

Оценивая роль переводов трудовых мигрантов, следует непременно иметь в виду, что эта форма финансовой активности охватывает, в отличие прочих форм, широчайшие слои общества центральноазиатских стран, в том числе и даже чаще всего те возрастные категории, которые являются объектом пропаганды религиозно-экстремистских движений и террористического подполья. Абсолютное большинство таджиков даже не знает, какие сложные переговоры ведутся вокруг использования реконструированного на средства Индии стратегически важного аэродрома "Айни". Основную массу киргизов мало интересует проблема перевооружения национальной армии. Рядовые узбеки не вникают в сложности российско-узбекских отношений в газовой сфере. Однако практически каждую семью в Таджикистане, Киргизии и Узбекистане заботят проблемы, связанные с современным состоянием и перспективами трудовой миграции в Россию.

Нужны ли России трудовые мигранты из стран ЦА? Полагаем, что ответ на этот вопрос однозначен. Нужда в них будет с годами становиться всё острее – этому будет способствовать и демографическая ситуация в России, и нарастающая потребность в кадрах низкой и средней квалификации. Уже сейчас Россия сталкивается с проблемой замещения рабочих мест, относимых к категории "непрестижные, опасные, грязные". Но не будем забывать, что с расширением притока трудовых мигрантов из стран ЦА в Россию решаются не только социально-экономические проблемы партнёров – одновременно сокращается контингент, на который рассчитывают экстремисты всех мастей и террористическое подполье – а это уже вклад в обеспечение безопасности обеих сотрудничающих сторон.

Демографические проблемы России чрезвычайно сложны, разнообразны, и возникли они не после 1991 года. Напомню, что проблема вымирания Нечерноземья и Северо-Запада России стала предметом серьёзных демографических исследований (естественно, закрытых) ещё в начале 1970-х годов, а вопросами борьбы с молодёжной безработицей на фоне избыточного населения в среднеазиатских республиках всерьёз занимался Госплан СССР, начиная со второй половины 1970-х годов. Всё говорит о том, что с учётом специфики основного объёма работ, которые потребуется проводить в России в ближайшие десятилетия (восстановление, поддержание и развитие всех видов инфраструктуры, жилищное строительство, расширение номенклатуры услуг в сфере ЖКХ), без притока трудовых мигрантов нашей стране не обойтись.

Следовательно, можно чётко определить сферу, в которой интересы России и стран ЦА в наибольшей степени совпадают – *трудовая миграция*. Причём следует особо подчеркнуть, что в этой сфере совпадают в первую очередь общественные интересы. Практика показывает, что ничто так не сближает народы и страны как совместное решение жизненно важных проблем, имеющих не только общий, но и долгосрочный характер.

Однако помимо антиэкстремистской и антитеррористической направленности, взаимной выгоды и долгосрочного характера сотрудничества России и стран ЦА в сфере трудовой миграции, у него есть одно главное преимущество: в этой сфере у России в ЦА практически нет конкурентов. Ни США, ни Китай, ни Индия не могут предложить государствам ЦА аналогичной возможности для решения острейшей социально-экономической проблемы – проблемы занятости.

Нельзя забывать также о том, что во всех иных сферах сотрудничества, где её конкурентами в регионе активно используются "невоенные инструменты", Россия не обладает достаточной

конкурентоспособностью.

Объём *торговых операций* России со странами ЦА невелик, номенклатура российского экспорта в страны ЦА крайне узка и слабо диверсифицирована: в ней доминируют товары топливно-энергетической группы и вооружения. Российский экспорт несырьевых товаров на рынках стран ЦА испытывает жесточайшую конкуренцию, прежде всего со стороны поставок из Китая. Потребности России в импорте товаров из стран ЦА невелики, номенклатура закупаемых в них товаров весьма ограничена. Следовательно, возможности использования Россией торгового рычага воздействия на страны ЦА весьма ограничены и не могут способствовать укреплению безопасности в регионе.

Более того, в одном случае возможен эффект прямо противоположный – это касается поставок российских вооружений в регион. Они имеют достаточно жёсткие естественные ограничения по объёму и номенклатуре, а также, мягко говоря, низкую бюджетную эффективность. Но в ряде случаев они могут обострить напряжённость в регионе и даже усилить антироссийские настроения, что явно не укрепит безопасность ни стран ЦА, ни России. Например, вряд ли в Узбекистане будут приветствоваться массированные (предположительно на 1,4 млрд. долл.) поставки вооружений крохотным армиям Кыргызстана и Таджикистана.

Кроме того, нельзя исключать ситуацию, когда российское оружие будет использоваться в межклановой и межэтнической борьбе, что также не будет способствовать поддержанию безопасности в регионе.

Фактор воздействия *инвестиционного рычага* явно слаб. Российский частный капитал в силу многих причин осторожен при вложении средств в страны ЦА. В немалой мере это связано с неблагоприятным политическим и инвестиционным климатом в этих странах, а также с явным и скрытым противодействием экспансии российских компаний. Даже крупные проекты с участием российских государственных компаний и финансовых ресурсов годами ждут начала работ, осуществить которые невозможно из-за противоречий между странами региона: самый яркий пример тому – завершение строительства Рогунской ГЭС.

Учитывая изложенное выше, представляется необходимым сосредоточить усилия России и наших партнёров в ЦА в сфере трудовой миграции. Необходимо не только установить чёткие юридические нормы в данной сфере и обеспечить их должное правоприменение. Считаю целесообразным для России пойти на крупные инвестиции в этой сфере и в первую очередь создание обширной сети хорошо оборудованных центров профессиональной подготовки кадров как на территории заинтересованных центральноазиатских стран, так и в России, которые готовили бы рабочих по наиболее необходимым для российской экономики специальностям. Такого рода вложения (возможно и желательно многомиллиардные) будут способствовать безопасности и стабильности в регионе в гораздо большей степени, чем поставки вооружений.